

Русский хор

№ 3-4, 2010

Обращение редактора	2	Проза
Литературоведение		
Татьяна Вьюгина		Виолетта Реймонд
Журнальная жизнь кипит	4	Два веселых гуся
Геннадий Прашкевич		32
Зинаида Николаевна Гиппиус	8	Вы наши
Переписка с Сергеем Сухаревым	12	34
Татьяна Вьюгина		Евгений Мартов
Ресурс задушевности		По привычке
и непременной позитивности	13	37
Интервью с издателем альманаха		Наталья Шурина-Стремитина
«Муза» Валерием Лебединским	16	Записки из подвала
Авторы и художники нашего		42
журнала о себе	18	Татьяна Бондарева
Сведения об авторах	23	Лидия
Наши потери	24	49
Ольга Кляйн		«Эти глаза напротив...»
«Эти глаза напротив...»	51	Елена Перельман
Без прощальной игры	53	
Удивительные совпадения		
Предисловие к рубрике	69	
Геннадий Прашкевич		
Из записок писателя	70	
Галина Сычова		
Праздник Преображения	71	
Переводы		
Графиня де Сегюр		
Хлеб и лошади	72	
Елена Золотухина		
Светлейшие князья	73	
Поль Верлен		
Весенние ощущения	74	
Юридическая рубрика	77	
Новые книги	79	
Православные церкви департамента Эро	80	

    Виктория Турийон

    Быть счастливым - это просто

    Алла Сергеева

    Терпимость или толерантность?

    Евгений Мартов

    Виктор Фет

    Василий Черецкий

    Ольга Серейская

    Владимир Сергеев

    Эльмара Фаустова

    Марк Луцкий

    Илья Короп

    Маша Малахова-Фурнье

    Виктор Фет

Обращение редактора

Дорогие читатели!

Прошло почти 9 месяцев со дня выхода нашего первого, сдвоенного номера «Русского хора». За это время можно было родить ребенка, и кое-кто рождал, но не в наших рядах литераторов, а скорее в рядах читателей и персонажей, зато литераторы за это время породили и стихи, и прозу, и публицистику. Мы постараемся выпустить в свет сразу или почти сразу несколько номеров «Русского хора», среди которых будет один двуязычный. То есть ударим автопробегом по бездорожью, опровергнув мрачные пророчества о кончине печатного дела. Да, несомненно, тиражи многих, даже крупных издательств, падают, тиражи известных и давно существующих журналов тоже падают до объемов, которые лет двадцать назад показались бы смехотворными. Нет худа без добра. Леса Бразилии надо беречь и наши, российские, тоже не мешало бы. Ни над какими, даже мизерными, тиражами смеяться не надо. Дело идет вообще к фантастическому снижению тиражей. Однако всегда найдутся чудаки, которые будут читать и вырывать из рук литературу в твердом виде. Всегда найдутся библиотеки, и малые, и большие, которые купят у нас журнал либо мы им подарим. В настоящее время журнал поступает в библиотеки Франции (включая, прежде всего, Французскую национальную), Германии, Австрии (Национальная библиотека и Российский культурный центр), Москвы (им. Ленина и Русского зарубежья), Новосибирска. Наш журнал стал известен в Украине, в США и в Израиле. Другое дело, что продажа журналов нами еще не налажена, да и мы не возлагаем на этот процесс избыточных надежд, и это, как сказал бы Дмитрий Карамазов, «реализм действительной жизни, сударыня, вот что это такое». Речь идет именно о продаже, в чем мы пока еще не сильны. И не только мы. Из-за бесплатного экземпляра журнала (не только нашего) между особо заинтересованными читателями даже возможна легкая потасовка (правда, слава Богу, до мордобития еще не доходит), однако 5 евро или тем более 10 далеко не каждый руссофон готов выложить. Хотя тот же руссофон про француза может

обронить критическую фразу, что француз-де готов последнюю рубаху с себя снять, лишь бы деньги не платить. Руссофон, может быть, тоже снимет, в крайнем случае, рубаху, если уж так хочется заполучить журнал, но чаще ограничивается предложением руки и сердца (на подпиську деньги при этом предлагать излишне), известны подобные случаи на встречах с читателями. Или вот такие казусы. Одна поклонница нашего журнала, проживающая в Германии, выступила с чтением отрывков из нашего первого номера. Выступала она в магазине одежды, где половина слушателей, то есть персонала фирмы, так или иначе знали русский язык. Остальные, которые местные, «а не те, кто понаехали тут», слушали тоже внимательно, особенно им нравился ритм русского стиха. Дружная команда продавцов одарила добровольного пропагандиста русской культуры новой одеждой. «У них в редакции столько народу нет. Да еще и самой редакции нет», - скромно отказывалась от многочисленных подарочных пакетов наша чтица, или, как сказали бы во Франции, *lectrice*. Конечно, она подарила магазину один экземпляр. Восторженные слушатели стали договариваться насчет того, чтобы передавать журнал из рук в руки. Кто-то выкрикнул: «У меня дома ксерокс есть». Однако по итогам встречи не было куплено ни одного экземпляра. А на что, собственно, можно было рассчитывать? Свежая тенденция последних лет: люди выбрасывают из домов старые и новые журналы, русские и французские книги, детективы (хотя это местами понятно), русскую и зарубежную классику, даже Толстого и Достоевского. Вот уже на каком-то международном сайте Достоевский признан самым скучным писателем. Зато сэкономили жилплощадь, стало легче дышать. Однако выброшенную книгу мы выбрасываем не только из своей квартиры, но и из своей души, показывая зарязительный пример младшему поколению. А душа ведь обязана «трудиться и день и ночь, и день и ночь». Неужели же именно так интенсивно, так, как за книгой в переплете, она трудится у экрана

телевизора или в дружеской пирушке, или при разухабистых диалогах в facebook? Если мы удивляемся, что наши дети столь прагматичны и не вдумчивы, то удивляться надо самим себе, нашему самоотлучению от книг.

В условиях тотального наступления на печатную продукцию литераторы всех стран и народов, как в свое время пролетарии по призыву Маркса, должны объединиться и всемерно поддерживать друг друга, тем более поддержка чаще всего ничего человеку не стоит, а вернется к нему сторицей. Как отмечает Сергей Чупринин в статье «Остров. Литература в эпоху паралитературного бума» (Ж. Знамя, №4, 2010), история литературы последних десятилетий есть история «внутрикорпоративных разборок и скандалов, что приводит к тому, что шансы найти читателя у графомана не меньше, чем у серьезного литератора». Действительно, мало еще поддерживают друг друга литераторы, скорее, напротив, просто кушают друг друга более или менее вежливо, но, конечно, не всегда уж так и вежливо ... А, может быть, равновеликость шансов литературы и паралитературы вызвана еще и тем, что серьезная постсоветская литература не сказала читателю чего-то очень важного о нем и не зарядила его зарядом позитивности и задушевности (качества, в трактовке С. Чупринина очень сомнительные), а заразила скорее унынием и мизантропией? Как учили в свое время студентов американские специалисты по менеджменту: людям нравится читать то, что им известно и с чем они согласны. Я как читатель, например, не согласна с изображением того, что наконец в России «появились мужики, которые могут убивать и умирать» (похвала из уст Александра Проханова в адрес Захара Прилепина - можно подумать, что раньше таких ценных кадров в СССР и России вообще не водилось и что других задач перед русским мужиком не стояло! И вообще откуда тогда позорное вымирание русского народа, занимающего самую большую в мире по территории страну), и мне не известно, чтобы низкая самооценка закомплексованного персонажа вроде Венички Ерофеева приводила к лучшему по жизни результату, чем адекватная самооценка. Серьезные литераторы хотят жечь сердца людей, в отличие от графоманов? А если мое читательское сердце сильнее загорается от графоманских глаголов, а не от какого-нибудь Владимира Сорокина? Можем ли мы, литераторы, вообще кого-то презирать и осуждать: героев ли, читателей ли, писателей ли любого уровня сложности? Безусловно не можем, ведь «Мне возмездие, се Аз воздам», как предупреждал в эпиграфе к одному роману один великий писатель. Мы не претендуем на глубокий водораздел между графоманской и

серьезной литературой. В эмиграции уровень русского языка вообще снижается, это с горечью подмечал еще Куприн, сидя в кафе в своей *Марсели*. Редакция будет отстаивать свои позиции не в конфликтах и ссорах, а через отбор материала. Уровень и богатство литературного стиля не является решающим критерием. Так, недавно мне пришлось отвергнуть очень интересный, написанный замечательным французским языком рассказ довольно известного писателя, скрыто кодирующий читателя на самоубийство. Толкать на такие искушения, на депрессию и отчаяние мы читателя не будем.

Четвертая волна эмиграции должна осмыслить свой во многом печальный опыт - «сын ошибок трудных». О четвертой волне эмиграции и о самих эмигрантах, о тех испытаниях и потерях, которые пришлось пережить эмигранту, еще предстоит писать и говорить. Так называемая серьезная литература сказала об этом очень мало. Самого существенного еще вообще не сказано. Я обращаюсь к потенциальным авторам не размениваться в своих произведениях на сугубо телесные страсти и страсти. Откровенно сексуальные сцены, тем более порнография, в нашем журнале непроходимы. Ссылки на то, что все так пишут и у всех это берут и всюду это показывают, особенно на ТВ, говорят только о досадных заблуждениях авторов. Функция литературы – показать, прежде всего, жизнь человеческого духа, а не изолированного от духа телесного органа, да еще столь озабоченного. Что не исключает размышлений автора на вечнозеленую тему загадок и капризов основного человеческого инстинкта.

Данное обращение хотелось бы закончить честным признанием того факта, что наш журнал находится в процессе становления, его периодичность и тираж еще не прояснены. Со временем мы сможем делать звуковое (прежде всего музыкальное приложение). Круг наших авторов и читателей постепенно расширяется. Принято решение печатать только подписчиков журнала. Портфель редакции уже заполнен на год вперед. В ближайшее время интенсивно готовятся подряд два двуязычных номера нашего журнала, что позволит нам знакомить с русской литературой французских супружеских, родственников и друзей наших читателей, ибо для кого же существует железная дорога, как щутил А.П.Чехов, если не для родственников железнодорожников? В перспективе должны выходить 3-4 русскоязычных и 2 двуязычных номера каждый год.

Приятного Вам чтения!

С любовью ко всем Вам,
Татьяна Вьюгина

Татьяна Вьюгина

Журнальная жизнь кипит!

Хотя наш журнал не выпускался 9 месяцев, русское литературное слово за границей все-таки успешно развивается. Как всегда, еженедельно выходила газета «Русская мысль», где особенно глубокими мне кажутся статьи самого редактора Виктора Лупана. Газета «Перспектива» стала еще более красочной и многогранной, получив поддержку фонда «Русский мир». Дважды в год выходит в свет «Вестник русского христианского движения», в магазине «Объединенные издатели» (Париж, ул. Монтань С. Женевьев 11) его редактор Никита Струве подарил мне последний - 195-й номер, где содержится немало интересных статей. Например, «Памяти Н. В. Гоголя» протоиерея Василия Зеньковского, написанная 50 лет назад. Узнаем мы и о русско-французских семинарах в издательстве «ИМКА-Пресс» там же, о существовании французского кружка по русской философии, возглавляемого на протяжении многих лет Бернаром Маршадье. В отчете о семинарах упоминается вечер, посвященный наследию философа Льва Шестова, оказавшего (добавлю от себя) влияние на многих литераторов, в частности, на Надежду Тэффи. В период нахождения Николая Бердяева во главе издательства ИМКА-Пресс были изданы фактически все произведения Шестова. Очевидно, что ВРХД последовательно поддерживает дискуссионный дух и не стремится к выражению лишь одной философской мысли. Привлекает рубрика «Из истории эмиграции». Хотелось бы видеть ее постоянно и в газете «Русская мысль», где желательно бы больше читать о положении современной эмиграции (раньше такие статьи спорадически встречались). В 195-м номере содержится третья глава готовящегося издания русской версии книги «70 лет русской эмиграции» самого Никиты Струве, глава называется «Религиозная жизнь», она изображает необычайно сложную жизнь мирян и служителей Русской православной церкви за рубежом в 1919-1945 гг и немного касается современного положения. Я перечислила сотую часть материалов журнала. Отметим, что в составе редколлегии ВРХД значится поэтесса и богослов Ольга Седакова, неоднократно выступавшая в Монпелье перед широким кругом слушателей, а также богослов, ученый и

поэт Валентин Никитин, участник Венских литературных фестивалей.

В конце октября 2009 г. мне также довелось - впервые - поучаствовать в Вене в этом мероприятии, и я была приятно удивлена доброжелательной и творческой атмосферой фестиваля, который собрал много разношерстных по своим этическим и эстетическим взглядам, известных и неизвестных авторов. В этом серьезная заслуга его организаторов, с завидной регулярностью выпускающих ежемесячную газету «Соотечественник» и 4 раза в год журнал «Венский литератор». Огромное впечатление производит 11-й номер журнала, посвященный 200-летию со дня рождения Гоголя. Все его статьи свежи и хороши, но я особо выделяю работы участников конкурса, не получившие наград. Во-первых, рассказ Александра Паршина «Расплата», во-вторых, очерк Елены Владимировой «Невский проспект» (к сожалению, место жительство и биографии этих авторов не указаны). «Венский литератор» № 12 посвящен работам, завоевавшим признание на конкурсе «Литературная Вена» в 2009 г. Замечательна статья лауреата в номинации «Публицистика» Анатолия Лунина, журналиста и писателя из Калининграда, «Русского слова серебряный звон». Пребывание вдали от родины обедняет наш русский, «материнский», как говорят французы, язык, и богатую речь живущего в России писателя оцениваешь сразу. Именно по этой причине наш журнал будет публиковать и российских литераторов. Однако я отвлеклась. Анатолий Лунин обращает внимание на загрязненность современного русского языка, не щадя в своем разговоре никого, в том числе и президента страны. Но особенно сетует на литераторов и издателей: «Поток сквернословия захлестнул нас. Откроешь иную книгу или журнал - и словно лохань нечистот на тебя вынули». (Кстати, зачастую крайне груб язык персонажей, и я как редактор понимаю, что меру здесь соблюсти особенно важно, соблюдая и реалистичность. Все-таки «прекрасное есть жизнь», как говорил Чернышевский, жизнь заполняется и нашими словами, не будем наполнять ее бесконечными грубостями, недаром учил Козьма Прутков: если у тебя есть фонтан, заткни его, дай

отдохнуть фонтану). В 12-м номере крайне интересны работы лауреатов: Марины Балуевой «Записка» и Романа Всеходова «Писатель» (оба из Санкт-Петербурга). Другие участники конкурса также показывают высокий уровень, но в нашем местном читательском кружке пришли к выводу: следующий, 13-й номер «Венского литератора» еще интереснее. Опыт 12-го номера заставляет задуматься о специфике конкурсных работ вообще. Очевидно, что авторы чем-то скованы, прежде всего границами текста. Во-вторых, заострились на том, чтобы поразить жюри, потрафить ему, то есть уже априори заангажированы. В то время как 13-й номер - это именно тот, из-за которого дрались наши местные читатели (за право обладания).

Как всегда, бесконечно интересен Владимир Калашников своей статьей «Дерево на скале», обрисовывающей основное противоречие современности: между похотью экспансивной деятельности и внутренним творческим самоисчерпанием. Культура 21-го века, с горечью замечает автор, стала восприниматься как обстанние, которая есть лишь материал для благоустройства. Вся статья убедительно мотивирует читателя к выводам и предложениям, которые давно приходят на ум. Более того, о них думаешь как о проблесковых маячках. Например, о том, что автор называет «Не гордыней, а смиренным ожиданием». Именно такая позиция будет одной из основных при отборе работ для нашего журнала.

Так, мне приходится прочитывать много интересных произведений авторов из нашего региона. Многие написаны очень свежо, поднимают такие проблемы, которые и не снились, может быть, многим редакциям литературных журналов метрополии. Например, что Вы скажете о детективе, повествующем о замужестве русской красавицы, не очень молодой (за 40 лет), за французом, причем замужество вынужденное, вызванное связью (невольной, разумеется, а кто же хочет прямиком в объятия разбойников?) героини с некими международными криминальными кругами. Криминальность - это ведь всегда плод гордыни, нежелание соблюдать законы, и Божеские, и человеческие. Героиня детектива - замученная личными обстоятельствами и крупными социальными переменами, имеет много неоспоримых достоинств (чисто внешних, прежде всего). Но в ней начисто отсутствует смирение, она не понимает и постоянно осуждает своих близких, она не понимает и себя, в церковь забегает только поставить на ходу свечку, она одинока и страстно ждет близости с мужчиной. Подобное притягивается подобным. Оказавшись все-таки во Франции в безопасности, выйдя замуж за старика, который ее никак - ни материально, ниексуально, ни морально - не устраивает, она после случайного уличного знакомства притягивает к себе мужчину своей мечты: страстного и сильного, но тоже из международных криминальных кругов. После недолгого счастья ее избранник погибает, наша героиня, в отчаянии и депрессии, привлекает взгляды и возбуждает нешуточные чувства ее бывшего подельника или, быть может, конкурента

по темным делам. Текст написан свежо, местами красиво, убедительно и не без изящества, но так и хочется при всем искреннем сочувствии поместить героиню или на худой конец автора в позицию не «гордыни, но смиренного ожидания».

Если вернуться к «Венскому литератору», то в номере 13 отражены работы, поданные на первый международный конкурс духовной поэзии. Многосторонне рассмотрен образ Льва Троцкого в очерке Игоря Малаха «Троцкий в Вене». Внимание читателей привлек рассказ Марины Морозовой (именно той, чьим труду и кропотливым заботам обязаны писатели за дружелюбную и конструктивную атмосферу венских литературных фестивалей) под названием «Под стук колес». Мнения разделились, но рассказ никого не оставил равнодушным. Вспоминаются слова Горького, сказанные им в одном из писем (привожу по памяти): «Рассказ может и не понравиться читателю, привлекательность не настольна. Но часто и непонравившийся рассказ может так задеть читателя и впечатлиться в него, как гвоздь...». Кажется, мы имеем дело с таким случаем. Безусловно, автор в довольно сжатой форме поднимает сразу несколько проблем, в том числе и сугубо психологических. Он ставит вопросы, изображая персонажей довольно критически и жестко, не давая ответов. При такой методике построения повествования в моем мозгу часто возникает вопрос о том, к какой методологии тяготеет автор: к чеховской, жестко-ироничной, насмешливой, или к купринской - мягкой, задушевной, полной христианской любовью к людям, даже к самым низко падшим существам. В первом случае это призыв к беспощадному самоанализу и врачеванию своих пороков, во втором - это надежда на искупление. Читающему человечеству нужны и Чехов, и Куприн. Разумеется, они неповторимы, но Марина Морозова и в других своих рассказах, с которыми я тоже познакомилась, ближе стоит, мне кажется, к чеховскому стилю.

В 13-м номере на высоте, как всегда, стоит с подборкой своих новелл Инесса Рассказова из Австрии. Не может не зацепить творчество, представленное именами Вадима Савицкого (живет в Бельгии) и молодого прозаика, сочетающего литературную деятельность с работой юриста, Владислава Резникова (живет в России).

14-й номер «Венского литератора», только что вышедший из печати, интересен не менее 13-го. Опять поражает своим проникновением в глубины философской мысли Владимир Калашников со статьей «Надо стать выше жизни» об Алексее Лосеве. В глубины материи автор вгрызается в качестве физика-теоретика, остается только удивляться разносторонности творческих и научных интересов В. Калашникова. Символичен и толкает на синергию вывод автора о том, что Родина не есть «нечто идеальное в смысле оторванности от всего реального. Нет! В том-то и дело, что она есть наша плоть и кровь, наш исток и одновременно задание, план, порождающая модель...» (с.12).

Прозаик (окончивший, кстати, Литинститут),

проживающий с 2004 г. в Германии, Владимир Штайгман, обращает на себя внимание рассказом «У нас самые счастливые в мире вдовы». Имеющая свою обширную референтную группу (по крайней мере, у нас в Монпелье, не может такого быть, чтобы этой референтной группы у нее не было в Австрии, хотя может случиться, что и не быть пророку в своем литературном отечестве) Инесса Рассказова в повести «Мой незнакомый брат» создает мужские образы сразу нескольких поколений: прежде всего своего репрессированного деда и своего двоюродного брата. Последний заставляет меня задуматься над вопросом: этот герой, достаточно талантливый, интеллектуальный, нежный, местами крайне черств, эгоистичен и непоследователен - даже в своих главных жизненных ролях - мужа и отца, не получил в свое время высшего образования. Может быть, высшее образование именно в эту позднесоветскую пору было куда как кстати, потому что придавало юношам некую духовную силу, благодаря своей еще существовавшей тогда «классичности» и некоррумпированности.

Интересен социально-психологический и этнографический детектив Владимира Брисова «Сокровище Арапкума». С радостью констатирую появление в 14-м номере постоянного автора нашего журнала «Русский хор» Виолетты Реймонд с рассказом «Коза-дереза», который выйдет у нас на 2 языках в следующем, двуязычном номере.

Культурный обмен между Веной и Монпелье привел к тому, что у нас в Монпелье в день Победы 9 мая побывали активные участники Венского фестиваля поэт и путешественник Илья Короп и поэтесса, писатель, музыкант Наталья Шурина-Стремитина. Они войдут в круг авторов нашего журнала. Наталья Шурина в повести «Записки из подвала» делится своим опытом эмиграции образца 1989 г., когда выехавшие были «еще не уже, но уже не еще» (по сути это грань между третьей и четвертой волной эмиграции).

Наш журнал не случайно назван «Русский хор». Имея такое название, он стал притягивать к себе прежде всего литераторов, одаренных музыкально. Наталья Шурина - человек-оркестр. Будучи женой композитора и ученого- медика Симона Шурина (мне особенно приятно отметить, что в свое время Симон Шурин работал в Новосибирском академгородке), она с его слов записывала ноты, сама пела его романсы и организовывала концерты. В качестве композитора С.Шурин написал более 400 романсов на стихи русских поэтов. В следующем номере мы печатаем ноты и слова романса «Черный ворон, белый снег» (стихи Анатолия Жигулина, рассказ о котором предстоит в перспективе). Выступления Натальи и Ильи прошли в ряде аудиторий Монпелье и Ламалу (департамент Эро), где собрались любители русской культуры и изучающие русский язык французы всех возрастов.

Такой же огромный интерес вызвал приезд двух авторов нашего журнала из Парижа в начале марта с.г., когда Монпелье впервые за последние 15 лет был засыпан густым снегом. Речь идет об

активистах ассоциации «Глагол» Владимире Сергееве и Алле Сергеевой. Алла Сергеева является автором фундаментальных монографий и пособий по чтению, посвященных русскому характеру, которые быстро раскупаются читателями, в значительной доле это изучающие русский язык иностранцы. Выступление двух авторов прошло блестяще. Пара Сергеевых выступала практически вместе, заворожив аудиторию рассказом об основных противоречиях и об истоках русского характера. Синхронный перевод обеспечивал Владимир Сергеев, после чего провел мастер-класс по переводу на французский язык русской поэзии и французских авторов на русский язык. Во время этого выступления яблоку негде было упасть, что бывает у нас, признаюсь, очень редко. Затем слушатели довольно быстро расхватили свежеиспеченные (точнее, испеченные осенью 2009 г.) книги «Альманах Глагол» № 1, который стал значимым событием в сфере русского печатного слова во Франции. Это событие могут затмить только еще некоторые события (не считая выхода второго номера Альманаха, который не за горами): например, во Франции стал выходить детский литературный журнал на русском языке «Перемена». Альманах «Глагол» привлекает прежде всего высоким уровнем поэтического слова, поэтическими и прозаическими парадоксами. Многие стихи могут звучать как афоризмы. Например, стих Виталия Амурского на стр. 63 (точнее, его концовка).

«Как странно идти по знакомым местам
чужеземцем,
Печально шепча этим улицам: родина, ты ль?
Ответа не ждя, только смутно предчувствя
сердцем,
Что хуже пришельца тут собственный вырос
Батый».

А как выделяются стихотворения упорно совмещающей творчество и бизнес Наташи Гуржий-Тэпо! Ее стихотворение «За рубежом» может быть названо программным. Оно зримо очерчивает все противоречия судеб, мотиваций, поступков, метаний и характеров эмигрантов. С любезного разрешения редакторов помещаем это стихотворение полностью.

За рубежом

За рубежом мы все на рубеже...
На грани... на пределе... на ноже...
Врожденное желанье жечь мосты...
Нас держит у рискованной черты...
Нам не хватает ни добра, ни зла...
Такое состоянье «бордерлайн»-
Меж болью и восторгом... между слов...
Вне времени... культур и языков...
За рубежом мы все на рубеже...
Мы не еще... и даже не уже...
Попытки выживания в чужом
Живут давно у нас за рубежом.
Мы тяжелы... хоть на подъем легки.
Мы тонем по течению реки...
Мы странные! Мы странники страны,
Которой не останемся верны...

За рубежом мы все на рубеже...
Который год сидя на багаже,
мы чертим свой неведанный маршрут.
Мы гости, что Хозяина клянут.
Незванны и непрошены в дома!
Сошедшие с вокзалов и с ума!
Не подаем давно друг другу рук...
Лишь молимся деревьям и костру...

Нам стали колыбелью поезда...
Нас вывела кривая в никуда...
Давно забыла наши имена,
Родившая нас странная страна».¹

Умри, Денис, лучше не скажешь, не правда ли, уважаемый читатель, если Вы проживаете за рубежом?

Кстати, редактор-составитель Владимир Алексеев, сам выступивший в альманахе с

¹ © Natasha Gourjaj-Tépo. Стихи.. Альманах «Глагол». Париж, 2009, с.65.

трогательными и смешными очерками о своей собственной эмиграции (жанр, на который есть мало охотников) и со стихами, проделал титаническую работу. Остальное содержание «Глагола» № 1 мы в данном номере не затрагиваем. Равно как ограничимся только констатацией (исключительно доброжелательной, поверьте нам) факта выхода в свет еще одного русскоязычного журнала - «Другой гид» (Хроника культуры, экспресс-информация, Санкт-Петербург-Париж, под ред. Сергея Дедюлина), мне удалось купить по 10 евро первый, тоже сдвоенный номер за 2010 г., издаватель – Русский Институт в Париже, а также вне-серийное приложение за февраль 2010 г. к газете «Перспектива» на французском языке «Il était une fois la littérature Russe» («Когда-то существовала русская литература»).

Наш журнал будет постоянно печатать интервью с руководством издательств и издателями русскоязычных периодических изданий. Сегодня эту рубрику открывает беседа с Лебединским Валерием Ефимовичем, с которым мы познакомились в Вене на литературном фестивале 2009 г.

Геннадий Прашкевич

Зинаида Николаевна Гиппиус

Родилась 8 (20) ноября 1869 года в городе Белеве.

“Семья Гиппиус, - писала она позже, - ведет свое начало от Адольфуса фон Гингста, перенесявшего фамилию Гингст на фон Гиппиус и переселившегося в Россию (в Москву) в XVI, кажется, веке из Мекленбурга (герб фон Гиппиус – 1515 г.). Несмотря на такое долгое пребывание в России, фамилия эта до сих пор в большинстве своем – немецкая; браки с русскими не давали прочных ветвей.” В конце 1877 года отца перевели в Петербург товарищем обер-прокурора сената, но открывшийся у него туберкулез потребовал переезда на юг. “Меня отдали было в киевский институт, - вспомнила Гиппиус, - но через полгода взяли назад, так как я была очень мала, страшно скучала и все время проводила в лазарете, где не знали, как меня лечить: я ничем не страдала, кроме повышенной температуры.” Только после смерти отца (в марте 1881 года) Гиппиусы переехали в Москву. “Средства оказались небольшие, а семья порядочная: с нами (кроме трех маленьких сестер) жили еще бабушка и незамужняя тетка, сестра моей матери.” Впрочем, в Москве Гиппиусы тоже не задержались: из-за слабого здоровья детей вновь пришлось отправиться на юг – сперва в Ялту, потом в Тифлис.

“В гимназию поступать оказалось поздно (мне было 16 лет), - вспомнила Гиппиус, - я бы не выдержала экзамена в последний класс – слишком бессистемны были мои знания. Умела заниматься тем, что нравилось, а к другому до странности была

Автор рисунка
Лариса Флер

тупа. Книги – и бесконечные собственные, почти всегда тайные, писания – только это одно меня главным образом занимало. Пристрастилась одно время к музыке (мать моя была недурная музыкантша), но потом бросила, чувствуя, что “настоящего” тут не достигну. Характер у меня был живой, немного резкий, но общительный, и отнюдь не чуждалась я “веселья” провинциальной барышни. Но больше всего любила лошадей, верховую езду, ездила далеко в горы...”

Лето 1888 года в Боржоми Гиппиус познакомилась с молодым поэтом Д. С. Мережковским. “Устремляя наши очи на бледнеющий восток, дети скорби, дети ночи, ждем, придет ли наш пророк...” – эти стихи не были еще написаны, но идея символизма, скоро завоевавшего литературную Россию, уже витала в литературной атмосфере. “Дерзновенны наши речи, но на смерть обречены слишком ранние предтечи слишком медленной весны...” “Они (стихи Мережковского) мне не нравились, как ему не нравились мои, ненапечатанные, но заученные наизусть некоторыми из моих друзей. Как я ни увлекалась Надсоном, писать “под Надсона” не умела и сама стихи свои не очень любила. Да они действительно были довольно слабы и дики. На почве литературы мы много спорили и даже ссорились с Мережковским. Он уехал в Петербург в сентябре. В ноябре, когда мне исполнилось 19 лет, вернулся в Тифлис; через два месяца, 8 января 1889 года, мы обвенчались и уехали в Петербург...”

“Странное впечатление производила эта пара,

- вспоминала Б. Погорелова, - внешне они поразительно не подходили друг к другу. Он – маленького роста, с узкой впалой грудью, в допотопном сюртуке. Черные глубоко посаженные глаза горели тревожным огнем библейского пророка. Это сходство подчеркивалось полуседой, вольно растиющей бородой и тем легким вззвизгиванием, с которым переливались слова, когда Д. С. раздражался. Держался он с неоспоримым чувством превосходства и сыпал цитатами то из Библии, то из языческих философов. А рядом с ним – Зинаида Николаевна Гиппиус, соблазнительная, нарядная, особенная. Она казалась высокой из-за чрезмерной худобы, но загадочно-красивое лицо не носило никаких следов болезни. Пышные темно-золотистые волосы спускались на нежно-белый лоб и оттеняли глубину удлиненных глаз, в которых светился внимательный ум. Умело яркий грим. Головокружительный аромат сильных, очень приятных духов. При всей целомудренности фигуры, напоминавшей скорее юношу, переодетого дамой, лицо З. Н. дышало каким-то грешным всепониманием. Держалась она как признанная красавица, к тому же – поэтесса. От людей, близко стоявших к Мережковским, не раз приходилось слышать, что заботами о семейном благодеянии (т.е. об авансах и гонорарах) ведала почти исключительно З. Н. и что в этой области ею достигались невероятные успехи...” Кстати, последнее оказалось очень даже не лишним, поскольку ни Мережковский, ни Гиппиус не получали от родителей никакой поддержки, и жить им приходилось исключительно гонорарами.

“Первый мой рассказ “Простая жизнь” (заглавие изменено на “Злосчастная”), - вспоминала Гиппиус, - был напечатан в 1890-м, кажется, году в “Вестнике Европы”. Я писала романы, заглавий которых даже не помню, и печаталась во всех приблизительно журналах, тогда существовавших, больших и маленьких. Замечу, что европейское движение “декаданса” не оказало на меня влияния. Французскими поэтами я никогда не увлекалась и в 90-х годах мало их читала. Меня занимало, собственно, не декаденство, а проблема индивидуализма и все к ней относящиеся вопросы. Литературу я любила нежно и ревниво, но никогда не “обожествляла” ее: ведь не человек для нее, а она для человека...”

С Мережковским (с ним она прожила более чем полвека, не разлучаясь ни на день, - сама так утверждала) Гиппиус устраивала регулярные религиозно-философские собрания. С ним же и с близким другом семьи Д. В. Философовым издавала собственный литературный журнал “Новый путь”; под псевдонимом Антон Крайний выступала как литературный критик. “По совести, должна сказать, что никогда не отрицала я влияния Мережковского на меня уж потому, что сознательно шла этому влиянию навстречу, - но совершенно так же, как он шел навстречу моему. Из этой встречности нередко рождалось новое, - мысль или понимание, которые уже не принадлежали ни ему, ни мне, может быть, “нам”. Так же, впрочем, шла я, шли мы, насколько умели, навстречу “влиянию”

нашего друга Д. В. Философова...”

“Окно мое высоко над землею, высоко над землею. Я вижу только небо с вечернею зарею, с вечернею зарею... И небо кажется пустым и бледным, таким пустым и бледным. Оно не сжалится над сердцем бедным, над моим сердцем бедным... Увы, в печали безумной я умираю, я умираю, стремлюсь к тому, чего я не знаю, не знаю... И это желание не знаю откуда пришло откуда, но сердце просит и хочет чуда, чуда.. И пусть будет то, чего не бывает, никогда не бывает. Мне бледное небо чудес обещает, оно обещает... Но плачу без слез о неверном обете, о неверном обете. Мне нужно то, чего нет на свете, чего нет на свете...”

“Есть люди, которые как будто выделаны машиной, на заводе, выпущены на свет Божий целыми однородными сериями, - писал поэт Г. Адамович, - и есть другие, как бы “ручной работы”, – и такой была Гиппиус. Но помимо ее исключительного своеобразия я, не колеблясь, скажу, что это была самая замечательная женщина, которую пришлось мне на моем веку знать. Не писательница, не поэт, а именно женщина, человек, среди, может быть, и более одаренных поэтесс, которых я встречал. И в самом деле, она была необыкновенно умна. Но гораздо умнее в разговоре, с глазу на глаз, когда она становилась такой, какой должна была быть в действительности, без раз навсегда принятой позы, без высокомерия и заносчивости, без стремления всех учить чему-то такому, что будто бы только ей и Мережковскому известно, - в разговоре с глазу на глаз, когда она становилась человеком ко всему открытым, ни в чем, в сущности, не уверенным и с какой-то неутолимой жаждой, с непогрешимым слухом ко всему, что за неимением другого, более точного термина приходится называть расплывчатым термином “музыка”. В ней самой этой музыки не было, и при своей проницательности она не могла этого не сознавать. Иллюзиями она себя не тешила. Музыка была в нем, в Мережковском, какая-то странная, грустная, приглушенная, будто выхолощенная, скопческая, но несомненная. Зато она, как никто,чувствовала и улавливала музыку в других людях, в чужих писаниях и всем своим существом к ней тянулась. От всего только бытового, бытом ограниченного, от всякого литературного передвижничества она пренебрежительно отталкивалась, будто ей нечего было со всем этим делать, и даже бывала в отталкиваниях не всегда справедлива, принимая за передвижничество и то, что было им только в оболочке. Ей, да и ему, Мережковскому, нужен был дух в чистом виде, без плоти, без всего, что в жизни может отяжелить дух при попытке взлета, они оба были в этом смысле людьми “достоевского”, антитолстовского склада – склада, определившего то литературное движение, к которому они оба принадлежали и которое одно время даже возглавляли...” И дальше: “Она хотела казаться человеком с логически неумолимым, неизменно трезвым, сверхкартизианским умом. Повторю, она была в самом деле очень умна. Но ум у нее был путанный, извилистый, очень женский, гораздо более замечательный в смутных догадках,

«Сосланная» («L'exilée»).

Художник Луиза Бруньоли (Louise Brugnoli)

чем в отчетливых, отвлеченных построениях, в тех рассудочных теоремах, по образцу которых написаны многие ее статьи. Она хотела казаться проницательнее всех на свете, и постоянной формой ее речи был вопрос: “А что, если?” А что, если дважды два не четыре, а сорок семь, а что, если Волга впадает не в Каспийское море, а в Индийский океан? Это была игра, но с этой игрой она свыклась и на ней построила свою репутацию человека, который видит и догадывается о том, что для обыкновенных смертных недоступно. Она знала, что ее считают злой, нетерпимой, придирчивой, мстительной, и слухи эти она усердно поддерживала, они ей нравились, как нравилось ей раздражать людей, наживать себе врагов. Но это тоже была игра. По глубокому моему убеждению, злым, черствым человеком она не была, а в особенности не было в ней никакой злопамятности...”

Революцию Гиппиус категорически не приняла.

“Простят ли чистые герои? Мы их завет не сберегли. Мы потеряли все святое: и стыд души, и честь земли... Мы были с ними, были вместе, когда надвинулась гроза. Пришла Невеста. И Невесте солдатский штык проткнул глаза... Мы утопили, с визгом споря, ее в чану Дворца, на дне, в незабываемом позоре и в наворованном вине... Ночная стая свищет, рыщет, лед по Неве кровав и пьян. О, петля Николая чище, чем пальцы серых обезьян!.. Рылеев, Трубецкой, Голицын! Вы далеко, в стране иной. Как вспыхнули бы ваши лица перед оплеленной Невой!.. И вот из рва, из терпкой муки, где по дну выется рабий дым, дрожа протягиваем руки мы к вашим саванам святым... К одежде смертной прикоснуться, уста сухие приложить, чтобы умереть — или проснуться, но так не жить! Но так не жить!..”

“Мы думали, что дошли до пределов страшанья, — писала Гиппиус в воспоминаниях о Блоке, которому не подавала руки после выхода его поэмы “Двенадцать”, — а наши дни были еще как праздник. Мы надеялись на скорый конец проклятого пути, а он, самый-то проклятый, еще почти не начался. Большевики, не знавшие ни русской интеллигенции, ни русского народа, неуверенные в себе и в том, что им позволят, еще робко протягивали лапы к разным вещам. Попробуют, видят — ничего, осмелеют, хапнут. Так, весной 18-го года они лишь целились запретить всю печать, но еще не решались (потом, через год, хотели: и дураки же мы были церемониться!). Антибольшевистская интеллигенция — а другой тогда не было, исключения считались единицами — оказывалась еще глупее, чуть не собираясь бороться с большевиками “словом”, угнетенным, правда, но все-таки своим. Что его (слово) просто-напросто уничтожат — она вообразить не могла... За месяц до этого уничтожения мне предложили издать маленький сборник стихов, все написанное за годы войны и революции. Небольшая книжка эта, “Последние стихи”, необыкновенно скоро была напечатана в военной, кажется, типографии (очень недурно), и затем все издание, целиком, кому-то продано, — впрочем, книгу свободно можно было достать везде, пока существовали книжные магазины. Очень скоро ее стали рекомендовать, как запрещенную...” (В одной из антирелигиозных брошюр Троцкого тех лет есть, кстати, такие слова: “Пора, товарищи, понять, что никакого Бога нет, ангелов нет, чертей и ведьм нет.” Но, будто спохватившись, Троцкий тут же приписал в скобках: “Нет, впрочем, одна ведьма есть — Зинаида Гиппиус.”) В январе 1920 года Гиппиус и Мережковский нелегально перешли польскую границу. “Я знаю, — писала Гиппиус, оказавшись в Варшаве, — и теперь, за эти месяцы, в могиле Петербурга ничто не изменилось. Только процесс разложения идет дальше, своим определенным, естественным, известным всем путем. Первая перемена произойдет лишь вслед за единственным событием, которого ждет вся Россия, — свержением большевиков. Когда?.. Не знаю времени и сроков. Боюсь слов. Боюсь предсказаний. Но душа моя все-таки на этот страшный вопрос “когда”? — отвечает: скоро...”

“Зинаида Гиппиус была когда-то хороша собой, — вспоминала Тэффи, тоже оказавшаяся во Франции. — Я этого времени уже не застала. Она была очень худа, почти бестелесна. Огромные, когда-то рыжие волосы были странно закручены и притянуты сеткой. Щеки накрашены в ярко-розовый цвет промокательной бумаги. Косые, зеленоватые, плохо видящие глаза. Одевалась она очень странно. В молодости оригинальница: носила мужской костюм, вечернее платье с белыми крыльями, голову обвязывала лентой с брошкой на лбу. С годами это перешло в какую-то ерунду. На шею натягивала розовую ленточку, за ухо перекидывала шнурок, на котором болтался у самой щеки монокль. Зимой носила какие-то душегрейки, пелеринки, несколько штук сразу, одна на

другой. Когда ей предлагали папироску, из этой груды мохнатых обверток быстро, как язычок муравья, вытягивалась сухонькая ручка, цепко хватала ее и снова втягивалась. Когда-то было ей дано прозвище Белая Дьяволица. Ей это очень нравилось. Ей хотелось быть непременно злой. Поставить кого-нибудь в неловкое положение, унизить, поссорить. Спрашиваю: “Зачем вы это делаете?” — “Так. Я люблю посмотреть, что из этого получится.”

“Сама я придаю значение очень немногим из моих слов, писаний, дел и мыслей, — писала Гиппиус. — Есть три-четыре строчки стихов: “Хочу того, чего нет на свете...”; “В туманные дни — слабого брата утешь, пожалей, обмани...”; “Надо всякую чашу пить до дна...”; “Кем не владеет Бог — владеет Рок...”; “Это он не дал мне — быть...” (о женщине). Если есть другие — не помню. Эти помню.”

“Последние месяцы своей жизни З. Н. много работала, и все по ночам, — вспоминала Тэффи. — Она писала о Мережковском. Своим чудесным бисерным почерком исписывала целые тетради, готовила большую книгу. К этой работе она относилась как к долгу перед памятью “Великого Человека”, бывшего спутником ее жизни. Человека этого она ценила необычайно высоко, что было даже странно в писательнице такого острого, холодного ума и такого иронического отношения к людям. Должно быть, она действительно очень любила его. Конечно, эта ночная работа утомляла ее. Когда она чувствовала себя плохо, она никого к себе не допускала, никого не хотела. Я очень жалела ее, но часто приходить не могла. Она почти совсем оглохла, и надо было очень кричать, что для меня было очень трудно. Одно время она почувствовала себя лучше и даже сделала попытку снова собирать у себя кружок поэтов. Но это оказалось слишком утомительным, да и глухота мешала общению с гостями... Как-то, после долгого отсутствия, зашла я к ней и узнала, что она решилась пойти к парикмахеру сделать “индефризабль”, что очень плохо отразилось на ее здоровье. У нее отнялась правая рука. “Это оттого, что Дмитрий Сергеевич, гуляя, всегда опирался на мою руку”, — говорила она. И мне казалось, что эта мысль ей приятна потому,

что она давала желанный смысл и как бы освящала ее страдания...”

Умерла 9 сентября 1945 года в Париже.

От редактора: позвольте привести здесь одно стихотворение Зинаиды Гиппиус, которое, несомненно, содержит некоторую психологическую загадку. Я часто вспоминаю его одновременно с одним воспоминанием из далекой студенческой юности, когда, едучи в фирменном поезде «Сибиряк» (Москва-Новосибирск) на верхней полке, слышала, как отец семейства поучал двух своих детей-подростков (кстати, папа, как он мне рассказал, принадлежал к племени цыган, но, кажется, не тех, которых сейчас выселяют из Франции): «Дети, запомните, любовь человеку дается одна на всю жизнь. Вот только она на разных людей переходит».

Зинаида Гиппиус Любовь одна

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь — одна.

Мы негодуем, иль играем,
Иль лжем — но в сердце тишина.
Мы никогда не изменяем:
Душа одна — любовь одна.

Однообразно и пустынно,
Однообразием сильна,
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Лишь в неизменном — бесконечность,
Лишь в постоянном глубина.
И дальше путь, и ближе вечность,
И все ясней: любовь одна.

Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа — верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.

Переписка по скайпу автора нашего журнала Сергея Сухарева с редактором 27 августа 2010 г.

Поскольку мы знакомы с детства, то называем друг друга на ты. Речь идет о повести «Баба Надя и баб Валя», опубликованной в первом номере нашего журнала.

С.С. Таня, доброе утро. Мне кажется, что замена в начальной фразе «зубов» на «ботинки» внесла резко фальшивую ноту. Уж не говоря о том, что ботинки в поцелуе никак не участвуют (а нечищенность оных может интересовать разве что старшину в казарме), потеряна скрытая — совершенно неожиданная — связь с упоминаемым ниже Сергеем Есениным, которого называли «чернозубым ангелом».

Т.В. Доброе утро. Сережа, может быть, ты и прав. Возможно, я превысила полномочия редактора. Хотя, если вдуматься, этот вопрос цепляет другие аспекты текста. Моя мотивация: с зубов и вообще с физиологизмов лучше не начинать рассказ или повесть. А на ноги и на ботинки в большинстве случаев реальной коммуникации все-таки смотрят. Хотя теперь я действительно услышала некоторую фальшивую ноту после моей замены. Ведь в твоей повести, вне сомнений,

видна вся жизнь государства как на ладони. Ремарка бабы Нади характерна как штрих, рисующий особенности воспитания подростков в советское время. Присутствовал некий культ легкого флирта. Детей воспитывали так, что они должны были всегда физически нравиться противоположному полу. Хотя прямо о сексе говорилось мало. Тогда на нас не снизошла, слава Богу, сексуальная революция с Запада, не набросился с другой стороны агрессивный феминизм, ничего не знали или не желали знать о христианской аскетологии (кстати, о ней заговорили только в последнее время, и то в основном вдумчивые, приличные издания). В дальнейшем мы также будем поднимать эти вопросы в своем журнале. Что касается твоей повести, то частично мой опрометчивый шаг может быть исправлен. Наш первый номер постоянно допечатывается. Во-вторых, скоро он будет существовать и в электронной версии на одном крупном новосибирском сайте. В повторную версию твоей повести мы внесем первоначальный зачин: «Девочка вздумает тебя поцеловать, а у него зубы нечищенные...»

С.С. Да, хорошо бы вернуть.

Рубрика кота Леопольда: споры литераторов

Дорогие читатели! Эта статья – в несколько иной редакции – стала лауреатом международного конкурса «Литературная Вена 2010».

Лидия Девушкина-Соммэ

Ресурс задушевности и непременной позитивности

Данные заметки навеяны чтением статьи высоко искренне мною чтимого критика Сергея Чупринина «Остров. Литература в эпоху паралитературного бума». Ж. «Знамя» 2010, № 4. Однако представьте себе, дорогой читатель, не меня, пожилую уже, но совсем не маститую писательницу (про мой теперешний возраст в советское время деликатно говорили: «хорошо прожившая свою жизнь девушка средних лет»), а молодую, синеглазую, красивую, уже знаменитую француженку (знаменитую тем, что, еще учась в лицее, выиграла общенациональный конкурс на лучшее любовное письмо). В ее внешности почти что фотомодели не к чему придраться (разве что если увидишь – я видела! – или прочтешь, что она курит). Наша героиня две бессонные ночи распечатывала на своем допотопном монстре несколько своих самых первых рассказов – про любовь-морковь и вообще обо всем, потом послала кое-куда почти наугад. Три месяца спустя пришло приглашение от некоего парижского издателя встретиться лично. Наша героиня на радостях долго блуждает, запутавшись с адресом (участь не только иностранцев!). «У меня мандраж, крутит желудок, гудят ноги, прошиб пот, а трусики за ... франков больно врезались в попу. Та еще картина». Анна Гавальда – назовем так нашу героиню – заранее посчитала, что к издателю надо идти в джинсах, зато в отпадном белье, потому что издатель – ух, какой мужчина! – видит насеквоздь и сразу отличит визитершу в хлопчатобумажных панталонах до пупа от той, что носит легкомысленные штучки фасона супер из шелка цвета слоновой кости. Русская женщина на ее месте подумала бы прежде всего об ауре, а уж потом о трусах, одев все-таки хлопковые до пупа, нутак французы известные матерьалисты. На реальном рандеву разговор Анны с издателем приобрел совершенно неожиданный для нее оборот: издатель наблюдает за ней, как в сказке

«Золушка», а именно как дергается мышка в его когтистых лапках, а он потешается над ней, этакой провинциалкой. Затем он снисходительно замечает, что в ее рукописи есть кое-что небезынтересное и даже определенный стиль, но тут следует пространное рассуждение о пишущих людях вообще и о тяжелой доле издателя в частности, завершающийся вежливым отказом напечатать ее рассказы. «Я так и села. Разумеется, я и так сидела, но другого слова не подобрать». А Анна Гавальда и не подбирает, она пишет на языке своих персонажей – людей скромных и интеллигентных, но немножко с безуминкой. Наша героиня присидела так еще несколько часов. Ее крепко заклинило – разновидность паралича. Впервые в жизни, однако. Она даже не могла пошевелить пальцами. Моя российская приятельница-литератор в таких случаях молится св. Пантелеймону, и ей сразу помогает, а французы – опять же сугубые матерьалисты: или просто сиднем сидят и мысленно ругаются, или молятся какому-нибудь Архитектору Вселенной, но к Анне Гавальда последнее, кажется, не относится. Вот Виктор Гюго, тот да, но речь не о нем... Бесцеремонный издатель, которому нужен сей же час кабинет, выталкивает Анну в коридор, наподобие калеки в инвалидном кресле, разница только в том, что у ее кресла нет колес и, полагает Анна, эта разница оказывается весьма существенной. «Я всегда любила покушать». По жизни, правда, Анна очень тонкая, у настоящего писателя (по себе знаю) все калории уходят в печатные листы. Вопреки всякому парижскому политесу, этот издатель, эта Синяя Борода, наконец, покидает свое логово, отсыревшее от слез графоманов, а Анна все еще остается в параличе, и при помощи вызванных им двух курьеров – рослых красивых парней в татуировке – выставляет бедную девушку на улицу. «Ну до чего же славные ребята», – восхищается Анна. Образчик столичного по-

литеса, ее несостоявшийся издатель, рассчитывавший якобы на нее в будущем, галантно раскланялся с ней на прощание. Все еще неподвижная, Анна решает: именно уж кто останется доволен, так это его супруга, ведь сегодня ей придется выслушивать не жалобы на кризис в издательском деле. Вот такая новелла «Эпилог» завершает сборник рассказов Анны Гавальда «Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал» (перевод с французского, М.: ИД «Флюид», 2008. - 240 с.) Это 12 новелл, покоривших мир, переведенных на 36 языков. В одном флаконе ирония, изящество, грубоватость-жесткость. «Моя жизнь, моя работа, мое удовольствие - быть свидетелем и наблюдать за людьми. В этом главная прелесть того, что я делаю», - разъясняет в своих интервью писательница. Жизнь, бесконечная и разнообразная, переливающаяся всеми красками, взаимоотношения, когда люди «просто вместе», просто любовь, торжество любви, а не конец любви, как у мрачного и мизантропичного Уэльбека (этот-то как раз элитарный профессионал, и вот уж кому задушевность не помешала бы).

Дорогой Сергей Иванович! Я не спорю с Вами. Я бесконечно Вас уважаю и как критика, и как редактора, и как человека, и как писателя (в этих ипостасях видела Вас в «Знамени» в кабинете на углу Б.Садовой и М.Бронной, когда Вы надписывали мне свои обзорные книги по современной русской литературе, исключительно интересные, кстати). Спорить вообще не люблю. Пусть каждый остается при своем мнении. А мир - это не что иное, как совокупность мнений, по слову французского философа Деррида. А литература - это совокупность всех книг всех тиражей и всех форматов. Изображая ту или иную ситуацию, пусть и носящую личный характер, художник завоевывает себе референтную группу. «Все мы летающие любовники Шагала», - писал Юрий Трифонов. Все мы (графоманы, полуграфоманы, состоявшиеся и несостоявшиеся писатели, давайте даже чуть-чуть, пусть и слегка, презирать никого не будем) оказывались в таком кресле наедине с издателем, не обязательно с Левого берега Сены, и нас тоже крепко заклинивало, чаще в переносном смысле, Анна-то Гавальда еще легко отделалась, обезножев всего на несколько часов, а потом обретя мировую славу. Мы пишем не потому, что нам скучно (а кому интересна скучающая особа, если это не Лермонтов) и у нас много свободного времени, и не потому, что другого ничего за границей не умеем делать и нам нечем заняться. СССР после 1989 г. (нового закона о въезде-выезде в страну) покинуло несколько миллионов человек. Остальные почти 150 млн. проснулись в декабре 1991 г. в стране, которая исчезла с лица земли. Эти т.н. теперь «русскофоны» прошли через испытания, о которых только они и могут рассказать и только сами. Писать об этом очень трудно, пишут на самом деле очень немногие, перебирая тонны словесной руды. Гораздо легче писать о босоногом детстве и про розы-морозы (на юге Европы есть только розы). А между тем ничто и никто не должны быть забыты. Пред-

ставления о функциях литературы подверглись тем самым тоже жесточайшим изменениям, как и вся политическая карта мира. Усилилась такая функция литературы, как свод исторических свидетельств. Для издателя одного популярного исторического журнала Шубинского (19-й век), о котором в рассказе «Генерал от истории» писал Валентин Пикуль, сплетни светской дамы и ропот галерного раба значили больше, чем все тома античной истории и академиков от истории.

Год назад я познакомилась с венским издательством «Соотечественник» и, к счастью или несчастью для его читателей, опубликовалась в его органе - журнале «Венский литератор». Типичный новодел, скажете Вы. Конечно, журнал малотиражный. В наш Монпелье попал последний, тринадцатый номер, стал переходить из рук в руки, зачитался до дыр и стал признан лучшим из всего, что было прочитано самыми крутыми читателями за последний период. А ведь наш народ читал и даже недавно видел у себя живьем Улицкую, Куркова, Геласимова, Прилепина, Седакову. Между тем «Венский литератор» рвут из рук, готовы даже драться из-за него, но следует честно признать, что покупать и подписываться на него пока никто особо не стремится, общение строится по принципу: прочитал, насладился, упился слогом, передал товарищу или уж совсем тихонько «замылил». (Книги нижеперечисленных товарищей тоже иногда замыливают, 10 евро даже для самого крутого книголюба лишними не бывают!). Да, немодно теперь покупать печатную продукцию. Поэтому вполне уместен принцип «печати по требованию». Бразильские леса ведь тоже надо беречь, а русский кругляк тем более – после нынешних-то пожаров... Один французский писатель не последнего разбора, но и не по имени Анна Гавальда, случайно обнаружил в мусорном ящике недалеко от одного книжного магазине почти в самом чреве Парижа большую пачку полусожженных своих книг. И это в то время, как его издательство бодро докладывало ему, что его книги активно продаются в 5 странах мира (гонорары он, конечно, и не требовал). Ну и послал он с тех пор на 3 французские буквы всех издателей и делает книги на дому - по требованию, даже сам брошюрует их, зато никто их не сожжет, есть гарантия, говорил он мне, показывая ловкими руками агравия (в прошлой жизни он выращивал фруктовые деревья), как проклеивать толстую обложку, у меня, правда, так не получилось, моя прошлая жизнь была несколько иной.

А какова же все-таки, дорогой Сергей Иванович, та путеводная звезда, которая должна светить нам всем, и читателям, и литературоведам, и писателям, при том, что новые имена должны появляться и ни второй Пушкин, ни второй Пушкин человечеству не нужны? Вы же сами и подсказываете нам: классические традиции. Однако в рамках тех же традиций Тургенев в своих насмешливых стихах называл Достоевского прыщом на теле русской литературы, а с Толстым и вовсе дрался на дуэли. Кстати, ни Толстой, ни Достоевский на фоне Тургенева стилистами вообще не

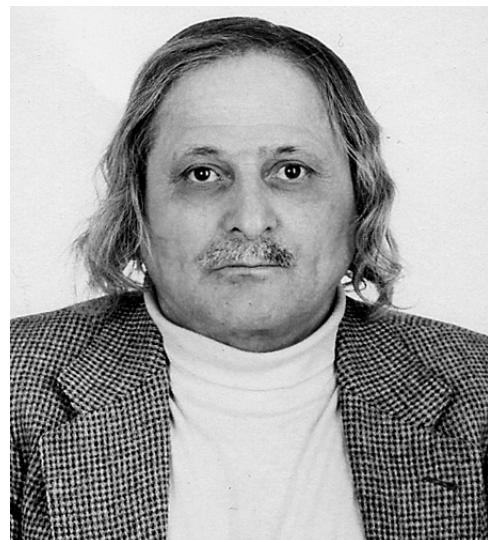
были. А «Лев Толстой, конечно, гений, да не умен. А ум гению не помешает», по словам В.Розанова. Хотя чаще всего мешает: талант бьет ключом по своей собственной голове.

Восстание масс по Ортеге-и-Госсету в России уже и в 19-м веке постепенно разворачивалось: возникало множество литературных журналов, некоторые из которых разорялись, но все-таки вошли в вечность. Увековечение не входит ни в какую корреляцию с коммерческим успехом журнала: то, что написано пером, не вырубишь топором. Создание мною журнала «Русский хор» подразумевает, что он является еще одним, дополнительным к существующим, средством для авторов, в основном зарубежных, выразить себя в слове. Не случайно современные философы, в частности Стивен Р.Кови, пишут, что в постиндустриальную эпоху, когда люди переполнены болью от невозможности себя выразить, подать и развить свой голос, когда субъектность человека низка, когда в обществе или в социальной группе (в семье тоже) к нему относятся манипуляторно-неуважительно, тем более важна взаимоподдержка. Моя позиция: способные к писательству, несмотря на то, что читателей становится меньше, должны обязательно обрести свой голос, голоса должны слиться – в бахтинском смысле – в некий хор, отсюда и название «Русский хор». Часть авторов будет публиковаться и из России, уже один из авторов первого номера – новосибирец Г.М.Прашкевич – номинирован на премию «Русский Букер» 2010 г. Конечно, вокруг каждой премии неизбежны ссоры и конфликты, и «Букера» и Вашу «Русскую премию» иные громко назовут антирусскими. В качестве адаптационного механизма возникают премии меньшего масштаба, это естественный процесс, хотя и этих премий хватает далеко не на всех. Мы, литераторы, на самом деле мало поддерживаем друг друга, склонны к мелким придиркам, к презрению, то есть к тем конкурентно-оценочным играм, которые сближают творчество с рынком. А рынок, как известно, не все ставит на свои места, а иногда, напротив, сажает даже самые великие державы на наркотическую иглу, что уж говорить о литературе, о творцах, которых рынок вводит в соблазн писать то, что будет сегодня

бойко раскупаться. А завтра это не будет раскупаться, может быть, вообще уже ничего не будет раскупаться, читатель окончательно воткнется в Интернет (с акцентом на ужастиков) или будет «замыливать» чужие журналы и книжки.

Сергей Иванович, Вы совершенно правильно подметили, что у славной самодеятельности есть в большинстве случаев ресурс, «который профессиональные писатели давно утеряли либо отбросили, – ресурс искренности, задушевности, доходчивости и непременной, во что бы то ни стало, позитивности». А не потому ли этот ресурс накоплен, что самодеятельный автор прошел Крым и Рым и сберег себя от непомерной гордыни, а гений впал в состояние апостазии и свой мрак отчаяния распространяет на читателя, что само по себе уже безнравственно? Ведь такой вот профессиональный автор, условно скажем, гений, не перестает напоминать читателю, что его существование бессмысленно, что сам он низок, зол, развратен, не может составить счастье ни себе, ни другим, ни обществу, ни исторической родине, ни новой своей стране. Вот и происходит, что ресурс «непременной позитивности» позволяет человеку обрести веру в свои силы, повысить градус своей духовности, перейти, как это делают герои Анны Гавальды, от отчаяния к надежде, ибо этот путь прошли наши уважаемые графоманы. И за рубежом тоже. И, может быть, дело профессиональных критиков (которых, к сожалению, уже мало кто слушает, и в России, и во Франции одинаково мало) состоит в том, чтобы с высоты птичьего полета посмотреть на нашу пишущую графомансскую братию, определить ей некий островок, пусть и быстро движущийся, дать ему почетное наименование (не навечно, конечно), чтобы было ежу понятно, что же это такое – зарубежная русская литература и русская паралитература тоже (тогда надо выделять два острова, или нет?). Давайте наладим политкорректный уважительный диалог на эту тему, и не в узком кругу, где сильные чувства вызваны именно узостью круга, а в международном масштабе, где нам всем хватит места, где мы так далеко отстоим друг от друга, как отстоят маленькие, уже грозящие оказаться в Красной книге природы деревья в глубокой тундре.

Интервью с издателем альманаха «Муза»

Валерием Лебединским

Биографическая справка: Валерий Ефимович Лебединский родился в 1940 г. в г. Кременчуге Полтавской области. Окончил два факультета Одесского государственного университета им. И.Мечникова: юридический (1965 г.) и исторический (1971 г.). Преподавал историю, политэкономию, основы права. Член Союза писателей Москвы и Союза журналистов России. Руководитель литературной студии «Ветеран». Автор пяти книг поэзии и поэтической драматургии (пьесы в стихах о Цветаевой, Фете, Есенине), на выходе книга из двух стихотворных пьес — о Державине и Байроне. Отдельные стихи перевелись на даргинский и башкирский языки. В 90-е гг. — один из основателей и редактор-составитель литературного альманаха «Третье дыхание». При участии Лебединского вышло 24 номера. В 2000 г. им было учреждено издательство «Муза творчества». В 2001 г. учредил всероссийский международный альманах «Муза», который с 2009 г. стал международным. На момент выхода нашего журнала вышло 16 номеров. Живет в Москве.

Татьяна Вьюгина. Валерий Ефимович, чем отличается ваш альманах от журнала?

Валерий Лебединский. Альманах отличается от журнала как раз отсутствием периодичности. Других отличий не вижу: все, что может печатать журнал, может и альманах. Альманах считается сборником, но ведь и журнал — сборник. Разве что у нас авторы по алфавиту. Другой вопрос, что мы хотим выйти на периодичность журнала, приняли план — 4 в год. Сейчас вышли на скорость 6 в год,

как журнал. Но это наша добровольная инициатива.

Т.В. Каков ваш тираж?

В.Л. Тираж в среднем тысяча экземпляров. Начинали с 1300. Последние номера — 700.

Т.В. Круг ваших авторов?

В.Л. Если говорить о географическом охвате, то это вся Россия от Кисловодска до Владивостока, притом только в одном Приморском крае, например, охвачены участием (кроме Владивостока) Нахodka, Уссурийск, Партизанск, села и поселки. С самого основания альманаха в «Музу» слали свои произведения Ближнее и Дальнее зарубежье. Но скачок по охвату стран наступил в 2009 году. Мое участие в Международных литературных чтениях в Сопоте и Гданьске (июль 2009 г.) и Венском литературном фестивале (октябрь 2009 г.) резко расширило нашу географию: влились Австрия, Польша, Турция, Франция, Израиль, Финляндия... Всего опубликовано за эти годы свыше 500 авторов. Если говорить о круге авторов-литератороведов, то надо отметить трех крупнейших российских, это Лев Аннинский, Бенедикт Сарнов, Валентин Оскоцкий. Аннинский входит в состав редколлегии.

Т.В. Позвольте затронуть финансовый вопрос. У вас есть спонсор?

В.Л. Спонсирование отсутствует. Практически в нынешних условиях на это мало надежды. Но и государство нам не дает ни копейки. Как большинство альманахов России, выходим за счет средств авторов.

Т.В. Есть ли обязательная рассылка по биб-

лиотекам?

В.Л. По общему положению для всей России, альманах попадает в Российскую государственную библиотеку (бывшую Библиотеку им. Ленина), Российскую Национальную библиотеку в С.-Петербурге, Историческую библиотеку в Москве, Библиотеку Управления делами Президента, Библиотеку Академгородка в Новосибирске, в Книжную палату и в Министерство печати и информации. Кроме того, после выхода каждого номера ко мне приезжает представитель одной из германских русскоязычных библиотек за получением. Какое-то время назад мы организовали через наших авторов передачу «Музы» в библиотеку Конгресса в Вашингтоне. Пока у меня нет данных, что она там значится. В любом случае, это разовая передача. Заботимся о том, чтобы «Муза» была у людей искусства, науки, политики. Приведу пример. Несколько лет назад я подарил экземпляр видному государственному деятелю, последнему председателю Верховного Совета СССР Анатолию Лукьянову...

Т.В. Помнится, Анатолий Лукьянов не чужд литературе: сам выпускал поэтические сборники — под псевдонимом Осенев. Некоторые стихи из них мне очень нравились...

В.Л. Да, так вот, он посмотрел на обложку и

сказал: «Спасибо за этот номер. Но «Муза» у меня есть». Есть она и у бывшего Премьер-Министра Николая Рыжкова.

Т.В. Какова структура альманаха?

В.Л. Учитывая алфавитный порядок, альманах создается по разделам: «Память», «Эстафета» и «Критика, обзор, исследования». В «Памяти» — об ушедших. Прошли воспоминания о Николае Рубцове, неизвестные стихи Николая Асеева, Леонида Мартынова, Николая Глазкова, Льва Озерова, Гарольда Регистана. Есть 2 рубрики: «Слово редактору» (здесь пишу я) и «Обрывки памяти», ее вела до своей кончины поэтесса Ирина Волобуева, сейчас не ведет никто.

Т.В. Расскажите еще немного о себе.

В.Л. Кроме перечисленных в начале Вашей статьи характеристик, дополню, что я давно являюсь руководителем литературной студии «Ветеран», что, всегда работая в жанре поэзии и драматургии, сейчас заканчиваю свою первую книгу прозы. Это документальные записки. В основе — мое личное знакомство с внучкой Сталина.

Т.В. Большое спасибо и до встречи на наших страницах. Дорогой читатель, обратите внимание на стихотворение Валерия Лебединского в разделе «Совпадения».

Авторы и художники нашего журнала о себе

Виктория Турийон (Франция)

Частнопрактикующий психотерапевт.

Окончив Восточноукраинский университет по специальности «Информационные управляющие системы и технологии» и заочный экономический факультет Аграрного университета г. Луганска, поняла, что всё больше и больше ее привлекает загадочный мир психологии. Окончила Московский педагогический институт и работала практическим психологом. Переехав во Францию, закончила CERFPA в Сан Лоран дю Вар по Ериксоновскому гипнозу. С 2008 года создала русско-французскую ассоциацию МИР, которая оказывает психологическую поддержку русским и французским семьям и их детям, а также русским детям, живущим с французскими родителями. Живет в г. Монпелье (Франция).

Василий Черецкий (Франция)

Василий Васильевич Черецкий. Родился в 1971 году в городе нефтехимиков Новополоцке, на берегу реки Западная Двина, протекающей по древней полоцкой земле. Полоцк упоминается в летописях с 862 года от Рождества Христова.

В старину Западная Двина называлась Рубон – древний водный путь "Из Варяг в Греки". Первопечатник Франциск Скорина напечатал в Полоцке первую книгу, а в полоцкой бурсе учился будущий русский царь Пётр 1.

С начала 20-го века и по сегодняшний день древняя полоцкая земля входит в состав Белоруссии.

В 1990 году Василий Черецкий закончил Новополоцкое музыкальное училище и поступил в Белорусский Педагогический Университет в Минске, который закончил в 1995 году (диплом: артист, преподаватель по классу баяна, дирижёр оркестра народных инструментов, методист воспитательной работы, преподаватель психологии в общеобразовательной школе).

С 1992 года работал концертмейстером в хоре Красной Армии, а позже в Белорусской Государственной филармонии в качестве солиста народного ансамбля «Купалинка». С этим коллективом в 1994 году Василий записал свой первый компакт-диск "Бал земли белорусской", стал лауреатом двух международных конкурсов, посетил с концертом более 13 стран.

Вместе с родным братом Владимиром Василий

создал фольклорную группу «Рубон» и в 1997 году в Германии (г. Лейпциг) записал свой второй компакт-диск "От Белого до Чёрного моря".

Эмиграцию во Францию начал в Париже в 1999 году. Работал в русском кабаре с репертуаром цыганских песен, песен Ивана Реброва, мировой популярной музыки.

Последние восемь лет Василий живёт в Монпелье. Гастролирует по Европе с группой "Divano Dromensa" с программой кабаре-цыган, также является членом оркестра популярной музыки «Медитеране». Василий заканчивает запись компакт-диска "Сделан в СССР".

На сегодняшний день в его запасе около ста мелодий и песен на его же стихи, а также на стихи С. А. Есенина и многих других русских поэтов.

Луиза Бруньоли (Louise Brugnoli) (Франция)

Луиза Бруньоли родилась в парижском регионе, специалист по классической и современной литературе, а также по итальянскому языку. Жила в Иль-де-Франс, в Нормандии, в Бургундии, поселилась в 1982 г. в городе Амели-ле-Бэн и впоследствии в Латур-Бас-Эльн (Восточные Пиренеи), где живет в настоящее время. Работала по многим профессиям. Начиная с 1997 г. выставляет свои любительские художественные произведения на различные выставки, сразу, уже в 1997 г. получает первую премию публики на выставке в Аленье (департамент 66). Участвовала в различных выставках 11 раз, получала первые места на конкурсах 5 раз.

Президент ассоциации Timour Lyrique Association, ставящей целью пропаганду лирического искусства, в том числе и русского. Перевела на французский язык и издала 3 сборника текстов романсов русских композиторов, некоторые из которых будут воспроизведены в двуязычных номерах нашего журнала.

Ольга Серейская (Россия)

Я, Ольга Александровна Серейская, родилась в Киеве, закончила биологический факультет Киевского университета. Училась в Литературном институте в Москве.

В 1997 г. крестилась. С 2001 г. несколько раз подолгу жила как паломница-трудница в российских православных монастырях.

Выпустила книжечку стихов «Слова рождаются тихонько», участвовала в московском альманахе «Чистые пруды», публиковала стихи и рассказы в сети. Мои рассказы напечатаны в альманахе «Муза» (№№ 11, 12, 13, 15), детские стихи помещены в журнале «Детское чтение для сердца и разума» (№11 за 2008г и № 6 за 2009г).

Сейчас живу в Москве.

E-mail olgastra@yandex.ru

Маричева Любовь (Россия)

В 1967 году я поступила на математический факультет ЛГПИ (сейчас РГПУ) имени А. И. Герцена в Санкт-Петербурге (в то время Ленинграде). При зачислении мне предложили записаться в специализированную группу “математика на французском языке”. И я согласилась, не понимая ещё, какой драгоценный подарок преподносит мне судьба!

Благодаря этому я получила возможность по окончании института поработать в Африке (Алжир, Мали) в качестве учителя математики. Это был удивительный и очень важный для меня жизненный опыт.

Всегда считала себя учителем математики, им и была большую часть своей профессиональной жизни. Но сложилось так, что уже более десяти лет я преподаю французский язык. И в этой своей обновлённой профессии я познала ни с чем не сравнимую радость творчества!

Мне удалось сделать переводы с русского на французский язык нескольких стихотворений, песен, романов и самый значительный из них – это, конечно же, перевод 16 строк А.С.Пушкина ...

Виктор Фет (США)

Поэт, биолог. Родился в 1955 г. Окончил НГУ в 1976 г. До 1987 г. работал в Средней Азии, после - в Северной Америке. Сейчас живет с семьей в предгорьях Аппалачских гор, где преподает генетику. Публиковался в периодике США, Германии, России, Болгарии, в основном в журнале «Литературный европеец» (Франкфурт) и альманахе «Встречи» (Филадельфия). Книги: «Под стеклом» (Новосибирск, 2000), «Многое неясно» (Новосибирск, 2004). Стипендият международного Хоторнденского фонда писателей (Шотландия, 2001). Интернет: <http://victorfet.com>, www.ggause.com, www.litera.ru/slova/fet.

Лариса Флёр (Франция)

Автоним - Ващенко-Николайт

1966 года рождения. По образованию филолог и преподаватель МХК. В настоящее время ведёт курсы русского языка в лингвистической школе «Berlitz» и в «Mon Coach a Domicile». Пишет стихи и прозу. Автор сборника сказок «Les contes du marchand de sable» и книжечки «Le voyage de deux gouttes de pluie», которые вышли во Франции на трёх языках. Готовит к выпуску ещё один сборник своих сказок и детской прозы. Член Союза Писателей Рон-Альп (Union des Écrivains de Rhône-Alpes). Издатель. А с недавних пор ещё и студентка, будущий профессиональный иллюстратор детских книг. Имеет свой блог:

<http://contesdemadamefleur.over-blog.fr>

Галина Сычева (Россия)

Я, Сычева Галина Юрьевна, родилась в Москве, в семье научных работников. После окончания школы поступила в Московский Государственный Педагогический Институт иностранных языков им. М. Тореза на факультет французского языка, окончив который работала преподавателем французского и английского языков и переводчиком. С 1996 г. были опубликованы мои стихотворные книги «Избранная лирика» и «Через годы», куда вошли мои стихи, а также стихотворения известных французских поэтов в моих переводах, и мои переводы нескольких стихотворений русских поэтов на французский язык. В 2003 г. вышла моя книга «Избранные переводы» с переводами на русский язык рассказа А. Труайя и романа Ж. Сименона. С 1997 г. печатаюсь во всероссийских литературных альманахах «Третье дыхание» и «Муза». В 2009 г. написала книгу воспоминаний «Самые яркие впечатления детства и Удивительные и загадочные совпадения» на русском и французском языках, которая является моим первым опытом в написании прозы на французском языке. В настоящее время работаю над переводами некоторых стихотворений А.С.Пушкина на французский язык. Член Союза писателей Москвы с 2003-го года.

Замужем. Муж, Сычев Виктор Алексеевич, ведущий научный сотрудник Института Океанологии им. П.П. Ширшова РАН.

Сын, Сычев Андрей Викторович, студент 5-го курса Института радиоэлектроники и автоматики (МИРиА)

Евгений Мартов (Великобритания)

Родился на Южном Урале. Там же закончил школу. На Среднем Урале отучился в Свердловском Архитектурном Институте. Работал кочегаром,

грузчиком, сторожем, архитектором, дизайнером, инспектором, пожарным, электросварщиком, мастером, директором, обманщиком по телефону, маляром, безработным. Был несколько раз женат, трое детей. Хобби: фотография, горные лыжи, пение в церковном хоре, запускание воздушного змея, велосипед. Люблю: больших собак и кошек. Иногда люблю записывать истории. Не люблю: болтунов.

Маша Малахова-Фурнье (Франция)

Малахова Мария Анатольевна родилась в Ленинграде в 1969. После успешного окончания школы и учёбы на философском факультете ЛГУ в 1991 году эмигрировала во Францию. С детства пишет стихи и считает себя русским поэтом-философом. С 1995 года преподаёт русский язык в лицеях города Гренобля. В 2000 году издала сборник «Избранные стихотворения» в Ст.Петербурге.

Её жизненное, а также творческое кредо: «быть лучом в тёмном царстве общества потребления!». Любит странствовать как в физическом, так и метафизическом смысле слова. Готовит к изданию второй сборник своих стихотворений, которые определяет как поэзию настроения. Искренне верующий человек, который по миру-ощущению считает себя вечным эмигрантом на этой Земле.

Луцкий Марк (Израиль)

По профессии - химик. Доктор химических наук, специалист в области физикохимии и технологии полимеров. Автор более 200 научных работ и изобретений. Кроме России, работы опубликованы в США, Великобритании, Японии. Участник более 40 научных конференций, симпозиумов, семинаров и школ.

Имеет опыт журналистской, редакторской и издательской работы, в течение пяти с половиной лет был главным редактором газеты “Менора” в Екатеринбурге.

Является автором 28 книг, многочисленных публикаций в периодических изданиях Австралии, Австрии, Армении, Германии, Израиля, России, США, Франции.

Неоднократный лауреат, призер, дипломант и номинант поэтических конкурсов в Вене, Дюссельдорфе, Екатеринбурге, Иерусалиме, Лос-Анджелесе, Москве, Нижнем Новгороде, Нью-Йорке, Париже, Сиднее, Хайфе, Штутгарте и др.

Дважды “Золотой лауреат” Международного конкурса “Национальная премия “Золотое перо Руси - 2008” в номинациях “Поэзия” и “Экология”.

Руководит литературным объединением “Кар-

мель” при Союзе русскоязычных писателей Израиля в г. Хайфе.

Член Союза российских писателей, Союза русскоязычных писателей Израиля, Союза писателей Северной Америки.

Елена Перельманн (Германия)

Елена Вадимовна Ткачева (по мужу Перельманн).

Родилась в городе, которого нынче нет. Ведь Киев в 1961 году имел культурные традиции, неповторимый шарм и чистейшие улицы. Всё это в нынешней столице Украины, к сожалению, отсутствует.

После окончания Киевского государственного университета получила диплом журналиста и проработала 20 лет в юмористическом журнале «Перец», коллективу которого по сей день благодарна за неповторимую дружескую атмосферу и творческую поддержку.

Активно сотрудничала с такими русскоязычными изданиями, как «2000», «Капитал», «Крещатик», «Юридический вестник», где была удостоена награды «Журналист 1998-го года», «Именем закона», «Ванга», «Сегодня».

С 2001 года с семьёй живёт в Германии, сотрудничает с газетами «Земляки», «Русская Германия».

За время эмиграции освоила такое количество профессий, что даже самой странно: преподаватель танцев, экскурсовод, туристический агент, воспитатель, продавец, представитель фирмы при сети магазинов «Каухоф». Вероятно, это не предел.

Автор сборника рассказов «7 кругов рая», серии детективов «ДВД», стихов, вошедших в шорт-лист Венского литературного фестиваля 2009 г.

Наталья Шурина-Стремитина (Австрия)

Как только я хочу задуматься над смыслом жизни, у меня почему-то начинается расстройство желудка. Сами понимаете, куда надо бежать, забыв обо всём!

Так происходит в моей жизни всегда: хочу стать актрисой, выигрываю конкурс среди 10 тысяч оголтелых девчонок, и вместо того, чтобы стать знаменитой примадонной, выхожу замуж за актёра, который перекрывает мне путь к сцене.

В 19 лет имею ребенка, каторжную семейную жизнь на рубль в день, без няни, в общей квартире, упрёки мамы, которая отговаривала меня от скоропалительного брака, одиночество: все подруги учились в это время и радовались жизни.

Но в моей комнате, что досталась мне от бабушки, был рояль «Шрёдер», на котором я играла

в одиночестве – мужа артиста НИКОГДА не было дома... Музыка меня спасла, причем классическая музыка: Моцарт и Бетховен, Чайковский и Скрябин были тогда и сейчас мои кумиры, тяжелый рок тогда еще был не в моде, кроме того, я всегда занималась спортом, а способность анализировать всё то, что со мной происходит, помогла мне не сойти с ума. Чтение философских трактатов тоже оказывало благотворное воздействие на мой восприимчивый мозг, я умудрилась закончить философский факультет МГУ, одновременно сотрудничала в «Московском комсомольце», писала стихи и юмористические рассказы.

Мой любимый афоризм того времени из Ницше: «Всё, что меня не убьёт, – сделает меня сильным», мне действительно удалось переработать мои жизненные неурядицы в энергию интеллектуального роста.

А сознательная жизнь началась в раннем детстве, когда мой отец научил меня думать: он научил меня решать математические задачи, тренировал мой мозг, ему нравилось, что я могу складывать в уме огромные числа, и он демонстрировал мои способности своим друзьям.

Сам он был безумно любознательный человек, инженер–проектировщик, но в те времена талантливые люди с трудом находили себе применение, а отец был беспартийный, интеллигентный и очень добродушный человек. Он воспитывал меня как мальчишку: мы играли в шахматы, вместе читали научно-популярные журналы: «Техника молодежи», «Знание – сила», позже «Наука и жизнь», отец обсуждал со мной теорию относительности Эйнштейна, когда мне было 5 лет.

Поэтому, попав в трудную ситуацию и не имея практически никакого опыта (мама была строга и оберегала меня, как могла, не объяснив НИЧЕГО), я не рвала на себе волосы, не устраивала истерики, а садилась напротив старинного трельяжа и занималась *самоанализом*; что такое *психоанализ*, я в то время еще не знала... Тогда я сделала свое 1-е открытие: оказывается, уметь думать – это очень полезное занятие, которое может помочь в любой самой сложной ситуации. Именно умение думать не позволило мне сделать трагическое обобщение на тему, что все мужчины ужасны, нет, я понимала, что вляпалась в единственную неповторимую свою личную жизненную ситуацию, и, выйдя из неё, я могу продолжать нормально жить и верить в добро...

Мне было всегда интересно понять, почему «это» произошло именно со мной и что же нужно предпринять? Кроме того, хватило смелости сказать себе, что я не была готова к взрослой жизни, моё воспитание было однобоким, читать Жюль-Верна и играть вальсы Шопена недостаточно, чтобы создать полноценную семью, да еще с артистом.

Тогда состоялось и 2-е открытие: единственная возможность стать счастливым и сильным – это не сваливать свои ошибки на пресловутую судьбу, а признать, что ты сам несешь ответственность за каждый миг своей жизни, только твой выбор делает тебя тем, что ты есть, и там, где ты есть. Это позиция спасла от страха перед жизнью, отныне я

всегда рисковала, в этом было движение вперёд, развитие не только событий, но и твоё собственное.

Когда я начала писать стихи, а потом прозу, я не вышла замуж за поэта или прозаика: всё-таки первый опыт меня чему-то научил... Но способность восхищаться чужими талантами (я до сих пор не потеряла способность влюбляться в талантливых мужчин и женщин), порой приводит меня к интересным жизненным коллизиям.

Окончив философский факультет, продолжая увлекаться театром, я работала над диссертацией с очень мудрым названием и просиживала в научном зале №3 библиотеки имени вождя в Москве, и писала свой первый роман (в котором, кстати, предвидела «перестройку» в России); в этот период я встретила талантливого ученого из Сибири Симона Шурина.

И что же из этого вышло? Я убедила его, что надо заниматься не наукой, а музыкой, а ведь он мог импровизировать на рояле часами, но никогда не записывал свои мелодии. В это время я открыла в нем талант композитора... В результате мы стали мужем и женой, ученым стал композитором, а я родила сына, с диссертацией и романом было покончено, начался захватывающий роман в жизни, со многими поворотами судьбы. Великая перестройка дала осуществиться давней мечте моего мужа – уехать в Вену, об этом городе он буквально бредил и рассказывал мне еще в первые дни нашего знакомства в Москве.

Поскольку большую часть времени я тратила на семью, ибо воспитать двух сыновей и иметь в доме композитора-мужа не просто, мне самой лишь изредка удавалось записывать короткие юмористические рассказы. Однако, где-то в перерывах между концертами, редактированием очередного музыкального шедевра мужа и репетициями с певицами и певцами, мне удалось написать несколько повестей и серьезных трактатов на тему, что такое семейная жизнь и как сделать её более-менее сносной в любых самых невероятных условиях (имелась в виду семья при социализме).

В 1989 г. была напечатана моя первая книжка «Как быть любимой?», мое название было «Праздник в собственном доме», что более соответствовало моей теме. Появились в печати некоторые мои рассказы, но времени на беготню по редакциям не было, да и стиль отношения к молодым авторам меня не устраивал, уж слишком я в то время была влюблена в своего мужа, чтобы идти на компромиссы ради сомнительной славы.

Когда мы переехали в Вену в 1990 году, нам с мужем пришлось в полной мере понять, что такое оказаться на чужбине без денег, друзей и родственников. Деньги, заработанные с большим трудом в первые годы перестройки, которые могли бы нам помочь заняться творческой деятельностью, были опрометчиво отданы в руки проходящего партнера, и мне пришлось поработать в подвале Дома престарелых г. Вены. Моя любовь и восхищение моим великим мужем не позволили мне хоть одним словом упрекнуть его в непрактичности, я просто пыталась понять, куда я попала и что мне нужно делать в этом красивом, но совер-

шенно чужом городе. Через два года нелегкой борьбы нам удалось организовать первый концерт в русском клубе ООН, а мой муж вместе с певицей Ольгой Казанской и Юрием Глузбергом получили первую овацию венской публики, и мы были счастливы. Кроме того, я поняла, что полноценная жизнь женщины в Европе продлевается как минимум на 20 лет, ради этого стоило потерять многое...

Лишь в 1995 году мне удалось издать мою 2-ю книгу «Приключения Тела», помог мне в этом Виталий Пацулов – известный искусствовед. Он в то время часто приезжал в Вену, организовывал выставки, и мы однажды разговорились с ним на нашей кухне ночью, гости тогда осаждали нас довольно часто, и все койко-места были заняты, и я рассказала Виталию о своей первой работе в Вене. Он сказал мне магическую фразу: « Наташа, тебе пора становиться европейским писателем». Эта фраза мне тогда очень помогла...

Итак, на мою голову довольно часто сваливается одновременно и прекрасное и ужасное, и я понимаю, что пресловутая «судьба» играет по-крупному. Но я никогда не опускаю руки и борюсь с ней проверенными методами: не позволяю себе стареть ни физически, ни духовно, иду вперед, и никогда не позволяю себе быть пассивным человеком в пространстве Времени и Мысли.

Я очень надеюсь, что наступит момент, когда моя Судьба зазевается, и мне удастся обогнать её, чтобы «она» застыла в столбняке и не могла угнаться за мной уже никогда...

Эльмара Фаустова (Россия)

Кандидат философских наук по эстетике. Много лет работала в МГУ им. Ломоносова, занималась социологией культуры, сейчас работаю в Институте культурного и природного наследия им. Академика Лихачева. Член редакционной коллегии альманаха «Муз». Издала сборник стихов. Я страстная путешественница, объездила все континенты. Очень люблю животных, имею двух собачек и трех птиц. Кенар меня радует трелями, а попугай – бодрыми речами.

Владимир Сергеев (Франция)

Один из основоположников и президент ассоциации в поддержку русской культуры во Франции «Глагол», филолог по образованию (диплом МГУ) и журналист по профессии. Многие годы работал в агентстве печати «Новости» (Москва) и региональным пресс-аташе ЮНЕСКО (Париж). Увлекаюсь переводом французской прозы и поэзии, в том числе театральных пьес, на русский язык, а также поэтическими переводами поэзии, песен и романов с русского на французский.

Александра Фийоль-Алексеева (Франция)

Родилась в России, на Камчатке. Детство провела в Саратове, на родине отца. Училась и большую часть жизни провела на Украине, в Днепропетровске (на родине матери). В 1975 г. окончила Днепропетровский государственный университет, филологический факультет, романо-германское отделение. После получения диплома становится преподавателем средней школы. Окончив Патентный институт (вечерний), становится переводчиком патентной документации в одном из НИИ в г. Днепропетровске. С 1994 г. возвращается в систему образования и становится преподавателем французского языка в химико-технологическом университете г.Днепропетровска. С 1990 г. параллельно со своей основной профессиональной деятельностью успешно занимается переводами художественной литературы, детективов и детской литературы. Сотрудничала с украинскими издательствами «Сич», «Проминь», «Има-пресс». С 2005 г. сотрудничает с французскими издательствами. Переводит роман французского писателя Филиппа Думенка «Любовники Тоннэнгранда» на русский язык и публикует его на Украине.

После переезда в 2002 г. во Францию учились в Университете Поля Валери, получив степень Master1 -FLE. В 2005г. публикует на французском языке в издательстве «Société des Ecrivains» в Париже «Сказки русского фольклора», посвящая эту книгу своим внучкам-француженкам - Маше и Элизе Фриэз. С целью ознакомления внучек с русской классической детской литературой перевела и подготовила к печати сборник детских рассказов Л.Н.Толстого, который издан благодаря нашей ассоциации «Amities russes».

В настоящее время работает преподавателем русского языка и литературы в Университете свободного времени Юга-Лангедок (l'Université Du Temps Libre du Bas-Languedoc) в Ламалу.

От редактора. В этом номере представлены попытки краткой или подробной автобиографии авторов нашего журнала. Подчеркиваю: это автобиографический материал! Для тех, кто не успел подать свою автобиографию, я частично закрываю пробел своими более сухими заметками.

У всех авторов остается возможность первый раз или повторно написать о себе именно в этот раздел. Если Вы хотите написать о других, то Ваш материал войдет в другие разделы журнала, например, «Литературоведение».

Сведения об авторах

Кляйн Ольга. Родилась в 1950 г. в России, в Башкирии. С 1984 г. живет во Франции. Лицензиат русского языка Гренобльского университета им. Стендaluя.

Прашкевич Геннадий. Прозаик, поэт, переводчик. Родился в 1941 г. в с. Пирровское Красноярского края. Заслуженный деятель культуры Российской Федерации, член Союза писателей СССР с 1982 г. (Союз писателей России с 1992 г.), Союза журналистов России с 1974 г., Нью-Йоркского клуба русских писателей с 1997 г., Международного PEN-клуба (с 2002г.), член редколлегии журналов «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «День и ночь» (Красноярск). Живет в г. Новосибирске.

Ирина Белая. Родилась в 1974 году в г. Ржеве - на Волге, живёт в Санкт-Петербурге ...

Окончила Литературный институт им. М. Горького в Москве, член Союза писателей России с 2006 года ...

Елена Золотухина. Живет и работает в Санкт-Петербурге, филолог, член Союза журналистов, поэт, автор очерков, эссе, телевизионных передач.

Разработала собственную методику обучения искусству слова, вела студии поэтического творчества, благодаря которым вышли в свет сборники детских откровений “Золотая планета”, “Лира любви”, “Корова с банкой на носу”. Редактировала журналы для школьников: “Талисман”, “Пилигрим”, альманах отеческой лирики “Зеленая лампа”.

Сейчас является руководителем проекта “Издательский дом” в школе № 619 Санкт-Петербурга, где выпускается газета “Четверть” и журнал “Диво”...

Татьяна Бондарева. Родилась в Новосибирске. Кандидат физико-математических наук. В 1995 г. была приглашена во Францию на работу и с тех пор постоянно проживает во Франции. Работала в CNRS, в UNESCO. Замужем, имеет двоих детей. Рассказы пишет со студенческих лет.

Наши потери

Виолетта Реймонд

После очень тяжелой и весьма редкой для Франции болезни ушла туда, откуда не возвращаются, автор нашего журнала и руководитель хора при ассоциации Амитее рюс, а также хора в г.Сант-Онес Виолетта Реймонд. Крещена Виолетта была под именем Варвара, поэтому мы и звали ее Варенькой, Варюшой. Это был необыкновенно талантливый и креативный человек, певица и хоровой дирижер, автор многих замечательных вышивок, рисунков и прозаических рассказов. Варюша Капустянская (это ее девичья фамилия) родилась в 1974 г. в городе Ахтырка Сумской области, Украина. С детства девочка проявляла

музыкальную одаренность. Она окончила Сумское музыкальное училище (дирижерско-хоровое отделение) и Сумский педагогический университет (по специальности музыка и художественная культура), затем несколько лет работала школьным учителем в г. Сумы, ведя такие разнообразные предметы, как хор, фортепиано, художественную культуру и вокал. В 2002 г. Варя уезжает на учебу в Лондон, где приступает со всей страстью и тщательностью своей натуры к углубленному изучению английского, посещая колледж и университет, в котором также изучала музыкотерапию по системе «Бирбэк». Кровоточащая рана от только что понесенной утраты не позволяет мне написать о ней подробно, разговор о Варе только начат, мы еще посвятим немало страниц воспоминаниям о ней, эстафету подхватывают ее лондонские друзья, планирующие через год выпустить книгу о ней. Зная, что писательское творчество лечит, мы, ее монпельесские друзья, подсказали ей начать писать рассказы. Процесс этот не на шутку увлек Варюшу, несмотря на ее жестокие страдания и отсутствие благоприятного прогноза болезни. Мне очень нравилось редактировать ее рассказы (частично они опубликованы в журналах «Автограф» и «Венский литератор»): нестандартное и вместе с тем предельно корректное и изящное построение фразы, абсолютная грамотность, живой, интересный сюжет. Сегодня мы помещаем два Вариных рассказа, второй рассказ — «Наши» — я редактировала уже после ее смерти и, обливаясь слезами, не могла не прийти к выводу, что живи

Варюша подольше, она смогла бы стать хорошим европейским писателем. Я просила ее о том, о чем прошу большинство наших авторов: напишите рассказ о пересечении границ — в прямом и переносном смысле. Варя только начала обдумывать путешествие на автобусе через Брест со множеством унижений, как она выражалась, тут же добавляя, что силы ее покинули, она даже не может взять

в руки ручку. Она и так жила чудом, к удивлению врачей. Ее постоянные молитвы, ее глубокая православная вера и в то же время неиссякаемый интерес к жизни, к делу, к книгам, друзьям поддерживали ее. 2 сентября 2010 г. Варя умерла на руках любящего и заботливого мужа Фабьена, отца ее дочки Анисы 20 месяцев от роду, которая обещает быть энергичным, самостоятельным и смешливым ребенком. Спи спокойно, Варя. Царствие тебе Небесное. Мы, твои друзья, твоя семья, твои читатели и слушатели, твои хористы тебя никогда не забудут.

Алан Моро

Незадолго до смерти Варвары наша ассоциация понесла другие потери: в возрасте 51 года умер ее вице-президент Алан Моро, тоже после тяжелой болезни. Настоящий и искренний любитель всего русского, отец троих детей, которые также изучают русский язык, неоднократно бывавший в России и даже писавший личное письмо Путину латиницей, обратившись к нему на ты, он всегда был переполнен проектами и идеями. Кстати, он был создателем первой газеты нашей ассоциации под названием «Березы и сосны». Это название он придумал сам и предлагал его мне для моего журнала, логика автора была такова: березы — это Россия, сосны — это департамент Эро. Вечная тебе память, Алан.

Т.В.

Виктория Турийон

Быть счастливым – ЭТО ПРОСТО

«Ищем счастья по сторонам... а оно есть везде и всегда с нами, как рыба в воде, так мы в нем, а оно около нас ищет самих нас. Нет его нигде, затем, что есть везде. Оно же преподобно солнечному сиянию: отвори только вход ему в душу твою. Оно всегда толкает в стену твою, ищет прохода и не сыскивает; а твоё сердце тёмное и невеселое, и тьма вверху бездны».

Г. Сковорода

Трудно найти человека, который бы не хотел быть счастливым. Счастье, счастье... А где его найти? Чего нам не хватает для полного счастья? Всю жизнь мы ждем счастья, мечтаем о нем, стремимся к нему, но почему-то в будущем. А что в настоящем? А что здесь и сейчас? Сейчас, сегодня мы счастливы? Часто оглядываясь назад, в прошлое, мы многое вспоминаем как счастье. А в настоящем по-прежнему его не видим, хотя знаем, что счастье зависит всё меньше и меньше от будущего, а все больше и больше от радости осознания жизни сейчас, осознания жизни в настоящем. Мы помним хорошее и не очень, что было в жизни. Память нас возвращает к этим событиям, чтобы живя сегодня и сейчас, хорошее в прошлом нам давало силу и радость идти вперед, а плохое - помогало делать правильный выбор в настоящем сегодня.

Великий украинский философ Григорий Сковорода писал: «Счастье - это мы сами, наша уникальная личность, индивидуальность. Проживая жизнь, каждый из нас проходит свой, никем не повторяемый, единственно возможный, избранный путь. Быть счастливым – это узнать и найти самого себя».

Поиск самого себя начинается с того, что мы думаем. Вы когда-нибудь наблюдали за вашими мыслями? В своей первой проповеди Будда говорил, что причина страдания в нас самих, а точнее в наших мыслях и нашем отношении к миру. Если вы склонны думать о жизни в мрачных тонах, то вы и жить будете так же мрачно. Получается, что мы страдаем по нашей вине: от нашего отношения

к себе и к жизни, и от наших же негативных мыслей и суждений. «Наша жизнь формируется разумом. Мы таковы, каковы наши мысли. Страдание идет по стопам дурной мысли. Как колёса телеги следуют за волом, что тянет их. Радость идет по стопам чистой мысли. Неотступно, как тень. Ненависть никогда не покончит с ненавистью. С ней покончит только любовь» (Буддийский сборник изречений «Дхаммапада»).

Счастливые люди умеют легко приспосабливаться к изменениям в жизни, у них гораздо более светлый взгляд на реальность. Находясь в обществе таких людей, мы испытываем прилив радости и оптимизма, чувствуем флюиды света и добра. В чем их секрет? В мыслях! Счастливые люди, проходя через очередное жизненное испытание, рассматривают свои проблемы как новые возможности и концентрируются на позитивных сторонах сложившейся ситуации. Они рассматривают страдания как сигнал к действию, к поиску ошибок и к их исправлению. Как следствие, они легче и быстрее проходят нелёгкий участок жизни, закаляя Дух и обогащая Душу.

Для избавления от страданий важно помнить, что мы имеем право на ошибку! Но чтобы её не повторить, необходимо осмыслить происшедшее, найти причину и сделать выводы. Человек творец своей судьбы. Жозеф Жубер говорил: «Вместо того, чтобы сетовать, что роза имеет шипы, я радуюсь тому, что среди шипов растет роза».

Когда мы фокусируем внимание на любви, хорошем и добром, наш разум обретает простор: идет подъем ясного, разумного, творческого мыш-

ления. Творческое мышление нам помогает избегать многих эмоциональных страданий и физических заболеваний. Любовь и доброта – главные его союзники. Они начинаются изнутри, с принятия собственного несовершенства, недостатков, всего земного и человеческого. Никто не совершенен. Подойдите к зеркалу – посмотрите на себя и примите всё, даже то, что кажется непривлекательным. Полюбите своё тело. Ваше тело – это зеркало ваших взаимоотношений с миром, оно отражает то, что происходит в вашей жизни. Джим Драйвер, автор уникальных психологических техник, позволяющих взглянуть вглубь себя, сравнивает наше тело с автомобилем: «чем ровнее и эффективнее оно функционирует, тем больше наслаждений способна доставить вам поездка.» В писаниях тибетских монахов сказано: чтобы увидеть то, что вы сделали, посмотрите на ваше тело; чтобы увидеть, кем вы будете, посмотрите на ваши деяния.

Кстати о наших действиях. Можем ли мы прощать? Протоиерей Михаил в своей книге «Терновый венец болезни», сам пройдя через раковую опухоль, писал: «Нужно, прежде всего, научиться

прощать. Прощать всех и за всё... Разведённых папу и маму (каждого по-своему несчастного от содеянного), мало зарабатывающего мужа (думаешь, он не желает большего?), плохо готовящую, сварливую жену (сама небось мучается), неблагодарных детей (а за что им тебя благодарить? За вечную твою занятость и «свидания» по выходным за ужином, в лучшем случае?). А также коварных соперников, подлых конкурентов, вредных соседей, сварливых стариков, олигархов и невменяемых сограждан – в общем всех, кого, оглянувшись, увидишь. Того, кто плонул, обозвал, не помог... Просто подумать надо: а вдруг ему сейчас хуже? Намного хуже, чем мне».

Счастье... Счастье... Каждый из нас наделен божественной искрой быть счастливым и у каждого из нас своя дорога к счастью. Мы ошибочно убеждены, что нам нужен кто-то или что-то, чтобы сделать нас счастливыми. А счастье, которое мы ищем, находится внутри нас. Счастье – это состояние души...

Когда вы поймёте, что вам не на что жаловаться, вам будет принадлежать весь мир. (Лао-цзы).

От редактора. С этой статьей невольно перекликается письмо нашего собственного корреспондента из Лондона:

Евгений Мартов

На что мы тратим жизнь!
На мелочные ссоры,
На глупые слова, пустые разговоры,
На суetu обид, на злобу – вновь и вновь.
На что мы тратим жизнь...?
А надо б на любовь.

Сжигаем жизнь дотла все на пустое что-то:
На нудные дела, ненужные заботы...
В угоду обществу придумываем маски...
На что мы тратим жизнь?
А надо бы на ласки.

Мы распыляем жизнь на сумрачную скуку,
На «имидж» и «престиж», ненужную науку,
На ложь и хвастовство, на дармовую службу,
На что мы тратим жизнь?...?
А нужно бы на дружбу.

Куда-то все спешим, чего-то добываем.
Чего-то ищем все, а более теряем;
Все копим: золото, тряпье и серебро...
На что мы тратим жизнь?
А надо б на добро.

Волнуемся, кричим, по пустякам страдаем:
С серьезностью смешной вещички выбираем.
Но сколько ни гадай – все выберешь не ту.
На что мы тратим жизнь...?
А надо б на мечту.

Боимся радости, боимся верить в сказки,
Боимся и мечты, и нежности, и ласки;
Боимся полюбить, чтоб после не тужить...
На что мы тратим жизнь?!
А надо просто жить.

Алла Сергеева

Терпимость или толерантность?

Любимая русская забава — игра в слова и со словами. Наш язык бессознательно проговаривает скрытое, обнажая менталитет говорящего и его проблемы, даже если они загнаны вглубь. К примеру, в последнее время русское ухо все чаще режет поток иноязычных слов, чужие слова вытесняют родные. И если что-то выговаривается с трудом, то есть повод задуматься: а что здесь не так?... Порой дело даже не в новизне слова, а в его недопонимании, в неполном принятии. Например, все чаще в последние годы мы слышим «толерантность» вместо привычной «терпимости». При этом русское слово яростно сопротивляется чужеземцу, подогревая пыл дискуссий. Слово «толерантность» порой иным до такой степени не нравится, что они выражают уверенность, будто оно связано с именем Талейрана, французского дипломата, беспринципного политика, ловкого в интриге. Это, конечно, неверно: на самом деле «толерантность» идет от латинского *tolerantia* (терпеливость, терпение) и глагола *tolere* (переносить, поддерживать).

О толерантности часто говорится чуть ли не как о главной добродетели XXI века, как о главном итоге человеческого прогресса. Но ведь это совсем не так! Идеями терпения и примирения с древнейших времен пронизаны все мировые религии и культуры. Что, разве Россия жила веками, не ведая об этом? Старинные русские слова «терпеливость», «терпение», «терпимость», «милосердие», «смирение», «смиренность» исключают идею отказа от себя, самоотречения и попустительства, зато полны духовного напряжения, внутреннего действия. «Огненным смирением» называли молитву Сергия Радонежского за исход Куликовской битвы. Терпение — общепризнанная христианская добродетель, оно заключает в себе готовность переносить невзгоды и удары судьбы, не впадать под их давлением в уныние и ярость, оставаться снисходительным к человеческим слабостям: «Не судите, да не судимы будете».

Вспомните русскую историю, чтобы убедиться, что знаменитое русское «терпение» на деле означает медленное собирание сил: русский мужик долго терпит, он ждет понимания и уважения от других, и чтобы он взялся за вилы, его сначала надо сильно «довести». Вся история России убеждает в русской терпимости к чужим религиям и поведению: именно в нашей стране издавна возник

такой тип национальных отношений, который неизвестен в других странах. Этнически многообразная Россия — своеобразная модель мира, где веками бок о бок живут более 180 (по данным Википедии) разных народов, из которых ни один (!) не потерял себя. Сравним этот факт с историей, к примеру, освоения Америки, когда с лица земли были стерты не только этносы, но и целые цивилизации.

Озвучена и поименована была «толерантность» в Европе после двухвековой кровавой мясорубки религиозных войн, закончившихся Вестфальским миром в 1648 году. Усталость от разрушительных войн вызвала к жизни эту идею в качестве сконструированного, идеального принципа взаимной терпимости (сначала в религии, а затем в понимании свободы), который и положил начало развитию всех европейских государств. Апостолами толерантности считаются французские писатели Дидро и Вольтер. Последний выразил классическую идею толерантности в знаменитой фразе: «Я не согласен с тем, что вы говорите, но я покертую вашу жизнь, защищая ваше право высказывать свое мнение». Знал бы он, что вскоре последует за его словами: казнь короля, тотальный якобинский террор, когда гильотины не могли избежать даже дети... Вопреки всем лозунгам и декларациям, толерантность на Западе долго оставалась абстрактной добродетелью — скорее желаемой, чем реальной. И сегодня трудно найти не только четкое и ясное определение толерантности, но нет и такой страны, которая могла бы послужить эталоном терпимости, открытости и смиренности.

Почти через три столетия после своего зарождения, с середины 50-х годов XX века понятие «толерантность» расширило свой узус, став актуальным и в западной психологии. Его смысл заключался в следующем: если человек сталкивается с тем, что вызывает чувство протеста, то негативную энергию лучше канализировать, переводить в безопасные формы. Все ведь читали о том, как в Японии, например, рабочий, униженный начальником, должен потерпеть до обеда, а уж потом для психологической разгрузки он может с чувством отметить резиновое чучело начальника. То есть помимо терпимости в религиозном и политическом смыслах через триста лет этим словом начали называть и психологическое умение человека

сдерживать свои эмоции в неприятной ситуации, направляя их в нужное русло.

А что же в русском языке? На русский язык латинское слово до конца XVIII века переводилось как «терпеливость», «терпение», а позднее привилось и слово «терпимость». Однако, если попробовать это слово на языке, на вкус и звук, то все-таки в нем чувствуется оттенок снисходительности к тому, с чем человеку порой приходится мириться. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля на этот счет есть пояснение: «терпимый» – это *то или кого терпят из милосердия или снисхождения*. А глагол «терпеть» употреблялся в значении «страдать, крепиться, допускать, не спешить». Короче говоря, в слове «терпимость» порой передавалась снисходительная пассивность по отношению к тому, кого (или что) терпят. Не случайно по-русски предпочитали говорить о «терпении», а «терпимость» чаще связывали с теми местами, где человеком пользуются. Не случайно 16 ноября (Международный день толерантности) в России ни у кого не повернулся язык назвать «Днем терпимости»: уж очень это слово напоминало о борделях. Словом, родное слово «терпимость» долго несло в себе шлейф легкомыслия. Однако сейчас в русских СМИ бордели именуются прямо и простодушно, без всяких эвфемизмов. Может, потому «терпимость» постепенно теряет оттенок снисходительности, и все чаще к ней взывают в случаях, когда ситуация требует терпеть, не спешить, не наскакивать сходу, а сначала разобраться, что к чему.

Наличие исконных родных слов не помешало русским либеральным литераторам и демократам-разночинцам в середине XIX века ввести в обиход западное словечко «толерантность» и даже глагол «толерировать». Для «охранителей державности» «толерантность» была словом, скорее, ругательным, поэтому они немало потрудились, чтобы на долго изгнать это слово из русского языка. Так и случилось: до середины прошлого века слово «толерантность» полностью исчезло из русского обихода, люди как-то умудрялись обходиться своими исконными словами.

Сейчас в это трудно поверить, но вновь «толерантность» вернулась в русский язык только во второй половине прошлого века – и в очень специфическом значении! Первые 2 издания Большой Советской Энциклопедии делали вид, что такого понятия на свете не существует. А вот уже в третьем издании БСЭ (1969 г.) «толерантность» была частично реабилитирована, но с оговоркой, что этот термин введен в 1953 году английским иммунологом П. Медоваром для обозначения терпимости иммунной системы организма к пересаженным инородным тканям. Значит, по-русски это слово в наши времена зазвучало в качестве медицинского термина в сугубо определенном значении: отсутствие сопротивления организма по отношению к пересаженным органам. О смирении и терпимости по отношению к чужим идеям и мнениям 40–50 лет тому назад, как мы понимаем, и речи не могло идти! Так что довольно долго «толерантность» в русском языке жила исключительно

своей, личной, сугубо медицинской жизнью.

И вот в последние 10 лет «толерантность» из долгой ссылки снова вернулась в русский язык, став предметом изучения не только медиков, но и социологов, и когорты политологов. До этого в словарях «толерантность» и «терпимость» полностью отождествлялись – вплоть до конкретного дня и часа!

В официальном определении «толерантности», принятом в соответствующей Декларации на Генеральной Конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года, говорится уже не просто о терпении, но и об умении жить в гармонии с миром, принимать многообразие человеческой культуры, об отказе от абсолютизации истины, отказе от доминирования и насилия, о признании прав и свобод каждого человека. Через СМИ усилиями политологов слово было введено в широкий обиход, прижилось и даже обогатилось новым смыслом: это не только вынужденное примирение, но и признание права на существование чего-то иного, непривычного, чужого, порой нам не совсем приятного.

По-русски звучит это слово все чаще и чаще, однако годы изгнания не прошли даром: в нем чувствуется некая расплывчатость, неясность, смысловой разнобой. Когда в одном из российских вузов студентов попросили объяснить это слово, то выяснилась поразительная разноголосица: для одних толерантность – это «сдержанность» (18%), для других «терпение» (15%) или «умение подавлять негативные реакции» (12%). И только 2% студентов вспомнили об «уважении» к чему-то иному, непривычному и непохожему. Такое понимание термина, откровенно говоря, не вполне согласуется с принципами ЮНЕСКО! Признаем, что не всем это слово привычно и ясно.

Скажете: ну и что? Стоит ли копья ломать? Будем как все, говорить о «толерантности», выкинув из головы нашу извечную привычку терпеть и смиряться перед неизбежным? Может быть и так, если бы не пока еще непривычный облик этого слова, его слишком острый политический привкус, мешающий обыденному употреблению, его смысловая туманность, а главное – его навязывание в таких ситуациях, когда совсем не хочется покорно терпеть и мириться.

Политический привкус этого слова силен до такой степени, что в бытовых ситуациях оно раздражает. Ну, скажите, когда в ответ на ваши упреки домашним (за невнимание к чистоте, за беспорядочность и т.п.) вы в ответ услышите призыв к толерантности – разве это не будет смешно? Все-таки свои, родные «домашние» слова «терпимость», «терпение», даже «смирение» в такой ситуации прозвучат более естественно, когда вас призовут не устраивать скандал по пустякам, не взрываться с полуоборота, а действовать более мягко и терпеливо, быть снисходительным к чужим слабостям.

Когда же мы говорим о политике или отношениях между большими группами людей, несходных по культуре, вероисповеданию, этничности, гендеру, возрасту и прочему, то «толерантность», пока еще не вполне освоенную русским языком, использовать вполне разумно. Догово-

римся, чтобы не сбивать с толку друг друга: «толерантность» - это социально-культурный и религиозный термин для описания коллективного или индивидуального поведения, смысл которого – отказ от преследования тех, чей образ мысли и жизни не совпадает с привычным и общепринятым, это сознательное решение не высказывать свое неодобрение, когда вас что-то не устраивает. Использование этого термина может быть приемлемо в рамках проблем религии, политики и морали. В таком словоупотреблении «толерантность» по сравнению с русской «терпимостью» даже выигрывает, поскольку это слово имеет более активную направленность: оно означает не просто покорное смиление или терпеливую снисходительность, но активную нравственную позицию человека: не осуждать, не преследовать, сохранять терпение. Оно предполагает устойчивость человека к конфликтам и человеческим отклонениям, готовность к компромиссу.

Смысл слова позитивен, однако все чаще и чаще даже в политическом контексте к нему относятся по-разному, оно вызывает жестокие дебаты и у нас в России, и на Западе. Это можно объяснить тем, что термин «толерантность» настолько молодой, что еще не вполне освоен в человеческом сознании. Даже в европейских языках, где слово «толерантность» бытует издавна, в нем чувствуется смысловой разнобой: не случайно вместо него в англосаксонских странах часто выскакивает «политкорректность» (от англ. Politically correct, т.е. «соответствующий установленным правилам»). Этот термин усвоен в 1990-е годы и приобрел в узусе несколько иное значение: требование соблюдать приличия и избегать оскорблений по признаку расы, веры, сексуальной ориентации, возраста, пола и т.п. Интересно, что в англоязычных странах «политкорректность» часто произносится с иронией или неодобрением. И для того есть немалые основания. Можно ли не раздражаться, если на Рождество теперь предписывается желать не «Веселого Рождества» (Merry Christmas), а «Счастливых праздников» (Happy Holidays)? А то ведь ненароком можешь оскорбить религиозные чувства нехристианина! Ну, разве это не профанация традиционной культуры? А когда людей с черной кожей запрещено называть «черный», и уж тем более – «негр», а можно только – «афроамериканец», разве это не абсурд? Ведь в Африке, как известно, живут не только чернокожие. Да и сам термин «раса» в западной науке считается некорректным. И уж совсем ни в коем случае нельзя назвать человека с нетрадиционной сексуальной ориентацией прямым, хотя и не вполне поэтическим словом. Разве все это не лицемерие? А вы случайно не пытались смиленно и доброжелательно обсуждать такие сложные проблемы, как отделение церкви от государства, употребление табака, алкоголя и наркотиков, возможность чтения неодобляемых политических трудов? Пожалуй, это небезопасно: столько будет разворочено мнений, точек зрения, оценок, позиций и взглядов, что само обсуждение не может не повлечь за собой града обвинений в нетерпимости.

Часто все эти перегибы с «толерантностью» и «политкорректностью» направлены на то, чтобы умиротворить, затушевать, сгладить общественные противоречия. Однако каждому ясно: они отнюдь не повышают традиционную культуру, а только ее деформируют, загоняют проблемы вглубь. Скажем прямо: чрезмерный конформизм, как и нетолерантность, только нагнетают насилие, раздражение, ксенофобию и нестабильность в обществе.

Неудивительно, что в общественной системе отношений на Западе, построенных на принципах толерантности, в последние годы вдруг начали распускаться «цветы зла», и только слепой не видит этого. Не будем вдаваться в политические рассуждения, а просто процитируем строчки из последнего романа Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы», где выражается не частное мнение ксенофоба, а общая боль за бесславно гибнущую европейскую культуру. Говоря о бездарности человека, который на протяжении истории повторяет одни и те же ошибки, писательница касается истории Испании, где в начале восьмого столетия воинственные вест-готы, не поделившие престол, призвали на помощь северо-африканского повелителя мавров. Дикие орды берберов (читай – мавров) овладели страной, не собираясь ее покидать. «Казалось, стоило христианам выиграть этот исторический урок. Но... ничуть не бывало: в середине двадцатого века забывчивая Европа зазывает все тех же мавров на свои исторические лужайки и мытые шампунем мощеные уложки: приходите, тетя-кошка, нашу мышку покачать... И вот минуло несколько десятилетий – миг, упавшая ресничка с века двадцатого века, – и уже гордая Европа дрейфит перед новыми гуманитарными ордами, остается, пятится, извиняется за все причиненные беспокойства, платит отступные, пособия, стипендии и гранты, но поздно: зеленые лужайки зас...ы, по мощеным уложкам бродят барышни, законопаченные в галабии и черные платочки по самые черные глазки, на центральных площадях с легендарными именами исступленно протестуют в поясах шахидов известные актрисы уже смешанного происхождения. Прощай, Европа! Арриведерчи, Рома! Аллахакбар, Мюнхен! Не за горами окончательное решение европейского вопроса».

Думается, что автор сгущает краски: события в Европе показывают, что навязанная европейцам толерантность устраивает далеко не всех. 29 ноября 2009 года после общегосударственного референдума в Швейцарии, одной из самых толерантных стран, было принято решение о запрете на строительство мечетей. Это было воспринято всеми как гром среди ясного неба: Швейцария была чуть не первой страной, построенной на принципе толерантности, в ней четыре века бок о бок мирно жили носители четырех разных языков, и вот, – на тебе! Вслед за ней и во Франции Институт изучения общественного мнения отметил: в последние 8 лет количество противников строительства мечетей выросло в два раза и сейчас составляет 46% – чуть не половину населения. И где же тут политкорректность и терпимость? Пока что ничего не обещает, что страсти вскоре улянутся и все успокоятся. Сейчас

в Европе проживает 20 миллионов мусульман, а к 2050 году они будут составлять половину населения Европы. Аналитики даже предвещают окончательный закат европейской культуры: лет через 50 Европа примет совершенно иной облик, как бы она ни сопротивлялась влиянию другой цивилизации.

Такое положение дел на Западе сложилось постепенно благодаря не вполне дальновидной государственной политике. Здесь со стороны государства наблюдается мощное и тотальное давление политкорректности и мультикультурализма. Человек, нарушающий эти принципы, будь то политик, журналист или просто частное лицо, рискует стать изгояем, если он допускает жесткие высказывания, поскольку он нарушил общественные приличия: ему не дадут трибуны для выступлений, у него возникнут проблемы на службе, с ним неприлично будет общаться и т.д. Неудивительно, что для осторожных европейцев толерантность стала бытовой привычкой. Жители скученной и тесной Европы обречены на бытовую терпимость. Здесь любой жест или действие не останутся незамеченными, а отзовутся в жизни того, кто рядом. И, тем не менее, что-то сдвинулось в Европе...

Юная незрелость термина «толерантность» (малышу всего-то десяток лет, а претензий – громадье), его неполная освоенность массовым сознанием приводят к тому, что его используют абсолютно беспорядочно. Многие не вполне понимают, где можно потрясать эти громким словом, а где – не стоит, где проходят границы его использования. Несколько, должно ли общество, исповедующее толерантность, быть терпимым к нетерпимости других? Вот, к примеру, как оценить такой эпизод? Администрация «Форда» в русском городе Всеволожске не позволила православному дьякону Андрею Кураеву совершить экскурсию по сборному цеху завода в рясе под таким предлогом: «Коллектив интернациональный, ряса может оскорбить рабочих». Это вот такая причудливая толерантность? А вот и другой эпизод: в городе Иерусалиме раввин Стены плача Шмуль Рабинович не пропустил делегацию австрийских епископов к еврейской святыне, пока те не сняли наперсные католические кресты. Подобных эпизодов как примеров крайней нетерпимости можно привести множество, пока что они мало кого возмущают, по крайней мере, не стали предметом обсуждения.

А если касаться не просто эпизодов, а событий, в которые было вовлечено множество людей? В преддверии юбилея Дня Победы и окончания Второй мировой войны таким событием представляется история с Бронзовым солдатом - памятником воинам, павшим при освобождении Таллина, когда местные власти распорядились, не спрашивая согласия родственников, не поставив в известность широкую общественность, перенести и перезахоронить прах солдат. Это решение было принято на заседании горсобрания Таллина под давлением фракции националистов. Мотивом задуманного акта вандальства (назовем вещи своими именами) было то, что этот памятник, якобы, героизирует оккупацию страны Советским Союзом. В наши дни в центре Европы в крошечной христианской

(все-таки!) стране годами происходило осквернение этой могилы: она стала местом стычек между местными националистами и теми, кто пытался защитить память о воевавших дедах, видя в этом защиту своего достоинства. Для выхода из ситуации необходимы были та самая толерантность, которая обеспечила бы диалог, но его не получилось.

Скандалность ситуации была очевидной. Даже мэрия Таллина предупреждала: перенос памятника и раскопки могилы павших воинов несут в себе провокационный характер и могут вызвать негативные последствия и для города, и для страны, и даже вызвать международный конфликт. Российские власти оценили эту идею как «пересмотр роли стран антигитлеровской коалиции в победе над фашизмом во Второй мировой войне, противоречащий не только нормам международного права, но и принципам человеческой морали и гуманизма». Ничего не помогло. В ночь на 27 апреля 2007 года погребение солдат было раскопано, памятник демонтирован и вывезен за пределы города, на дальнюю окраину, на Военное кладбище. Свершилось!

И тогда поднялся бунт, начались погромы и выражение стихийного недовольства русскоязычного населения страны. Против протестующих были брошены тысячи полицейских, задействованы слезоточивый газ, телескопические дубинки, резиновые пули, водометы и прочие «демократизаторы». Более 200 человек оказались в больницах, 1200 человек задержаны за «хулиганство», причем, как оказалось, 700 из них были совершенно не причастны к бунту: шли мимо, к себе домой, прогуливались туристами, сидели в близлежащих кафе и т.д. Сбивали с ног, избивали в кровь, связывали, как животных, строительной лентой, ставили на колени, клали лицом на асфальт детей и женщин, случайных прохожих и журналистов, русских и нерусских, англичан и немцев, финнов и самих эстонцев, – всех, кто попадался на пути разъяренных полицейских. Не понимающие ни по-русски, ни по-эстонски иностранные туристы не подчинялись команде встать на колени, сопротивлялись и... получали удары по головам. Надо ли говорить, что с русскими тем более не церемонились? Когда прошел угас события, власти оказались завалены жалобами на действия полиции, но лишь немногие из них дошли до суда. Эстонские адвокаты отказывались от защиты пострадавших, открыто говоря, что идти против власти не хотят. Даже комитет ООН против пыток выразил свою озабоченность в связи с жестокостью и чрезмерным применением силы со стороны сотрудников правоохранительных органов Эстонии.

А что же «мировая прогрессивная общественность»? Кто-то возмутился, выразил свой протест или недоумение по поводу надругательства над прахом усопших или в связи с массовым избиением мирного населения в «цивилизованной» европейской стране? Ничуть не бывало! Мировая общественность не взорвалась от возмущения или негодования. Европейцы сделали вид, что ничего особого не произошло: глава Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу и Генсек НАТО Яан де Хооп

Схеффер хором заявили: «Перенос памятника – внутреннее дело самой Эстонии». Более того: ровно через три дня после событий глава МИДа Эстонии заявил, что это, оказывается, его страна стала объектом нападения со стороны России. Вот так! Сверхтерпимость европейской общественности была воспринята иными буйными головами как попустительство и безнаказанность за акты вандализма. Вот уже и грузинские власти в Кутаиси пошли по следам талибов: в конце 2009 г. взорвали Мемориал славы высотой 25 метров, посвященный памяти грузин, павших в Великой Отечественной войне (а их, говорят, было чуть не 200 тысяч!), при этом погибли 2 человека, случайно проходившие мимо, – мама и маленькая дочь. Мировая печать, как видим, отнюдь не переполнилась возмущениями. Остается ждать: кто следующий?

Интересно: а почему все это никого не возмущает? Почему скандал замалчивается? Это что – та самая «толерантность», или равнодушие, умственная лень? Или все-таки подлость? Невольно вспомнишь слова английского писателя, умницы и острословия Г.К.Честертона: «*Толерантность – это добродетель людей, которые ни во что не верят.*». Добавим от себя: «равнодушных и циничных».

«Толерантность» – это не просто терпимость и признание права каждого быть непохожим на других. На это у нас есть свои, родные, русские слова, и они не хуже латинских. Говоря о «толерантности», не стоит упускать из виду и то важное значение, что привнесли иммунологи, а мы подзабыли в политической суете: «толерантность» – «*отсутствие или ослабление иммунитета*», ослабление сопротивления организма, его выносливости к отклонениям (Биологический энциклопедический словарь, М., 1995 г.). Значит, когда мы говорим о воспитании общества в духе толерантности, то нужно иметь в виду не только снисходительное терпение, уважение или благосклонность к непохожим на нас (или неприятным нам), но не забывать об опасности, когда мы перестаем сопротивляться чужому. И, в первую очередь, здесь имеется в виду и борьба за свою культурную идентичность, за сохранение своей самобытности. Кстати, важнейшие мировые религии – христианство и иудаизм (в отличие от буддизма, который безоговорочно принимает принципы толерантности) – твердо стоят на своем праве высказывать свое несогласие и негативные оценки, стоят на том, что *право самозащиты должно преобладать над правом толерантности*.

Конечно, с одной стороны, призыв кота Леопольда «Ребята, давайте жить дружно» – греет душу. А с другой стороны: не означает ли порой «толерантность» малодушие и попустительство, равнодушие и умственную лень, когда мы смущенно, словно боясь обидеть, как бы «интеллигентничая», не реагируем на то, что должно в живой душе вызывать искреннее неприятие или даже возмущение? Нужно ли быть толерантным к грубой бране и бесстыдной рекламе, гламурной эстраде и лживым политикам, коррупции и воровству? Стоит ли терпеть подобное? Если не противиться безнравственности и цинизму, то будет трудно

отличить добро и зло, будут разрушены традиционные ценности. Не сделает ли нас тотальная толерантность равнодушными конформистами? Раньше в русской психиатрии подобное болезненное безразличие называли «*скорбным беспчувствием*»: это был медицинский диагноз, а теперь такая модель поведения навязывается нам как норма «цивилизованного общества».

Сейчас жизнь в России совершенно переменилась: в нее широким потоком хлынуло столько непонятного, чужого, часто несправедливого, что невольно приходится отстаивать свою самобытность и культурную идентичность. Что же удивляться таким явлениям, как, к примеру, недавно опубликованное открытое письмо Епископа Пермского и Соликамского Иринараха против «насаждения толерантности», в которой он усматривает демонизирующее влияние Запада. Правда, свой запал против толерантности он направил против одного из самых тяжелых грехов (гомосексуализма), как откровенного проявления зла, как нарушения заповедей Божьих. О накале страсти вокруг «толерантности» говорит уже факт, когда московские православные деятели даже организовали «круглый стол» с обсуждением запрета на гей-парады. В ответ на что (где ты, наша толерантность? – ау!) московский журналист Максим Кононенко составил письмо в Министерство юстиции с предложением раз и навсегда запретить Русскую Православную Церковь, коль скоро она «нарушает права человека», т.е. его права на нетрадиционные сексуальные отношения.

Оставим пикантные разборки. Интересно, что чаще всего в России слышится призыв к толерантности в связи с отношением к мигрантам из бывших советских республик, миллионными потоками хлынувшими на российские просторы. В России в условиях вымирания русских нужны рабочие руки. Лоббистам компаний, заинтересованным в дешевой рабочей силе, выгодна миграция: они используют «гастарбайтеров», экономия на зарплате и социальной защите, зарабатывая на этом около 80 млрд руб. в год. Выходцы из небогатых стран занимают самые непрестижные рабочие места: чистят улицы и подъезды, строят дома и дороги, работают грузчиками на рынке и сиделками в больницах. Почти всегда эти люди без образования, без профессии, без знания русского языка, поэтому они не могут, а часто и не желают приспособиться к русским обычаям, культуре, сохраняют свои нравы, свое социальное и бытовое поведение. Волей-неволей у россиян растет аллергия к этому непрошеному соседству, они остро реагируют на «чужаков». Судя по опросам, половина россиян уверены, что «приезжие» отрицательно влияют на ситуацию в их городе (селе), а жители крупных городов еще более нетерпимы к приезжим, составляя уже 75% опрошенных. Людям не нравится, что рынки захвачены приезжими, которые диктуют цены и «выдавливают» производителей и местных продавцов. Жители окраинных многоэтажек жалуются, что многие квартиры фактически превращены в общежития. По информации московских властей, 60–80% особо тяжких преступлений в городе совершаются

мигрантами, проживающими в России нелегально. В Москве и Подмосковье русские дети все чаще становятся «нацменьшинством». Падает уровень обучения. Русский язык все чаще звучит с восточным акцентом. Среди родителей растет страх, что национальные криминальные группы занимаются сбытом наркотиков, приучая к этому местную молодежь. Удивительно ли, что многие не скрывают желания жить «в России для русских».

Недовольство приезжими существует во всех странах, оно старо, как мир, и чаще всего связано с вольностью, которую позволяют себе гости, которые почему-то чувствуют себя на чужой земле хозяевами. Русские боятся не конкуренции и вытеснения «чужаками», а того, что им будут навязываться иные представления о том, «что такое хорошо», а что - не вполне, чужие развлечения, они против того, что чужие убеждения, взгляды и привычки будут прививаться их детям, что в будущем Россия потеряет свой культурный облик, традиции и самобытность. И это не надуманная страшилка из газет, а реальная угроза. Социологами и психологами доказано, что утрата культурной идентичности для человека неизменно означает утрату им главного жизненного стержня - своих корней. От этого человека размываются жизненные ориентиры и все, что держит его на якоре, будь то принадлежность к семье, нации, месту, которое называется домом. В результате у человека меняется поведение и мышление, усиливается ориентация на потребление, он теряет уверенность в себе, отсюда - неврозы, депрессия, социальная патология. Словом, ничего хорошего не происходит от того, что происходит давление на традиционные культурные ценности людей. Более того, это просто опасно для их психического здоровья.

Обратим внимание: гнев против мигрантов (вплоть до призывов к депортации) выражает не больше 6% населения, и обычно это ущемленные и малообразованные люди, которые не делают различий между гражданином России, скажем, выходцем из Осетии, - и тем, кто приехал из Армении или Азербайджана. Большинство населения не поддерживает открытой агрессии против чужаков. Заметим также, что в истории России никогда не проводились этнические чистки, что здесь никогда не было исламофобии, которой заражено титульное население Франции и Германии, что самый крупный по количеству мусульман город в стране - это Москва: здесь живет полтора миллиона московских татар - больше, чем в столице татар Казани, и здесь татары издавна жили с русскими бок о бок и чувствовали себя комфортно. И тот факт, что при этом нам трубят о «толерантности», не может не вызывать подозрения. Возникает смутная догадка, что этим широким понятием пользуются политики, прикрывая как лукавым эвфемизмом свои неблаговидные цели и «канализируя» наш гнев. И вместо того, чтобы открыто бороться за то, чтобы остаться самим собой, чтобы открыто проявлять свое сочувствие или неприязнь, человек должен погрузиться в болото отстраненной учтивости. Не сделает ли из нас навязывание тотальной толерантности беззубыми конформис-

тами, которые «добру и злу внимают равнодушно»?

Все эти вопросы и сомнения, мучающие население страны, ее «низы», не принимаются в расчет властями. Не случайно в СМИ все чаще мелькает новое словечко - толерантность. Общественная палата даже строит планы: хочет разработать Программу по толерантности россиян к мигрантам, чтобы снизить уровень напряжения в обществе. Планируется повсеместно создавать специальные учебные курсы по адаптации мигрантов, специальные тренинги, ввести специальный учебный предмет в российских школах и т.д. Представляете, какие затраты денег, энергии, усилий и времени повлечет это за собой? Всю эту суetu народ воспринимает как искусственное подавление права открыто выражать свое мнение, как принуждение терпеть то, что неприятно. И еще вопрос: а на чем, собственно, должно базироваться наше априорное уважение к чужим традициям, нормам поведения, идеям, праву? Неужели только на принципе гостеприимства? На таком фундаменте трудно построить что-то, кроме невроза. Если отказаться от борьбы со снижением иммунитета, то результат этого процесса заведомо ясен и печален. В той же Европе, к примеру, до того «наелись» своей толерантности, что самим жить не стало. Когда они поняли, что стали заложниками своих же демократических принципов, то резко ужесточили иммиграционную политику.

Как бы мы ни относились к понятию «толерантности», каждому ясно: сейчас мир настолько изменился, что мы вынуждены, да нет - просто обречены сосуществовать бок о бок рядом с непохожими на нас, и потому вынуждены воспитывать в себе толерантность, а хотите - терпимость, или терпение, или смирение. Ибо только она в наши дни - главное и единственное средство договариваться между собой, предупреждать конфликты, снимать растущее напряжение. И в этом - ее универсальная и абсолютная ценность. Идеальным образом «толерантности» может послужить образ лодки, Ноева ковчега, где все вместе, и люди и звери, уживаются рядом, терпят друг друга и тем спасаются от неминуемой гибели.

В конце хочется подчеркнуть: толерантность, с одной стороны, как принцип коллективного поведения и, с другой стороны - стремление к толерантности в жизни конкретного человека - это совсем не одно и то же. И последнее, кстати, требует гораздо больше усилий и преодоления внутреннего сопротивления человека. Отказ от критики иных, непохожих, с иным образом мысли и жизни, часто неприятных и раздражающих, почему-тодается с большим трудом, чем благие рассуждения о правах человека и равенстве всех живущих на Земле. Думается, что со временем, осознав это явление, научившись определять, что такое толерантность и где ее пределы, мы все сделаем шаг в познании мира, в укреплении своей жизнеспособности. Не будем, правда, забывать и то, что у нас есть свои собственные старинные традиции толерантности, которые не хуже европейских, а как-то даже сподручнее.

Париж, 2009 г., декабрь

Проза

**Виолетта Реймонд
(Франция)**

Dва веселых гуся

- Во, гляди, настоящую белую эмаль раздобыл, - заговорщицки прошептал Димон, заходя ко мне в комнату и плотно закрывая за собой дверь. - И стоило мне всего-то ничего. Полчаса поигрался с замочком, подбиравая ключики...

Я вытаращился на бело-голубую банку, взгромоздившуюся на мой стол прямо рядом с иконой Богородицы.

- И где она раньше жила, эта эмаль? — с интересом спросил я.

- А в гардеробе, в классе у Васильченко. Он ее вчера туда положил.

- Дак он же искать начнет, — попытался я как-то пробиться к Димкиному голосу совести, — расследование, отпечатки, у кого могут быть ключи от класса, шкафа...

- Не-а, не начнет, — спокойно ответил Димон, с хрустом вламываясь своими крупными зубами в сочное красное яблоко, доставленное мне из родительского дома. — Не начнет, — продолжал он, — потому что сам ее стибрил.

- И он тоже? — вырвалось у меня. — У кого он мог ее это, ну, того... Да еще у нас, на музыкальном факультете?

- Ты че, слепой, что ли? Ремонт же у нас в некоторых классах идет. Видел, народ в униформе ходит? Маляры, штукатуры... Ясно теперь?

- А, теперь ясно, — говорю, косясь одним глазом на банку. — А что, если ее назад рабочим отнести? Во для них приятный сюрприз будет.

- Ты че, совсем что ли? Да они уже и думать оней забыли. Другую возьмут. И как ты объяснишь? Мол, это наш педагог — баянист по ошибке с баяном перепутал? И в шкафу у себя запер? А мы вот, такие бдительные студенты, его выследили и решили вернуть пропажу?

Я задумался. Перед глазами возник образ этого Васильченка, вот уже много лет как жившего в студенческом общежитии, часть которого построена специально для педагогов в стиле «малосемейка». Этот человек произвел на меня незабываемое впечатление с первого взгляда. Между собой мы прозвали его «Прощай, молодость». На факультет он приходил в светло-бежевом кримпленовом костюме с коротковатыми штанами. Облегающий пиджак был украшен накладными прямоугольными карманами. Такие костюмчики я видел в старых журналах семидесятых. Чуть не забыл сказать о туфлях. Они также заслуживают особого внимания. В глаза бросались каблуки. Их высота была

Автор рисунка Лариса Флер
внушительной. Острые носки. Всегда накремлены и всегда на виду из-за коротких штанов. Представили? Прическа тоже была по стилю. Ансамбль дополнял аккуратный пробор на две стороны почти по центру головы из смазанных чем-то волос. Может, гусиным жиром? Почему именно гусиным? Сейчас все подробно объясню.

Мне неоднократно из окна приходилось наблюдать за ним и его двумя гусями, которых он выносил со своего шестого этажа попастись на травку. У него даже была огромная гусиная клетка с ручками для этого дела. Прямо как в песенке «Жили у бабуси два веселых гуся». Только роль бабуси исполнял Васильченко.

- Вот она — беднота, — мелькнуло у меня в голове, — до чего человека, педагога, кандидата наук довела. — И что ты будешь с этой краской делать? — зачем-то спросил я Димку.

- А домой отвезу, родителям. В хозяйстве такая вещь не пропадет, — довольно крякнул он.

- А если спросят, где взял?

- Конечно, спросят. Я им с превеликим удовольствием все расскажу, всю правденьку выложу.

И тут Димон начал смеяться. Причем его смех стал расти и делать крещендо. На мой вопрос: «Ты

чего живот дерешь?», он говорит:

- Как только представлю лицо Васильченка, когда он придет на факультет вечерком, чтобы тихонько это вынести. А красочка — тю-тю! Уплыла! Во для него будет шок! А урок какой, — вдруг говорит серьезно Димон. - И он, и у него. Преступление и наказание прямо.

Я с удивлением посмотрел на Димона. Может, он тоже сейчас прозреет? Ведь где-то в глазах что-то блеснуло, я это точно заметил.

Да, блеснуло, но, к сожалению, только не к себе применимое. Ведь щепка в чужом глазу в сто раз больше, чем бревнышко в своем.

Так и поехала белая эмаль в другой город, а Васильченко все продолжал пасти своих белых гусей у меня под окнами, к тому времени хорошо раздобревшими на студенческой травке. Иногда он их выводил на поводке поплавать на пруд. Не знаю, как ему потом удавалось загнать их обратно в клетку, но гогот стоял неимоверный. Клетка им явно была мала из-за долготы шей. Поэтому беднягам — птицам приходилось сидеть в клетке, скучожившись, пригнув свои длинные величавые шеи, и ждать, когда мучитель отнесет их обратно на балкон шестого этажа, где можно хоть поптичики гоготнуть на глупых куриц из соседнего балкона.

А замочек, кстати, в своем гардеробе он все-таки сменил. Это мне потом Димон поведал. Но мне до сих пор хочется спросить у Димки, а что

сказали его родители, услышав про такую детективную миграцию этой банки. Скорее всего, валяется она где-нибудь на чердаке. Ведь с самого начала нежеланная была. Кому она такая нужна? Краденая, да еще и дважды.

Вы можете сказать, что среда заедает и доводит человека до такого. А я соглашусь со Львом Толстым, что все дело в случае. Вот слушайте дальше, что приключилось со мной.

Лет через пять после этого, вырвавшись из Украины в начале 21-го века за рубеж, я не смог устоять от вседоступности товаров. Долго я бродил по огромному магазину-городу «HMV», беря с полки и тут же ставя назад вожделенные CD со всевозможной музыкой, которые я в свое время мог слушать только в учебной студии звукозаписи на старых пластинках и бобинах. А денег у меня в то время было «кот наплакал». Точнее сказать, кот там и не плакал и даже конь не валялся. Кроме проездного на автобус (о метро мечтать не приходилось — дорогая роскошь), в кармане ничего не было. В общем, после нескольких дней-прогулок по этому магазину я все-таки позарился на CD. И вот этот заветный диск, о котором я давно мечтал, сто раз брал в руки и столько же раз клал на место, лежит у меня в кармане или сумке, не помню уже от потрясения и страха, где именно. И, конечно же, неоплаченный. По пути домой думал: «Сейчас поставлю, наслушаюсь вволю». Думаете, поставил? Куда там! Да кому он теперь такой нужен, этот диск?!

Монпелье, 2010.

Вы наши

-Идет! Ложи все на место быстрее, — зашипел я.

Вовка Назаренко пулей вбежал в наш экскурсионный автобус и за секунду стащил с себя чужие пальто, шарф и шапку. Бросив одежду на сиденье Николая Пантелеевича и распевая «Ми-ме-ма-мо-му», он с невозмутимым видом вышагнул на асфальт. Тем временем к автобусу приближался радостный, ничего не подозревающий Пантелеевич — руководитель нашего хора, который нянчился с нами, как с детворой малой. Хоть нам к тому времени многим было за двадцать. Ну, а мы ему за это отплачивали щедро, взявши на себя роль непослушных и капризных детей. Причем продыху ему не было. Нас несколько десятков, а идея еще больше. Главное — не упустить момент и в очередной раз поерничать над добрым «родителем». Вот только сейчас, нацепивши вещи Ивана Пантелеевича, Вовка ходил петухом, выпячивая грудь, подложивши под пальто свои локти, строил немыслимые рожи, косил глаза, высывая и прятал язык... Никакого сходства с нашим хоромейстером.

Тем не менее, хористы — студенты катались от смеха. Но не все. Имелся и серьезный народ, в основном среди сопрано и альтов.

Несколько дней назад, когда список хора не был утвержден, многие из этих ныне гоготавших ходили хвостиками за нашим дирижером, пощечинячи заглядывая ему в глаза. Уж очень хотелось во Львов поехать.

Нужно сказать, что во Львов могли поехать только шестьдесят человек хора. Нам выделили всего два автобуса. А тут еще, с целью улучшения качества звучания, Пантелеевич пригласил в поездку нас, выпускников с голосами. В общем, после всей этой арифметики отбора и прослушивания несчастная половина коллектива осталась дома. А счастливчики теперь, быстро все забыв, драли животы и с вожделенным ожиданием поглядывали на свои «звенящие» сумки. Короткая память человеческая.

— Ребята, я вас очень прошу, — говорил на последней перед выездом репетиции наш руко-

водитель. - Никакого алкоголя! Мы - Восточная Украина, не должны опозориться перед братьями нашими из Западной.

Втеноровой и басовой партиях началось недовольное волнение. Как же это не принять для «рыка» перед концертом? А если голос не будет звучать? Или вдруг «петух» высокочит? Причем алкоголь - это универсальное средство для голоса. А вы не знали? Басам и баритонам увеличивает «рык», то есть, придает особую краску нижним регистрам. А вот тенорам, оказывается, непомерно облегчает попадание на самые высокие, недоступные в трезвом виде, ноты. Не всегда точно, но зато как высоко. Вот такое певческое лекарство! И как тут можно без него обойтись, да еще в таком конкурсе, на который нам с величайшим трудом удалось получить приглашение? Ахоры туда съехались со всех югов. Были коллективы из Польши, Словакии, Словении. А также венгры, хорваты, румыны щеголяли перед нами своими красивыми фольклорными костюмами с высокими красочными головными уборами. Ну, а мы, как и было тогда положено хору педагогического университета: женщины - белая блузка, черная, длинная до пола юбка, мужчины - тоже в подобной пингвиньей расцветке. Что тут еще добавить?

Во Львове мы выступали много. Каждый день в разных залах, церквях. Все было четко организовано, строго по времени. Прямо по-европейски.

Как-то, поставив последний долгий ферматный аккорд в «Аллилуи» Генделя, мы прямо в этой своей легендарной форме, еще пребывая в концертном настроении, вывалили на улицы Львова и разбрелись группками по городу. А посмотреть было на что. Узкие улочки с каменными дорожками, где камешки такие чистенькие, такие гладенькие, что хотелось щекой к ним прижаться. Гуляя, мы набрели на такой пятак, где в радиусе ста метров находились пять разных конфессий: украинская греко-католическая церковь, украинская автокефальная, украинская православная. А рядом с ними был дом, из которого доносилось «Хари Кришна - Хари Рама». И последней ягодкой на тортике оказался молебельный дом баптистов. И все это совсем рядом друг к другу, да просто вплотную. Время было вечернее, служебное, везде был народ. Люди молились. Вот такой он еще, этот Львов, многогранный.

Времени у нас свободного было полно, мы продолжали бродить по запутанным чистым за-коулочкам Львова, вслушиваясь своими музыкальными ушами в не менее музыкальную львовскую речь, и тут нас окликает женщина:

- Вы откуда? Сумы? А! Понятно! На международный конкурс приехали? А в театр не хотите пойти? Я вам, как истинным ценителям искусства, бесплатные контрамарки достану.

- Как не хотим? Конечно, хотим! - взывли мы.

Назвав свое имя и сказав, как ее найти в театре, она убежала. А в 20 часов мы уже расположились в партере театра Заньковецкого, все еще до конца не веря случившемуся. Ведь мы были предупреждены о не самом чутком, даже агрессивном отношении львовян к нам, с Восточной, а особенно к

нашей украино-русской речи. Но несмотря ни на что, в театре мы сидели. Причем разговор с уличной незнакомкой велся на русском языке. Не знаю почему, но я был так тронут чуткостью совершенно незнакомого нам человека, встретившего нас прямо на улице, что совсем не запомнил, что же я смотрел в театре. Вот вам и восток-запад.

А Иван Пантелеевич, наш дорогой родитель, все время куда-то кем-то вызывался, метался. Тут нужно проводить репетиции, концерты. А кор-межка, почлег... Все в чужом городе. Все под его крылом. Ой, как трудно ему было. А какие интересные экскурсии он нам успел организовать! Конечно же, мы взобрались на самую верхнюю точку Львова – Высокий замок, и любовались панорамой. Там я еще фотографировался с двумя огромными улитками. Или они со мной?

Конечно же, посетили могилу легендарного композитора- песенника Иvasюка, автора знаменитой песни «Червоная рута» в исполнении Софии Ротару. У экскурсовода слезы стояли в глазах, когда он рассказывал о трагической судьбе этого музыканта. С надрывом в голосе он нам повествовал о странных обстоятельствах его убийства, так и оставшегося нераскрытым. Я понял, насколько это было важно для львовян поделиться своей болью с нами. Но понял только совсем недавно. А тогда меня больше интересовало, честно сказать, найдем ли мы магазин «Свиточ», где продается знаменитый львовский шоколад. Или не опоздаем ли мы к обеду и что у нас в меню. Молодо- зелено!

И вот наступило время самого ответственного конкурсного выступления перед уважаемой комиссией, которая присуждала хорам звания лауреатов или ничего не присуждала.

На репетиции, за два часа до нашего выступления, обнаружилось, что лучший тенор хора, Сашка Петренко, выпил. Да не просто выпил, а «напился вдряг», как тогда было о нем сказано. Что тут началось! На Пантелеича было жалко смотреть. Казалось, вот-вот и слезы хлынут. Даже Вовка Назаренко, знаменитый насмешник, уши прижал. Да мне самому тогда было ой как нехорошо, и руки, вернее, кулаки, на Сашку чесались неимоверно. А он, Сашка-тенор, стоял нахально так шатаясь, в своем теноровом ряду, и глупо улыбался. Скорее скалился, шаря своими пьянящими глазами по хору, пытаясь найти поддержку. Но он ошибся. Когда дирижер вышел, чтобы глотнуть воздуха и собраться с силами, хор стал похож на римскую арену, в центре которой оказался ничего не понимающий пьяный горе - певец. Атмосфера от шипения, криков, упреков здорово накалилась, и только с открывшейся входной дверью и ворвавшимся уличным кислородом, разбавившись, немного улеглась.

Вошел Пантелеевич. И так спокойно, как никогда, произнес:

- Ты, вот что. Иди вон из хора, и до конца поездки от пения ты отстранен.

Много чего он говорил справедливого и заслуженного. И так говорил, что Петренко пропрэзвел прямо на глазах, да и не он один. Раньше от этого горе-певца мы только и слышали, что хор на нем

одном держится, что без него хор - не хор и что он будет допущен к пению в любом виде. И что, мол, Пантелеич «у него вот здесь». При этих словах Петренко крепко сжимал кулак и подносил к носу цвета бурой картофелины.

Ой, а как мне самому было стыдно за наши вечерние застолья в львовском общежитии, которые непременно заканчивались пьяным пением хорового репертуара. Бедные уши Пантелеича за стенкой! Непременной застольной темой был и он сам, к которому злые языки уже успели приплести аккомпаниатора Наталью Вячеславовну. Вот так поплатился наш дирижер за свою галантность, когда подавал ей руку при выходе из автобуса или пропускал впереди себя. А тут еще хуже: позволил себе взять ее под руку и пройтись. Да как он смел! Все тут же сфотографировалось несколькими десятками глаз, размножилось, обросло и растеклось. Трудно быть дирижером, ребята!

Отстранение Петренко от пения очень сильно повлияло на нас всех. Мы тут же внутренне собрались, сконцентрировались и настроились. Выступление перед комиссией прошло блестящее. Лучше мы никогда еще не пели. Причемтенора звучали хорошо, как никогда. Рейтинг Ивана Пантелеевича в наших глазах мгновенно прыгнул на самую верх-

нюю отметку и так там и остался, причем надолго.

Хочется сказать отдельно о заключительном номере нашего конкурсного концерта, произведении украинского композитора 20-го века Кос-Анатольского «Гей, братя, опрышки». Колоритная украинская музыка с драматическим сюжетом на фоне гуцульских танцев. Даже на репетициях трудно было сдержаться от желания пуститься в пляс. Отпев, мы себя уже не помнили от перевозбуждения и радости. Я очнулся от рук, поддерживающих меня. И эти руки были повсюду. Зрители тянулись к нам, трогали нас, гладили и при этом повторяли: «Вы – наші, Вы – наші»... Что и переводить на русский не надо, и так понятно. Нас приняли в свои ряды эти, другие, такие непохожие на нас, западные украинцы. А мы зато за глаза их называем националистами, «бандеровцами» и еще не помню уже как. А они нас приняли. Вот так вот, легко, невзирая ни на что, позабыв о целом шлейфе тяжелых памятных дат, тянувшихся через многолетнюю историю. Значит, не зря мы ехали, не зря мы пели, не зря мы и пили. Ведь получили же за это хороший урок. Спасибо Николаю Пантелеевичу. Спасибо Кос-Анатольскому. Спасибо братьям-опришкам. Спасибо музыке!

2010 г. Монпелье

Евгений Мартов
(Англия)

По привычке

...По привычке хотелось есть вкусно. Привычка — она вторая натура, и когда в магазинах пропали продукты, то сначала это вызвало недоумение — как это? В Литве и пусто на прилавках, а потом — легкое беспокойство, перерастающее в нешуточную тревогу. Организму хотелось еды, которой вдруг не стало. В одиночестве.

Вчера была — сегодня пусто. Ну... или завчера. Но сегодня-то все равно шаром....

Унылые продавщицы в пустых магазинах вяло предлагали капусту, свеклу, макароны, уксус....

Прошла неделя. Потом вторая. На третью жена задала сакральный вопрос:

— Что ты сидишь?!

В принципе, Серега не сидел, а работал, но работа его была незаметна для жен и всяких подруг: уходил мужик на сутки, а потом трое дома торчал. Другая бы радовалась, но не его...

Жена или подруга не успеет в магазин сходить, в гости зарулить, а мужик уже дома. Бывает, что с мешками под глазами и спать хочет. Но ей и невдомек, что два пожара потушил и корову из хлева вывел. Живую. Или человека. Ну и так, по мелочам... зачем все рассказывать?

Стала она ему плещь есть поедом. «Поедом» — это когда ежедневно и по многу раз.

День Серега крепился, второй, потом надоело... Стукнул кулаком по столу и приятелю позвонил. А у того — аналогичный геморрой, — хоть из дома беги.

... В принципе, стал Серега пожарным по ошибке.

Давали там квартиры ведомственные, а ему достало и утомило в течение 13 лет (включая студенческие) в общагах жить — вот и поддался на рекламу. Попробовать захотелось — как это в собственном жилье обитать и от комендатши не скрываться? А то до чего дошло: собственную жену через второй этаж в мужскую общагу тягать, когда пошептаться захочется. Она-то через дорогу жила. В женской... Оттуда воздух прям вибрировал,

потому что они чуть раньше взрослеют, будто жить торопятся. От того дома девятиэтажного, барышнями наполненного под завязку, столько флюидов исходило чувственных, что телевизоры поворачивались... в нужном направлении.

А мужики... Ладно, отвлекся...

Прошел медкомиссию Серега, ответил на тесты... О, тесты...

— Писался ли ты в постель?

Какой правильный ответ выбрать? Скажешь честно — «да», то можно подумать, что совсем недавно или даже сейчас изредка энурезом страдаешь. Ответишь «нет» — все мы того... когда-то. Вот и гадаешь — что сказать?

А вопросы повторяются, заразы, и если скажешь сейчас правду, а потом неправду, то машина сразу определит: лукавит кандидат, что скрывает...

Или вот: думаешь ли ты о смерти... — назовите мне человека, кто о ней не думает после пятидесяти. Сереге тогда было примерно тридцать с небольшим, но он иной раз задумывался о бренности жизни и прочей лабуде.

Как ответить?! Скажете — легкий вопрос?! А если на работу охота попасть и заселиться в квартирку, пусть и ведомственную?! То-то... Скажешь — не думаю. Ну и на кой ляд нужен такой командир, который бойцов в огонь без оглядки будет бросать?! У простых «тушил» тесты вроде полегче были, а Сереге маленьким начальником предстояло быть.

Угораздило ему военную кафедру пройти в гражданском институте и лейтенантом инженерных войск стать. Запасным. То есть в запасе. Выдвигать его стали бы на рубеж обороны после того, как всех комвзвода выбили бы. Это значит — на третий день войны. Хоть он и понятия не имел, как пожары тушить, но зато «носил» звездочки на плечах, пусть пока и виртуальные, и в военном билете было написано — лейтенант. А что такое это значит — все можешь или должен уметь. Что

эквивалентно. Пожары тушить – да пожалуйста. Роды принимать – со всем старанием. Но уж лучше три пожара...

Сереге батя рассказывал, старый партиец. Вызывают в Райком.

- Ну что, хотим назначить вас директором НПЗ.

Батя, конечно, присел от неожиданности и говорит:

– Я строитель по образованию.

А ему в ответ:

- Ты (там тут же на «ты» переходили, для душевности) – коммунист. Значит, сможешь. Бери бразды, рули...

Он тогда отказался и в немилость попал... Когда рассказывал случай этот, то Серега не очень верил. А тут воочию убедился – правду отец говорил: берут на работу пожары тушить на АЭС, а он кроме костра пионерского, лагерного (в конце смены, то есть) и не видел ничего крупнее..., разве что издалека.

- Научим...

Так и стал он начальником караула. Получил зеленую одежду и, если бы не топоры в петлицах, – ничем от обычного строевого летехи не отличался. Ну разве что... ответственность была больше. Они там для войны тренируются-готовятся, а у Сереги битва каждую смену могла быть.

Иной раз оглядывался Серега вокруг и пугался: не дай-то Бог рванет, как в Чернобыле... Кто тушить будет, кто массовый героизм станет проявлять? Ведь после того случая все умные стали. Даже глупые, типа Эгидауса, литовца, который Ленинградское пожарное училище закончил. Серега сразу на него обратил внимание – весел слишком. И уши тонкие. Как у летучей мыши и просвечивают. Потом узнал – обрезали ему хирурги верхнюю часть на треть, потому что под фуражку не лезли.

Ну ладно, бывает. Что тут поделаешь – терпи и носи! А этот коллега операцию пожелал сделать и стал, как бы... полоухий. Или ему чего там заодно и в голове повредили – комиссовали бедолагу потом. Уехал в свой хутор коров пасти. Ах да, забыл совсем, о чем Серега рассказывал.

Есть стало, значит, нечего, и решили два лейтенанта «с народного хозяйства», то есть закончившие гражданские вузы, заняться промыслом. Пригласили для этого смышленого румяного сержанта-Толю.

Сели в Сергину «тройку» и стали по окрестным хуторам мотаться в поисках съестного – где молоком разживутся за полцены, где иным продуктом – литовцы ведь правильные хозяйственники. Смотрит на тебя хитрым глазом, веком моргает и не поймешь: что у него на уме? Может, облапошить хочет по полной программе, а, может, ему солярку не на что покупать – молоком же трактор не заправишь. А тут – живые деньги... Так и крутились.

Однажды мяса захотелось. Через неделю, наверное. Спросили одного хуторянина, другого

– нашли...

- Выбирайте – сказал «третий» и завел в хлев...

«Елы-палы, они же живые», – подумал Серега, холода... Откуда мясо, так же, как и дети, Серега знал – не дурак, чай. Но как-то не задумывался, что ли... Или думал, но предпочитал готовые пельмени. Или колбасу в окрошке.

Тут же в стойле стояли подростки-бычки и норовили ткнуться шершавым носом в протянутую ладонь, обдавая при этом теплым дыханием...

Серега протянул руку над жердями загородки, коснулся жестких волос, почесал за ухом – большая лобастая голова мотнулась одобрительно, будущий бык одобрительно фыркнул толстыми влажными губами, подставил лоб – чеши, мол.

Он положил ладонь на бугристый лоб, бычок благодарно замер на секунду, потом переступил ближе, заглянул в глаза – он был совсем подросток, глупый и наивный. Серега вдруг ощутил огромный груз ответственности и жалости. И обреченности...

- Ну что, этого? – раздался голос крестьянина.

- Нет-нет, – вырвалось, – я ничего не понимаю. Пусть они выбирают, – и махнул головой в сторону Сани и Толика. – Пусть они – я ничего не понимаю... – повторил тише.

Он врал. Себе. Просто стало страшно вот так, вдруг принять решение и лишить жизни того, кто только что доверчиво тыкался в ладонь, выпрашивая хлеба. Теленка-подростка, от которого еще пахло молоком матери...

А ты приходишь и говоришь – этот. Потому что хочется есть. Потому что хочется жрать вкусно. Семья хочет мяса, устав от макаронов и овощей, – твоя участь предрешена, приятель...

Серега вышел из хлева, сел на доски и закурил – впервые за этот год, ибо давно бросил.

- Ну что ты, какого берем? – Толик выглянул из-за двери, – скоро стемнеет уже. Нужно скорее!

- Да выбирайте кого угодно, – отмахнулся Серега и закурил вторую сигарету – какая разница...

Действительно, какая разница – сегодня или завтра? Что изменится в их судьбе – н-и-ч-е-г-о... Ровным счетом – ничего. Сегодня или завтра?

Из загона вывели теленка. Он был почти такой же, что лизнул Сергину ладонь. Ну, может быть, чуть покрупнее...

Хуторянин подвел его к трактору и привязал за рога к отвалу. Потом залез в кабину, завел мотор и стал поднимать раму все выше и выше, пока голова бычка не вытянулась максимально вверх, а жилы не шее не натянулись живыми канатиками...

Теленок не мычал – больно наверное было, а лишь косил влажным глазом по сторонам, будто спрашивая: люди, что вы делаете? Зачем?

Селянин заглушил трактор и спрыгнул на землю. Ковш, с высоко оттянутой за рога головой теленка, остался наверху.

Ерунда, что животные не чувствуют приближение смерти, – чувствуют. Серега это понял, когда увидел, что животное будто покорилось неизбежному.

Теленок косил глазами, перебирал еле достаю-

щими до земли ногами, вздрагивал всем телом..., а тут вдруг замер — или это Серега показалось? И... успокоился?!

... Из дома вышел литовец с косой в руке. Подошел. Встал справа. Поднял, прислонил к напряженной шее и медленно повел...

И... ничего не произошло! Просто веки перестали моргать в испуге и взгляд стал туманным — и все!

Ну... и шерсть на груди слегка потемнела...

Переход из жизни в вечность произошел так обыденно и просто, что Серега какое-то время не мог разобраться в своих ощущениях... — смотрел, как мужик включил трактор, опустил тушу. Потом снял веревку с рога и привязал за задние ноги. Опять поднял — земля не стала красной на цвет. Она стала влажной и только.

Крестьянин деловито снимал шкуру. Она была

его, а компании пожарных только мясо. Еще он выпросил кишки, в которую потом будут забивать фарш и делать колбасу. Настоящую литовскую колбасу.

То, что еще четверть часа назад мычало, бодалось, тыкалось мордой, терлось боками о доски хлева... — стало мясом.

Все почему-то спешили. Даже Сашка и Толик. Розовые куски плоти плюхались в таз, потом в черные пластиковые мешки — не делили. Это будет потом, когда покрошат жены кусочки по банкам, засыплют солью, перцем и специями, а мужики сделают тушенку в автоклаве.

А сейчас — поскорее бы...

Та поездка для Сереги была первой и последней. Да он и мясо-то перестал есть. Так, если изредка... Да и то, когда пьяный был.

От редактора. Отдельные литераторы под влиянием подобной сцены и/или других факторов стали вегетарианцами. Например, ваш покорный слуга в детстве увидел разделку свиньи, запомнил это на всю жизнь, а вегетарианцем стал через 22 года. Вегетарианцем смолоду был и Бернард Шоу и гордился этим более, чем своими писательскими

достижениями. Он очень обижался, когда его приглашали на званые ужины. «Разве Вы не знаете о моей особенности?» — возмущенно писал он леди Черчилль, матери будущего великого политика, редактору англо-американского литературного журнала, просуществовавшего всего 2 года и потерпевшего финансовый крах...

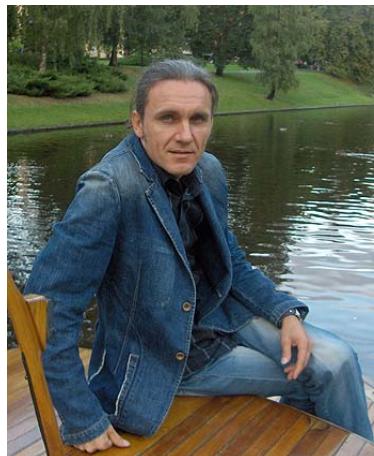
Наши авторы

Александра
Фийоль-Алексеева

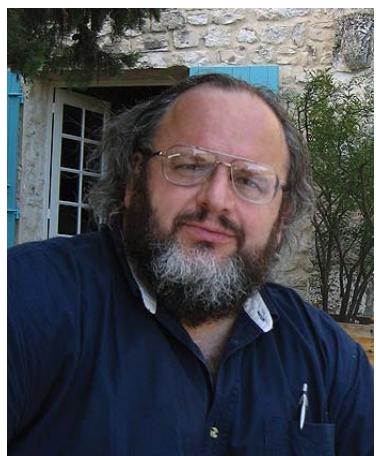
Виктория
Турийон

Василий
Черецкий

Маша
Малахова-Фурье

Виктор
Фет

Елена
Перельман

Лариса
Флер

Наталья
Шурина-Стремитина

Татьяна
Бондарева

Наши авторы

Алла и Владимир
Сергеевы

Ольга
Кляйн

Геннадий
Прашкевич

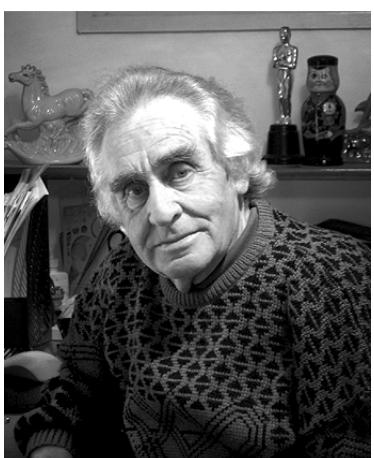
Ольга
Серейская

Галина
Сычева

Евгений
Мартов

Марк
Луцкий

Эльмара
Фаустова

Любовь
Маричева

Наталья
Шурина-Стремитина

Записки из подвала

«Бездумное спокойствие сторожей и уборщиц, работающих поздними ночами, сошло на нас. В загаженном мире, мы, по крайней мере, очищаем хоть один наш маленький уголок...»

Курт Воннегут «Сирены Титана»

- Только непременно в зеленом пакете, вот в этом, хорошо?

- Ну, конечно, - доверительно говорю я гладко выбритому старику неопределенного возраста, про которого девчонки из «шпайзезала»¹ рассказывают, что он все еще способен вступать в сексуальный контакт, ведь его много раз заставали неглиже в апартаментах придуроватой Доррис, нашей самой молодой постоялицы, которую её богатые родители спихнули с глаз долой в Дом престарелых... Наверно, это все-таки лучше, чем быть среди сумасшедших...

Герман ставит на пол бумажный фирменный пакет так, будто в нем что-то очень хрупкое и ценное, и я вижу по его движениям и просительному взгляду, как ему тяжело с ним расстаться. Прежде, чем спуститься в мой подвал, он преодолел большие сомнения, вроде гамлетовского вопроса: «Стирать или не стирать, отдать или не отдать?»

Он очень взволнован и десять раз спрашивает меня, когда он сможет получить назад свой ПАКЕТ с совершенно чистыми вещами? Он так и говорит: «Ганц заубер, ганц заубер»², и непременно в зеленом пакете!»

Я напускаю на себя серьезную мину и успокаиваю моего не совсем нормального посетителя как могу: «Все будет в порядке и с пакетом и с майкой. НИЧЕГО не произойдет. Вы все получите завтра после обеда».

- Морген нахмиттаг! Морген нахмиттаг!³ - твердит он как бы про себя и продолжает пристально вглядываться в меня – не обманули, не потеряю ли его рубашки и майки, а вдруг?

Когда «мой клиент» уходит, я чувствую приятную усталость артиста, который хорошо провел сложную сцену на сцене. Жаль, что зрителей в моей «вашерайке»⁴ не было, а это значит, я была любезна и внимательна совершенно бескорыстно...

Странно, как по-разному относятся к моей работе обитатели Дома престарелых в 19 районе г. Вены: для кого-то я будто не существую вовсе:

австрийские дамочки из бухгалтерии демонстративно не замечают меня, гордо сидят у компьютеров и поглощают по три обеда (благо он почти ничего не стоит, из зарплаты высчитывают смехотворно маленькую сумму), они уверены в своем неизмеримом превосходстве передо мной, ведь я почти не понимаю их быструю немецкую речь и с трудом могу ответить на самый простой вопрос. Быть немым в чужой стране – состояние крайне неприятное, но я-то знаю, что это временно, а отнюдь не навсегда...

Однако для многих постояльцев нашего Дома я личность непонятная и загадочная: по понедельникам, когда мой рабочий день тянется 12 часов с 7 утра до 7 вечера, я потихоньку пробираюсь в отдаленный угол «шпайзезала» и осторожно присаживаюсь к пианино, которое, к счастью, никто не закрывает на ключ. После 17 часов я совершенно забываю о своем подвале и с упоением вспоминаю свою музыкальную программу, уповая на моторную память пальцев и слух, ведь ноты пропали в чемодане вместе с моим первым романом и сборником романсов моего мужа. Итак, я наигрываю фантастические пьесы Шумана, пару вальсов Шопена, концерт Моцарта №23 (мне довелось играть его со школьным оркестром, когда я училась в музыкальной школе № 3 на Пушкинской площади), «Лунную сонату» Бетховена и пару этюдов Черни...

Когда все начальство разъезжается по домам, наши старики поодиночке и группами приходят и слушают мою осторожную негромкую игру на фисиле, иногда мне приходится много раз повторять одну и ту же фразу, а иногда удается вспомнить большой кусок из ноктюрна Чайковского, в эти мгновения я просто счастлива. Старики рады любому развлечению, они сидят тихо и шепотом переговариваются между собой, а самые любознательные задают мне вопросы, и я чувствую себя почти знаменитостью, которой надоедают корреспонденты...

Для постояльцев нашего Дома, простейшие

бытовые заботы представляются большим событием в жизни, даже стирка собственного белья, ведь мир старики ограничен уходом за собственным телом, которое как бы становится главным, а все прочие события в мире отступают на второй план, как незначительные или вовсе не существующие. Здесь проявляется себя «стариковский солипсизм»: мое тело – это весь мир. Именно поэтому для фрау Геллерт я очень важная персона, и вовсе не потому, что я наигрываю какие-то вальсы... Она звонит в мой подвал (телефон подвешен к стене и находится где-то посередине моих апартаментов) каждые два дня, будто это приемная министра, и голосом, который не терпит возражений, говорит:

«Приходите, есть работа!»

Доставка грязного белья не входит в мои обязанности, но к фрау Геллерт я иду с удовольствием, ведь она любезна и внимательна и относится к моей работе с большим уважением. Кроме того, она ужасно любопытна и ей очень интересно, кто я такая и почему попала в их Дом.

- Как поживает ваш сын, а что поделывает ваш муж? Все ли в порядке?

Как приятно пусть ненадолго почувствовать себя не только придатком к стиральной машине, но и человеком со своими заботами и проблемами. Естественно, что для фрау Геллерт я стараюсь все сделать как можно быстрее: содержимое её оранжевого пакета тут же отправляется в стиральную машину... Но кроме благодарности за человеческое внимание, я испытываю к этой даме настоящее восхищение: она по-своему личность замечательная, ведь она любит своего мужа, хотя живет с ним лет 50! Но как?! Бедного умирающего старика Геллерта она буквально вытащила с того света: поставила на уши всех медсестер и врачей, перевернула вверх дном больницу, где он лежал (многие утверждали, что в совершенно безнадежном состоянии), - и вот теперь он ходит! Пусть при помощи костей, но приходит на обед в нашу столовую, и фрау Геллерт гордо расчищает дорогу своему мужу – это её детище, её победа над смертью!

Разве кто-нибудь когда-нибудь догадывался, что истинная любовь продлевает Жизнь супругам, ибо в 92 года бороться со смертью в одиночку почти невозможно.

А вот моя мама не пожелала выйти замуж второй раз, она гордо заявляла, что ей никто не нужен и «стирать чужие штаны она не намерена». Хотя поклонники были: друзья юности и сослуживцы, и очень даже симпатичные и не старые, но моя мама предпочитала путешествовать... Сердечный приступ подкрался ночью в её одинокую квартиру в Бибирово...

А если бы рядом был внимательный друг, может быть, прожила бы не 75 лет, а все 90?

А вот фрау Геллерт постоянная деятельная забота о муже вовсе не мешает быть элегантной, а сколько в ней живой и веселой энергии, ведь она «гоняет» в нашем Доме буквально всех: уборщиц и работников кухни, электрика, и инженера, и медсестер – но никто на неё никогда не злится, потому что никому в голову не придет упрекнуть её или назвать её требования чрезмерными? Нет,

просто она понимает, что нужно каждый день придумывать что-то новое, необычайное: или вкусное блюдо на обед для немощного супруга, или подобрать для него новую настольную лампу, чтобы было удобно читать и вообще все время искать что-то, чтобы отодвинуть невидимую границу между Жизнью и смертью... Воистину она не хочет быть одна в этом мире, и я старательно выглаживаю пижамы старика Геллерта...

Я тоже борюсь ежедневно за право жить в чужой стране, куда я попала не по своей воле. «Перестройка» сыграла плохую шутку с нашей семьей. Мой муж внезапно провалился в бизнес, будто вошел в другое измерение, но когда я его спрашивала, зачем ты это делаешь, он мне отвечал: «Надоело быть нищим ученым...» В докторбачевское время у нас не было даже нормального холодильника, не говоря уже о машине. Мы привыкли к давке в автобусе и метро, жили на зарплату от получки до получки, и я лично никогда не мечтала ни о какой другой жизни, ведь в юности мне пришлось умудряться жить и на рубль в день...

Итак, была организована фирма, а через год я получила к Новому году в подарок от мужа машину с шофером. Но не в моем характере сидеть на месте пассажира, пришлось быстро окончить курсы водителя легковушки, и я сама села за руль. Увы, с инструктором мне не повезло: видя мое волнение и страх, он без конца твердил мне: «Ты никогда не поедешь, смотри, как ты трясеешься!» Действительно, первое время просто умирала от страха, но я знала точно, что не трусиха, недаром свою молодость я потратила не только на философию, но и спорт, в котором лошади занимали не последнее место, ведь я регулярно ходила в манеж на Ленинградском проспекте, но... И тут я на практике поняла, что правильный психологический настрой делает чудеса! «Мой шофер», им оказался милейший человек Петр Васильевич, говорил мне ласково: «Ну что вы, Наталья Львовна! Посмотрите, вон какие люди сидят за рулем, а вы у нас и умница, и красавица, ну вы-то уж точно будете отличным водителем!»

Услышав такие слова, я приосанилась и стала слушать из уст Петра Васильевича главные инструкции по вождению автомобиля по проспектам и переулкам г. Москвы, ведь важно понять, где какие развязки, чтобы избавиться от страха неизвестности, но рядом сидел Петр Васильевич и не только убедительно доказывал мне, что я просто прирожденный водитель, но четко объяснял, куда и как надо ехать. Через две недели я почувствовала себя заправским шофером...

Сидя в подвале в городе Вена, вернее, работая не покладая рук, я изнывала от шоферской тоски: представляя себе широкие проспекты и улицы Москвы как на ладони, ведь проездив по ней три года, я изучила столько маршрутов: к подруге Наташке на Сущевку, на Юго-Запад – к Веденниковым, в Бибирово – к маме, в Тарасовку к Тане Губер...

Однако через полгода (по австрийским законам, если ты работаешь более 6 месяцев, то можешь получить справку с работы на кредит в банке), мы

купили первую машину, сняли дорогую квартиру, на которую уходит почти вся моя зарплата, и постепенно стали осваивать пространство на другой планете, при этом мне постоянно приходится не замечать промахов и ошибок моего мужа, а сына я заставляю радоваться жизни, несмотря ни на что.

В своем подвале я борюсь с потоком вещей, которые как волны во время наводнения все прибывают и прибывают, и сколько бы их ни стирал, сколько бы ни отправлял в Каритас⁵, приходится баражаться изо всех сил, чтобы выплыть и не задохнуться.

Меня так и подмывает пойти к нашей директрисе и предложить устраивать ежемесячные распродажи или предложить наши тряпки какому-нибудь театру, как у нас было принято при социализме, - «взять шефство». Но после некоторых «столкновений» с нашей шефиней я поняла, что идеи по улучшению работы нашего Дома её совершенно не занимают, а вся энергия уходит на то, чтобы найти себе нового любовника лет на 20 помоложе и чтобы властвовать над такими безропотными работницами, как я, которые даже ответить не могут на её презрительные замечания.

- Неужели так приятно унижать людей? – думаю я, когда она врывается в мой подвал и лихорадочно ищет, к чему бы придраться... Потом я догадалась, она ищет мужчину в кипах вещей, которые сложены в маленькой кладовке! Ведь в этом подвале я работаю «сolo», а она, как женщина, очень даже заинтересованная в молодых мужчинах, и представить себе не может, что я не пользуюсь случаем, чтобы заманить к себе в подвал молодого повара или электрика. Кстати, если бы я была нормальной бабой, а не идеалисткой, с музыкальными наклонностями, наверно, я могла бы действительно увлечься нашим поваром: он поляк и очень симпатичный, но, главное, отличается приличными манерами от нашей разношерстной команды кухонных рабочих, где главную скрипку играет серб – Михай – изрядный хам и пошляк. От его разговоров и жестов мне порой становится плохо, он откровенно предлагает себя, хвастаясь своей необыкновенной мужской силой... Что мне остается? Главное – отвлечь малокультурного мужика от сексуальной темы, лучше всего играть роль замученной или очень озабоченной бабенки, а поскольку я часто вижу его жену (она встречает его после работы вместе с дочкой), то я постоянно спрашиваю его о том, где работает его красавица-жена, как учится его замечательная дочка, и эти отвлекающие маневры мне помогают сохранить с ним видимость дружеских отношений. Итак, меня спасает природный артистизм, недаром я училась пару лет на режиссерских курсах в Вахтанговке у Катина-Ярцева. Но неплохо действуют и подарки. В мешках, что присыпают для старичкой, я стараюсь найти что-нибудь для Михая – свитер или пиджак, и подношу ему эти вещи с льстивыми улыбками... Так мне удается удерживать его в рамках приличия... Но надолго ли хватит моей сложной игры в кошки-мышки?...

В нашем Доме отсутствие хозяйствского глаза сказывается во всем: например, закупаются тонны продуктов, которые старики не успевают съесть, и большая их часть гниет в подвале; в очередной аврал все это выбрасывается на помойку нашими рабочими, которые не преминут рассказать об этом в подробностях.

Совсем недавно наша новая «Hausfrau»⁶, полнотелая Кристина развесивала почти два месяца картины во всем Доме. Судя по её ловким и энергичным движениям, было ясно, что картины она различает по их тяжести и формату, а поскольку большие картины тяжелые, все они остались висеть в вестибюле, ну кому охота тащить их наверх?

Почему-то самые фривольные сюжеты художников-авангардистов попали в отделение тяжело больных стариков. Разумеется, никто из них на эти картины никогда и не взглянет. По-видимому, эти картины смогут облегчить труд медсестер и «Pfleger»⁷, которые занимаются нелегким делом кормить ничего не понимающих стариков и содержать в чистоте их упрямые, а порой и злобные тела. Те старики, которые соблюдают правила гигиены, как правило, остаются в семье, хотя исключения бывают и здесь.

Формализм и расточительство – пожалуй, так можно назвать действия, которые как бы правильны, но по сути никому не приносят радости, ведь если бы украшением Дома занялся не случайный человек, а понимающий в искусстве, то возможно, были бы куплены совершенно другие картины, которые бы радовали глаз и экономили бюджет...

Да, отсутствие частного владельца (ведь наш Дом принадлежит общественной еврейской организации), сразу делает его похожим (половина средств – это пожертвования его обитателей) на государственное, а, значит, не отягощенное личным пристрастием, личной инициативой, наконец, личным интересом сделать его рентабельным или хотя бы безубыточным. Я уже не говорю о священной гордости владельца, для которого подчас главное – престиж своего предприятия, даже соревновательный принцип – мое производство самое лучшее в городе, в стране, в мире! Это при том, что большая часть наших обитателей платят высокий ежемесячный взнос за охрану их жизни и здоровья, за особую диетическую пищу, за ежеминутный уход...

Однако нынче мне отведена скромная роль сестры-хозяйки и нечего критиковать начальство, у него свои заботы: как повысить плату за проживание и как сократить расходы, вот только куда исчезает разница между этими цифрами? Во всяком случае, премии здесь получает только начальство!

В конце-концов, я пришла к выводу, что если я не могу изменить порядки в нашем Доме, то свою работу я должна делать идеально. Таким образом, я помогаю прогрессу, ведь для этого достаточно позволить себе маленькую роскошь – поступать разумно, хотя бы изредко.

Если бы один человек из 100 поступал в одном случае из 10, следуя только здравому смыслу, а не тщеславию или жажде наживы, я уверена, что мир

изменился бы неузнаваемо. Но, увы, этого почему-то не происходит.

В истории гораздо чаще правила миром великие злодеи и безумцы, а не великие мудрецы. А бессмысленный поступок почему-то во все времена сохраняет свою привлекательность...

Почему-то проиграть состояние в карты или наброситься на кого-нибудь с кулаками или ножом, а потом пойти к продажной женщине гораздо легче, чем совершить великое открытие, написать симфонию, создать новую конструкцию, сдержать себя в гневе или добиваться любви скромной, но серьезной женщины...

Итак, опять невозможно найти разумное объяснение очередному приказу нашей очень энергичной директрисы, вот один из них: «Никто из персонала не должен заходить на кухню!» Наказание простое – мгновенное увольнение. Не скрою, для меня этот запрет был тяжелым испытанием, ведь я работаю в своем подвале совершенно одна. Лишь изредка звонит телефон и чей-то голос требует срочно:

- Накрахмаленную скатерть в кабинет директора! Женские трусы в гериатрию на второй этаж или спецодежду для шеф-повара!

Я отвечаю по-военному: «Вас поняла, уже бегу...» Мне не нужно задавать вопросы, здесь не место для дискуссий, нужно быстро и четко выполнить задание начальства, и я отвечаю: «Все будет готово сию минуту!»

Хорошо, что в юности я привыкла к одиночеству, и оно меня совершенно не пугает. Разве когда я целыми днями была со своим первым сыном, я не была одинока? В нашей коммунальной квартире даже телефона не было. Порой приходилось бежать в телефон-автомат в моем московском переулке и стоять в очереди с младенцем на руках, но телефоны подруг почему-то всегда были заняты...

«Сидеть с ребенком» в те далекие времена означало принудительную изоляцию от общества, от работы или учебы, от друзей и подруг. Но сидеть в буквальном смысле этого слова удавалось очень редко, сын требовал работы каждую минуту. Лишь изредка удавалось почитать...

Но вот теперь на новом витке своей жизни я научилась как бы отделять работу руками от работы головой. Руками я совершаю множество действий, а головой я стараюсь думать, они как бы действуют отдельно друг от друга...

И тогда становится ясно, что любое дело, пусть самое примитивное и безрадостное, перестает быть трудным и неприятным, если освещено мыслью...

Да, именно так, пока я могу думать, жизнь доставляет мне массу самых неожиданных удовольствий, ведь никто не может помешать мне вспоминать события моей прежней жизни, сравнивать, наблюдать, а иногда фантазировать и мечтать.

Когда я еду по знаменитому венскому Рингу на трамвае и вижу здание одной из самых дорогих гостиниц, то вздрагиваю от того, что фасад этого здания как две капли похож на московский Моссовет... Вот тут и начинаются воспоминания...

Как легко, например, убеждать себя в том, что

неравенства между людьми попросту не существует. Судите сами: и вельможа и бедная маленькая работница вроде меня живут в одно Время. И как бы не изголялся миллионер в своем дворце с огромным бассейном, он так же стареет час за часом и неотвратимо приближается к собственной смерти.

Простые рабочие люди почти никогда не имеют свободной минуты, чтобы задуматься над пресловутым смыслом жизни, они вкалывают в поте лица. А потом отдыхают каждый по-своему, но жизнь и тех и других идет в одном измерении, она не замедляется и не ускоряется. Кстати, далеко не всегда богатство и роскошь продлевает жизнь ее владельцам...

Но я уверена, что во дворце я бы никогда не услышала такого громкого и искреннего смеха, как на нашей кухне, где царит простая повариха из России, неутомимая Аня. Она в курсе всех событий и входа и кабинет «высокого начальства», ибо тот, кто ежедневно подает обед директрисе, – лицо доверенное и приближенное. Кстати, анекдоты и шутки выходят из нашего поварского чистилища, как из рога изобилия, и передаются всему Дому, ведь здесь не только кипит суп на плите, но сама Жизнь кипит ключом!

И вот теперь меня лишают единственного удовольствия – забежать к Ане на минутку, перехватить что-нибудь вкусненькое и послушать очередную сплетню или самой рассказать анекдот из другой жизни при социализме. Право, это ужасно, я в отчаянии, дисциплина такой ценой просто невыносима. Не думаю, что обеды от этого станут лучше, нет, да и не всякое распоряжение директрисы нужно выполнять!

Я все равно пробираюсь на кухню тайком через вход со двора... Иногда удается попасть на цирковое представление... Например, вчера старшая повариха Мария, большая любительница пошутить, поставила ведро с молоком на самом проходе. Официантка из шпайзела несла на подносе посуду и не могла видеть то, что перед ней, она со всего маху грохается на это ведро... Все летит вдребезги – крики, шум, гам. Есть работа для каждого. Михай вытирает реки молока, а мы подбираем осколки посуды и успокаиваем обезумевшую от страха Валю. Вся компания поваров ликует, здорово пошутили! Хорошо еще: шеф вышел во двор покурить и пропустил этот маленький спектакль, что устроила «режиссер» Мария.

Так искренне могут радоваться только дети да наши симпатичные повара. Они всегда постараются сделать так, чтобы кастрюля выскакивала из рук, причем лучше полная, чем пустая, и что-то обязательно плюхается в воду, обдав всех, кто был рядом, хорошо, что это не кипяток, а остывший кисель... Вот и еще одна причина для смеха!

И все-таки, моя новая работа не более чем новая роль в комедии жизни. Роль отнюдь не легкая, ведь целый день мне приходится лишь прислушиваться к взрывам хохота, что доносится сверху в мой подвал. Первые месяцы физическое напряжение доводило меня до полного изнеможения. Как тут было не вспомнить юность, когда

моя жизнь была похожа на легкую каторгу: работа в музее, философский факультет МГУ и маленький сын. Два дня в неделю привозила сына к маме... и умудрялась сбегать в театр или в кино, но от семейной жизни остались стихи:

«Нет в жизни ничего – такая глухота,
И хочется зверьком забиться в угол,
И хочется завыть, не глядя никуда,
От этой немоты, от горя и обиды...»

Воистину никакой поэзии, а только боль и отчаяние, и конечно, одиночество, это при живых-то родителях, которые, увы, не могли меня понять. И тогда слова, написанные на бумаге и произнесенные, были спасением. Ведь недаром в школе читала стихи на всех поэтических вечерах... Страсть к познанию была от отца, он сам до последних дней жизни был вовлечен в круговорот происходящего – все, что происходило в мире, было ему интересно, и в этом домашнем заточении вновь открыла для себя чудодейственное лекарство – думать, записывать, читать.

В центре Москвы, в комнате с роялем, ухаживая за маленьким сыном, в перерывах между стиркой пеленок и готовкой правильной еды для младенца, с прогулками в ближайшем садике, с грудью, полной молоком, мне удалось находить радость в аскетическом ограничении себя, в борьбе с ленью, с несовершенством в мыслях и поступках. Набросилась на книги, как монахиня в своей келье, ибо ничего другого не было под рукой. А по вечерам пела романсы под звуки старенького рояля «Schräder», что подарили моему мужу артисту старушки-дворянки, те, что приходили на концерты в небольшой уютный зал, в красивом стариинном особняке на углу Хрущевского переулка, где величественно и вдохновенно читал Пушкина отец моего первого сына...

Должность моя называлась лаборант, но никакого отношения к химии она не имела, я была «мальчиком на побегушках» в литературном музее, но в филармоническом отделе... Звучало просто волшебно, да и жизнь в музее была какая-то фантастическая... Научные сотрудники писали диссертации на самые немыслимые темы, а я собирала публику на концерты и бегала с цветами к великим артистам, например, к Дмитрию Журавлеву – он тоже вдохновенно читал Пушкина...

Свою диссертацию я так и не дописала. Все перевернула в моей жизни внезапная сумасшедшая любовь, которая сорвала с места и закружила, и все поставила с ног на голову. Как будто мой одинокий труд была услышан и принят, и открылась дверь в другой мир, кончилось одиночество, появился смысл во всем происходящем, и я возблагодарила судьбу за испытания, что принесли такую неслыханную радость...

Каждое утро перед работой я прохожу через небольшой парк. Большинство нормальных людей спешат на трамвай, всего одна остановка, но лишь бы не утруждать себя, а я с восторгом заворачиваю в темную аллею и жадно вдыхаю чистый воздух. Времена года проходят передо мной постепенной чередой света и тьмы, цветением незна-

комых цветов и причудливых деревьев. Разгар весны – буйство красок в призрачной дымке, уголки японского сада и неугомонные дрозды, которые поначалу меня даже пугали. Если я успеваю на «шнельку»⁸ на 15 минут раньше, то в это утро у меня настоящий праздник – прогулка под пение птиц и дыхательная гимнастика по йоговской системе.

Свободные люди, которые вовсе не обязаны вставать в 6 утра и бежать на работу к 7, разве они могут насладиться всей этой красотой так же, как и я? На деревьях огромные розовые цветы с мясистыми лепестками вроде магнолий, напоминают хищную красоту девочек с «Гюргля»⁹, будто заманивают в опасные сети плотской страсти... Зато клумбы синеют нежными незабудками, яркими маками и папоротниками – это сама гармония.

Все эти изощрения садового искусства у меня перед глазами, мое воображение расставляет их в диковинные вазы, я вдыхаю их аромат, они украшают мой подвал...

Вот и еще один парадокс: живешь в городе, благовеешь перед клочком зелени и умиляешься, если этот клочок – куст сирени или просто репейник, а если живешь на краю поля и леса, только и мечтаешь, как бы побродить по шумной улице и вдохнуть аромат разогретого асфальта. Но, может быть, у нормальных людей все по-другому?

Мои первые детские игры проходили на асфальте большого города под грохот трамваев и машин. Окна нашего коммунального рая из двух комнат выходили на Садовое кольцо, гул улицы не умолкал ни ночью, ни днем. Рядом примостились площадь из трех вокзалов, откуда потоки людей врывались в столицу в надежде на новую прекрасную жизнь. В школу меня водила строгая бабушка и крепко держала за руку, перейти широченное Садовое кольцо без взрослого было рискованно: водители грузовиков гнали так, будто сев за руль, они навсегда потеряли способность быть пешеходами, и им глубоко плевать на маленьких смешных людей, что ходят своими ногами...

Газон перед моей первой школой был подарком: зеленая трава и бюст великого русского поэта Некрасова, а глаз радовался от первобытного восторга перед частичкой природы в каменных джунглях. Вот и моя утренняя прогулка по парку – это возвращение в детство...

Позвонки по утрам совершенно не хотят вставать на место – приходится сесть, закинуть голову как можно дальше назад – раздается хруст, но боль проходит – совсем недавно я узнала, что это называется мануальная терапия, попросту работа с позвонками. Теперь можно еще раз потянуться и вставать. На часах без пяти минут шесть.

Удивительная штука жизнь – надо все время бороться с собственной ленью – по утрам растягивать свое тело, как это делали наши первобытные предки, что спали в дупле или на голой земле; прошли миллионы лет, прежде чем люди научились строить хижины с теплой водой и отхожим местом. Разве наши предки могли позволить себе болеть? Они просто коченели до смерти на

внезапном морозе или падали в яму, усердно выкопанную врагами из соседнего племени...

Однако, мои размышления не мешают мне быстро одеваться, все необходимое я приготовила вечером накануне, чтобы не метаться по комнате и не искаать. Одежда должна быть простой и удобной: футболка из х/б, шерстяные колготки, брюки и свитер - никаких поясов и пуговиц. Прошло три минуты, и я застегиваю молнии на моих сапогах без каблуков, чтобы удобнее было нажимать педали в моей первой венской машине «Оппель-Аскона», которую я вожу вот уже два месяца.

Как я мечтала о машине! А теперь мое шоферство – сплошная мука. Надо осваивать чужой город: разворачиваться на узенькой улочке, потом искать место для парковки. Какие широкие полупустые улицы были в Москве, но разве можно было оставить машину надолго без присмотра?! Да, в каждом городе свои проблемы, и все-таки езда на «шнельке» куда спокойнее – сиди себе и почитывай книжку и поглядывай в окно, но охота пуще неволи. Завожу мотор и смотрю на себя в зеркало, вижу совершенно сонное лицо – энергично мотаю головой: вперед-назад, влево, вправо. Я заставляю работать свои кровеносные сосуды – новая порция крови пошла к мозгу, правда нынче для меня гораздо важнее мои руки, чем голова...

И все-таки, моя новая работа мне нравится: приятно сознавать, что твой труд кому-то нужен. Я завоевываю уважение моих коллег не интригами и лестью, а только работой. Это моя разменная монета – быть внимательной и прилежной.

Медсестры полюбили меня далеко не сразу, им всячески хотелось показать мне свое превосходство, но моё терпение и аккуратность доконали их, ведь я предупреждаю любые просьбы и делаю все четко и быстро. Даже старшая медсестра фрау Марта перестала покрикивать на меня. Ровно в 7 часов около её двери висит чистенький выглаженный халатик. Мне кажется, что теперь она раздосадована тем, что ей не к чему придраться.

Первое время никто не мог поверить, что какая-то учительница из России (я никому не рассказывала о том, что я журналистка и издала свою первую книгу в Москве) сможет справиться с такой тяжелой работой, да еще с улыбкой. Впрочем, улыбаться я начала не сразу, первые три месяца я работала как муравей, который попал в чужой муравейник и должен доказать, что он чего-то стоит, иначе новые сородичи его просто сожрут. Но мне удалось не только справляться со всеми маленькими и большими делами, но и научиться получать удовольствие от всякой работы, как бы дурно она ни пахла.

Меня спасли размышления на эту тему: врачи тоже делают грязную работу, ведь они оперируют тяжелых больных, тут и кровь и экскременты, но профессиональный долг врача – не брезговать человеческим телом, как бы оно ни было отвратительно в моменты рождения, болезни и смерти.

Почему большинство людей уверены в том, что они должны делать только чистую и безопасную работу? А кто будет принимать роды или тушить пожары?

Не скрою, первое время меня выворачивало наизнанку от запаха грязного белья, но я боролась со своей брезгливостью и победила её, мне кажется, что я стала мудрее, ведь мне удалось принять человека всего целиком, а не только его верхнюю часть, что производит мысли и слова. Увы, мы все привязаны к нашему телу, и если оно перестает выбрасывать нечистоты, то мы корчимся от боли и забываем о возвышенных рифмах и высоких идеях. Я нашла в себе силы подружиться не только с симпатичными пожилыми людьми, но и относиться вежливо и сдержанно даже к тем, кто давно выжил из ума и потерял способность к благодарности и к общению. А некоторых из них мне удалось сделать добрее, ибо я сама была к ним терпелива и снисходительна.

Работа в Доме преобразила меня: во-первых, я увидела жизнь совсем с другой стороны, но это не разозлило и не разочаровало, просто мне стало ясно, что возможности человека поистине безграничны, он может приспособиться к любой ситуации. Может быть, именно поэтому люди, что вернулись из сталинских лагерей, сохранили олимпийское спокойствие и продолжали жить, как ни в чем не бывало.

А у меня всего-навсего работа, а не тюрьма и не лагерь?

Должна честно признаться, меня спасает Музыка. Какое счастье, что есть магнитофон, и можно работать под Моцарта, Гайдна или Чайковского. Предаюсь воспоминаниям, а в это время быстро и ловко подшиваю слишком длинное платье или старательно выглаживаю старинные кружева на скатерти, которую делали мастерицы в начале 20-го века. Но есть работа и попроще: пришивать пуговицы вручную, но с наперстком, ведь кителем поваров сшиты из очень плотной ткани.

Жаль, но шить на электрической швейной машинке под музыку не удается, слишком громко она стрекочет, приходится слушать учебную пленку с непонятной немецкой речью. И опять я пытаюсь доказать себе, что любая форма деятельности – это все равно жизнь.

И если какой-нибудь султан праздно лежит под балдахином и его ублажают звуки лютни и голые танцовщицы, другой человек копает канаву или варит обед на сто человек, то совершенно неизвестно, кто счастливее.

Вы помните миллионера из пьесы Максима Горького «Дети солнца»? Главная героиня полюбила не его, а инженера, который работал в поте лица и мечтал о прекрасной жизни для всех людей, а миллионер в отчаянии покончил с собой. Чем это объяснить? А вот скучно ему было жить на свете, не мог себя по-настоящему занять, увлечь... Вот и получается, что его погубило богатство и праздность, и на этой почве выросли отвратительные сорняки – скука и лень.

В сущности, у любого человека есть выбор: если нет материального, тогда притягивает духовное, а нет духовного, тогда только и остается, что подсчитывать ежедневную выручку. Но у матери-

ального есть естественный и физический предел, а у духовного — предела нет! Вот и еще один парадокс: сколько бы ни прочитал книг — истина ускользает, вопросы прибавляются, сколько бы ни думал о загадке бытия, а решить эту задачу даже в наш космический век не под силу самым современным наукам. Итак, духовный процесс бесконечен, а материальный конечен. Вот, например, у великого Крылова он закончился смертью по причине обжорства... А ведь какие замечательные басни он перевел и записал — здесь уже смешение материальных излишеств с духовными шедеврами...

И все-таки, неудобно спать на кровати в километр, и не нужен огромный обеденный стол — пространство жизни даже самой роскошной все-таки ограничено размерами тела — в спальне невероятной длины не найдешь любимого мужа, а за километровым столом будешь чувствовать себя одиноко и не разглядишь своих прекрасных гостей. Да, не нужно человеку больше того, что может увидеть глаз и осознать рука, а самая страшная пытка ничегонеделания гораздо страшнее самой непосильной работы. Наверно, лишь тратя энергию, борясь с видимыми и невидимыми врагами, даже содрогаясь от отвращения или возмущаясь и мучаясь, мы и живем в полную силу...

Именно здесь, в этом подвале, я поняла, что нормальная и светлая усталость приходит только после усилий тела и духа. Вот откуда берется эта

странная внезапная радость, которую испытывает человек, который потерял все: город, в котором родился и вырос, друзей, интересную работу и даже завистливых врагов. И вдруг ты будто свалился с небес и узнал, что делается на земле. Да это настоящее приключение, над которым могли бы смеяться или плакать зрители, если бы присутствовали в зале на представлении пьесы, которую придумала за автора сама жизнь. Итак, ценность того, что имел, понимаешь только тогда, когда теряешь привычный распорядок удовольствий и забот. И здесь я открываю для себя первый закон оптимиста:

ЛЮБАЯ НОВИЗНА ПОДАРОК!

В чем бы это ни проявлялось — в богатстве или бедности, в здоровье или болезни, все перемены требуют от участника событий новых решений, борьбы с самим собой или новыми обстоятельствами. Вы помните одну удивительную историю о человеке, которому врачи предсказали скорую смерть, а он вместо того, чтобы тихо и безрадостно умирать в собственной постели, отправился в путешествие на корабле, и оказалось, что врачи ошиблись лет на 20! Может быть, именно НОВИЗНА была главным лекарством от самой страшной болезни, просто сами врачи не знали об этом...

1998 — 2010, Вена

(продолжение в следующем русскоязычном номере)

Примечания.

¹ Шпайзезал — столовая

² Ганц заубер — совершенно чистый

³ Морген нахмиттаг — завтра после обеда

⁴ Вашерайка — прачечная

⁵ Каритас — одна из благотворительных организаций в Вене

⁶ Хаусфрау — домоправительница

⁷ Pfleger — тот, кто ухаживает за больным

⁸ Шнелька — городская электричка

⁹ Гюртель — улица, где много злачных заведений

Татьяна Бондарева

Лидия (из серии «Встречи»)

Первое знакомство с Лидией Куровой состоялось в Новосибирске благодаря моему другу художнику Борису. Зная мое неугасаемое желание переехать во Францию, Борис представил меня даме русского происхождения, проживающей в Париже. Лидия Родионовна Курова снимала комнату в Академгородке в микрорайоне «Щ» у одной милой женщины по имени Луиза. Лидии в то время было около 80 лет. Подтянутая, претензионно одетая (элегантно, но по моде тридцатилетней давности), с умеренным макияжем, аккуратной прической, она казалась на 10 лет моложе своего возраста. В глаза бросались сдержаные аристократические манеры в первые минуты и вызывающее бескультурье, проявляющееся довольно быстро.

Родилась Лидия в городе Камень-на-Оби, одном из магистральных сибирских городов до Революции. Самое красивое здание города (ныне краеведческий музей) – фамильный дом Куровых, в котором родилась Лидия. В первые послереволюционные годы семья покинула Россию, переехав в Китай, в провинцию Шанхай.

По словам Лидии, в Китае она занималась моделированием одежды и мебели, но никакого образования не получила. Во время так называемой культурной революции из этой семьи в живых осталась только Лидия, с трудом сумевшая переехать во Францию. Занималась тем же ремеслом во Франции, рисовала эскизы, по которым изготавливали изделия из камня для продажи. В Новосибирске давала заказы мастерам, которые за обещание получить наличные доллары добросовестно работали, но не получали и десятой доли обещанного. Курова приглашала доверенное лицо в банк помочь ей открыть счет, отправляла fax в парижский банк с просьбой перевести нужную сумму, показывала всем эту бумагу, откладывая срок оплаты. Ребята верили ей и оставались «с носом». Я так и не узнала, что делала Лидия с этими изделиями... В России она прожила 2 года вместо положенных по визе 3-х месяцев.

Русские люди, проникнувшись сочувствием к ней, к ее одиночеству, возрасту, красочно подан-

ному прошлому, оставляли у себя жить, давали взаймы деньги без отдачи, покупали билеты в другие города, так Лидия жила в Москве, Петербурге и Новосибирске. Этот человек умел использовать всех в своих интересах, даже не стараясь отплатить наигранной душевностью: ни душевности, ни души у нее не было, все было продано, разменено, но на что? Не была замужем, не было детей, даже французского гражданства за 40 лет жизни в стране! Полное пренебрежение к детям, женщинам (она несколько оживлялась при появлении мужчин), холодный эгоизм; с русскими ее сближал только русский язык.

В Новосибирске Курова создавала вокруг себя ажиотаж, звонила на радио, телевидение, доказывала, что она прямая наследница своего домамузея в г. Камень-на-Оби, писала письма в мэрию с просьбой приватизировать дом, что было невозможно из-за отсутствия российского гражданства, настраивая провинциальных журналистов на свою сторону, стараясь расчувствовать и без того чувствительное и легковерное русское сердце.

Спустя годы я поняла, что это были не слезы радости от встречи с прошлым, а досада от невозможности приватизации и продажи здания.

Живя в Париже, я решила навестить Лидию, чтобы убедиться в собственных догадках насчет ее жизни во Франции. По адресу найти номер телефона было несложно, Лидия с радостью согласилась на встречу.

Она жила в респектабельном районе, недалеко от «Оргея» в малюсенькой комнатке, вместе с ванной и кухней составляющей 12 кв.м. Вся комната была занавешена, затхлая, ветхая, не жилая. Несколько каменных изделий весьма низкого качества украшали жилище.

Сама Л.Р. в светлом костюме, туфлях в тон, розоватая нодеветка, делающая приглушенной нищету обстановки и смягчающая старость хозяйки. На двери комнаты табличка с именем «Эллина». На мой вопрос, на что она живет, Лидия ответила, что получает маленькое пособие, но этого очень мало. Весь снобизм, которым Лидия кичилась в России, мигом слетел в этой затра-

поздней обстановке. Всю жизнь эта женщина играла, так и проиграла, не подарив никому своего тепла и не получив ничего взамен.

Я ушла от нее с чувством какой-то грязи в душе, не было ни горечи, ни жалости к ней, ничего общего с русскими женщинами я в ней не находила. Лидия все время говорила о своих неосуществленных планах по строительству дружбы между Россией и Францией, как будто она могла сыграть в этом какую-то роль. Мысли и слова были неграмотны, пронизаны ложью и полным отсутствием внимания к собеседнику.

Спустя полгода я познакомилась с французом Сержем, преподавателем русского языка в университете. Мы подружились, совершенно случайно я ему рассказала про Куротову, он аж присел на месте, назвал мне ее адрес и добавил, что лет пятнадцать назад был знаком с нею. Серж пояснил, что эта дама жила в районе дорогих проституток и зани-

малась этим ремеслом всю жизнь. Мне стали понятны ее безликость души, холодный эгоизм, она ведь без остатка продала себя: ни мудрости возраста, ни тепла, ни обаяния дружбы...

Когда Серж рассказывал мне об этой женщине, мы сидели в маленьком кафе, пили горячий шоколад, и обоим было невероятно грустно, что так уродливо сложилась жизнь у этой красивой русской женщины. Мне было обидно за русских, а Сержу - за женщин.

Что может быть печальнее, когда нет семьи, детей, жилья и даже Родины?

Вероятно, на старости лет Лидия решила найти приют на исторической Родине в домах незнакомых людей, по-русски радушно встречающих любых гостей.

Спустя несколько лет телефон молчал, и по данному адресу значился другой жилец...

1996 г. Париж

От редактора. В основу очерка положена реальная история, глубоко запавшая в душу автора. Фамилия главной героини изменена. Татьяна Бондарева предприняла еще одну попытку найти своего персонажа. Лидия Курова в свои 98 лет

оказалась жива и, более того, не выказывала никаких признаков старческой деменции. Продолжение очерка в ближайшем русскоязычном номере.

Ольга Кляйн

«Эти глаза напротив...»

Моей единственной сестре с любовью

С какой лёгкостью мы вспоминаем нашу молодость, наши служебные и отпускные романы, хотя известно, что они не всегда кончаются легко и прекрасно, но, повторяюсь, оставляют всегда какое-то лёгкое и прекрасное воспоминание.

Что-то вдруг защемит, задёргает вас за какую-то ниточку или верёвочку, и даже не в сердце, а в забытом углу печёнки, где все узлы и разгадки нашего существования, и занавес раскроется, и вот вы уже не на постаревшем, потрёпанном, как и вы, диване, перед передачей «Угадай мелодию!», а где-то на морском или заморском пляже, в самом разгаре вашего отпускного романа.

И всё благодаря этой ниточке, этой верёвочке, открывшей занавес перед сценой вашего воспоминания. То есть какая-то утробно знакомая песня прозвучала в уже названной (не для рекламы) передаче и вызвала у вас некое весьма приятное урчание в животе.

Ах, как всё было мило и красиво. Даже лучше, чем в кино, ей-богу! И было много-много музыки, как в старых фильмах, где музыка сопровождает каждый шаг героев. Они просто живут на экране под музыку. Так случилось и с нами. Мы, то есть он и я, прожили наш летний роман под песню.

Знаете, бывают такие модные песни, которые мы слышим всё лето по радио, по телевизору и, конечно же, на танцплощадках. Причём, такая песня не запускается сразу. Все знают, что она есть, что её обязательно прокрутят, но только в конце, то есть последним танцем, иногда объявляющимся «белым», чтобы ни разу не приглашённые дамы могли пригласить сами и тем самым окупить частично если не входной билет, то потное, немое ожидание у стенки. И я знаю, о чём говорю! Но так было раньше, в школе, а сейчас мне было двадцать лет, и во мне что-то было! Особенno, когда звучала песня про «эти глаза напротив», которую пел в то лето Валерий Ободзинский. Я была, конечно, не одна такая, вздыхающая и мило умирающая от любого чайного цвета взгляда. И думаю, что в это лето голубые глаза были просто не в моде. Вот почему так победно светились мои карие глаза, в которых уже пробивался оттенок чайного цвета, так идущего к моим бледным пушистым волосам. Вот почему в это лето меня приглашали.

Я отдыхала в заводском профилактории на озере, где нас больше лечили от скуки, чем от

профзаболеваний, стараясь всеми силами, то есть массовиками-затейниками, затеять, и в массах. Всё было массовое: мы массами жили в деревянных бараках, массами ходили в столовую, на профилактические процедуры и каждый вечер на танцы в посёлок.

Здесь, на танцплощадке, массы как-то разбредались кто куда и каждый по себе, и возвращение было хотя и массовое, но тоже как-то вразброс, как бывает с деревенским стадом, когда пастух сам бредёт где-то сзади, зная, что всё равно каждая живность сама найдёт дорогу домой.

В тот вечер на самый первый танец меня привлекли и больше не отходил какой-то приблизительно тридцатилетний грузин, который мне совсем не понравился, хотя у него тоже были карие глаза. Не понравился, может быть, потому, что ещё не прозвучала эта приводящая всех во внутренний экстаз песня, которую все ждали с такой закручивающей душу тоской, что слышались почти стоны, и молнии пробегали по глазам, приобретающим общий чайный оттенок в силу всеобщего ожидания и песни, и чего-то или кого-то ещё.

Этим «кем-то» для меня был приятель «моего» грузина. Он только кивнул мне, назвав своё имя, которое я даже и не услышала, наверное, от впечатления, которое он оставил о себе, сразу отвернувшись от меня и пригласив какую-то другую девушку. Мой кавалер всё время что-то говорил, спрашивал меня о чём-то, приглашал меня на все танцы подряд. Я тоже что-то ему говорила, отвечала на его вопросы, шла танцевать с ним все танцы подряд, но сама ждала свой последний танец.

Не говорите мне о мелодраматичной банальности происходящего. Не смотрите на меня с убивающей улыбкой старых ловеласов и утративших не только девственность дев. Вспомните себя в двадцать лет. И дайте мне ещё раз пережить это нескончаемое ожидание счастья. Да, счастья! Потому что не бывает в жизни более счастливой минуты, чем минута ожидания близкого счастья, какого-то божественной уверенности в нём.

Так было у меня в тот момент. Он даже не смотрел в мою сторону, а я знала, что хотел бы смотреть. Даже ни разу не пригласил меня, а я знала, что хочет пригласить. И когда объявили последний, мой танец, и прилипший ко мне и присвоивший меня себе приглашатель тянул меня

за руку, в толпу слившихся попарно счастливых, я видела перед собой только одно: эти глаза напротив, повернувшиеся ко мне спиной. Я встала со скамьи, ещё не решив, что делать, как вдруг он повернулся ко мне и молча протянул мне руки. Его приятель всё продолжал держать меня за руку, но меня уже было не удержать. Это был самый счастливый танец в моей жизни. И положа руку на моё щедрое сердце, я приглашаю вас вспомнить такой же свой. И когда звучали слова «вот и свела судьба нас», я уверена, что каждая танцующая пара испытывала неудержимое подвижение на предложение руки и сердца и более того. Все были охвачены и очарованы, возвышены и устремлены.

Песня была в темпе вальса, но пары не кружились, а топтались вокруг своей оси. Кружились только их головы. Он держал меня в своих руках немного на расстоянии, наверное, чтобы мне хорошо были видны его глаза чайного цвета, но, как выяснилось потом, просто потому, что у него дрожали колени.

Да, мы не кружились в танце, но после него закрутился наш головокружительный летний роман. Мы вышли из общей массы отдыхающих, но не искали особого единения, как некоторые другие, которые находили его в прилегающих кустах. Нам было достаточно ласки умилённой нашим счастьем природы, начиная от согревающего тело и сердце солнца и кончая мягких, цепляющихся за моё лёгкое платье, веток, когда мы валялись, распятые, на пляже или прогуливались по многочисленным лесным тропинкам.

Болтали нарочито беспечно, рассказывали о себе только хорошее. Наш, теперь общий, приятель, умилённый, как и природа, нашим очевидным счастьем, отстал от нас, завистливо вздохнув. И так продолжалось две недели.

Моя путёвка закончилась, и я уехала домой, в свой маленький город, находящийся где-то в ста километрах от моего неожиданного счастья. Уехала, но не рассталась, так как мы обменялись адресами и пообещали писать, пока он здесь, пока не уехал к себе в Ташкент, где он только что окончил строительный институт и собирался работать всю жизнь. Пообещали писать... Этого мне и не надо было обещать. Что-что, а писать я умела и любила.

Мои письма к друзьям и родным всегда имели форму какого-нибудь литературного произведения, жанра небольшого романа, рассказа или эссе, обязательно с предваряющим их закрученным эпиграфом и заключительной убивающей фразой. Эту-то заключительную фразу из своего незамедлительного письма к нему я и запомнила: «Ты так и стоишь у меня перед глазами и простигаешь мне руки, а я никак не могу понять, приглашение это на танец или на всю жизнь!» Так вот и написала.

И письмо это произвело такое же воздействие на моего героя, как и на лермонтовского Печорина, прочитавшего прощальное письмо Веры. «Он, как безумный, бросился» ... к такси, схватив в охапку своего приятеля, и примчался ко мне. Они устроились в нашей единственной на весь город затра-

Автор рисунка Лариса Флер

пезнай гостинице и позвонили мне. Встреча была захлёбывающейся в словах, объятиях и улыбках. Я помню, как я шла по нашей главной городской площади в окружении Дворца культуры, гостиницы и горсовета, летящая, невесомая, со светящимися изнутри глазами чайного цвета.

Мы долго и проникновенно гуляли по городу, один день и два. Ничего не строили, ничего не ломали в нашей жизни, а просто и беспечно проживали оставшиеся дни нашего отпуска. Но смотрели друг на друга выжидавшими, пронзительно и молча вопрошающими глазами. И не отводили глаз. Песня продолжалась.

Днём перед отъездом он проводил меня до дома. Солнце светило и освещало всё так, что всё вокруг преломлялось, становилось зыбким и неизведанным, с замиранием от настороженного предчувствия неизбежного.

Она вышла из подъезда нашего дома, моя чуть старшая сестра — заметно крашенная блондинка с натуральными голубыми глазами, в стадии своего первого развода. Глядя на вас, она всегда откидывала голову назад, чтобы ни веки, ни ресницы не мешали свету проникнуть в самую глубину её просто-напросто голубых глаз и высветить на вас эту глубину, которой, как выяснилось позже, и не было, но что-то всегда предполагалось и завершалось к тому же блестательной, идущей из той же глубины улыбкой. И в этом была вся она.

Эти её голубые глаза. И мы, со своими простыми, карими, хотя и чайного, модного цвета «глазами напротив». Всё было кончено в один миг. Как в песне Сержа Гинзбурга, которую я услышала много лет спустя: «Nous nous aimions le temps d'une chanson». Или, говоря просто и по-русски: «Мы любили друг друга, пока звучала песня».

Расставались молчаливо и вяло. Единственное, что он мне сказал на прощанье: «Твоя сестра — самая красивая девушка вашего города».

Гренобль, 30 августа 2005

Елена Перельман
(Германия)

Без прощальной игры

Кураж пробиралась сквозь заросли, осторожно раздвигая мечом лианы и держа наготове много-зарядный пистолет. Очередную ловушку она преодолела с лёгкостью, высоко подпрыгнув и сделав в воздухе сальто. Ей осталось пройти совсем немного. А там – замок, где собралась элита клана, ожидающая своих разведчиков: Либеллу и Кураж. Поход Кураж был успешным, её ДРОП (добыча) был достаточно высоким, чтобы подняться на высший LVL (уровень), плюс она раздобыла новое оружие. Интересно, сколько у Либеллы? Она в прошлый раз уронила мешок с ДРОПОМ в Пылающую бездну... Раздумывая об этом, Кураж не заметила, как из-за пригорка показался Крюврэк. Мерзкая тварь, от которой было одно спасение – вода. Кураж хотела прыгнуть в реку и вплавь добираться до замка, но Крюврэк разгадал её мысли. Теперь вся добыча пойдёт в пользу другого клана, а Кураж потеряет все HP (жизни). Если Хельд позволит, её будут спасать, теряя драгоценные времена и ресурсы, за которые можно было бы прикупить целый город. Кураж попыталась спрятаться, но шупальца ног уже опутывали укрытие. Вдруг тварь неистово завизжала и перевернулась на спину. Летучая черепаха Хельда камнем упала на визжащее чудовище, а сам предводитель клана электронной сетью окутал Крюврэка. Животное попыталось вырваться, но Хельд удержал сеть, потрескивающую и вспыхивающую холодными синеватыми огоньками. В последний раз тварь собралась с силами, чтобы сбросить человека, – тщетно! Издав не то вопль, не то стон, она замерла, превратившись в жёлтую жижу, которая начала таять прямо на глазах.

- Кураж!
  - Ты угробил защитную сеть клана.
  - Если бы я этого не сделал, висеть тебе в ледяных скалах тысячу лет, пока клан не наработает достаточно угля, чтобы растопить к своей разведчице дорогу...
  - Либелла и в этот раз почти ни с чем?
  - Сегодня её добыча самая крупная. Она нашла необитаемую жилу.
- ...Тук-тук-тук. На тонкой полоске внизу

монитора показался смайлик с крыльшками. – «Ребята, до завтра, не могу больше, – высветились буквы, – уже три ночи. Идите по карте без меня. Либелла».

На полоске монитора появился ещё один смайлик. «Сутки безвылазно – это перебор. Я в отбой. Ружен.»

- Кто ещё выходит? – спросил Хельд по скайпу.

Из элиты остались Октав, Кураж и он сам. Втроём они нашли по карте жилу, отбились от туземцев и полчищ диких крыс. Когда Октав решил их покинуть, игра прервалась до следующего раза.

...Андрей сел на край дивана, за окном светило. Инга громко посапывала во сне. Недовольно скривившись, он приподнял одеяло и почти вплз под него, таким образом, чтобы не касаться спящей.

К счастью, Инга рано убежала в университет, благодаря чему Андрей мог высаться. Ему бы тоже не мешало прийти на лекции, но, едва пронснувшись, он сел к компьютеру.

- Тук-тук. Это я. Ты ещё спишь, Анна? Анночка, Анечка. Как тебя называли в детстве? Я бы подарил тебе весь мир. Но мир не достоин тебя. Прими мою любовь, хоть и она тебя недостойна. Ты мой свет, моя жизнь, мой смысл...

- Любовь не бывает недостойной. Я жду, когда ты включишь компьютер. У нас совсем темно, но дочка уже в саду, муж на работе. Все при деле... Андрей, почему ты выбрал имя Хельд?

- В переводе с немецкого означает главный герой.

- Значит, ты мой герой из Германии. А почему ты не в университете?

- Я вчера отсидел лекции за два дня. У нас можно неделю не выходить из уника, а потом – неделю свободен. Демократия!

- А у нас студенты должны каждый день отмечаться, поэтому подрабатывают только вечерами.

- Подрабатывать нужно во время лекций. Я, к примеру, имея лэптоп под рукой, играю на бирже. Очень хороший заработок. Пару тысяч выиграть не проблема. Поэтому я Хельд, спасающий свою Кураж, а не грузчик.

- А если не заработаешь?

- Профи не проигрывают! Кстати, я отправил тебе пять СМСок, читала?

- Нет ещё. Сладкое на третье. Извини, спешу в парикмахерскую. Пока.

Анна Кружак была замужем 5 лет. Ей надоел муж, учитель математики. Надоела дочь, вечно сопливая, кашляющая, хнычущая. Надоели баснословные цены, надоел холод в квартире зимой и духота летом. Она не могла дождаться момента, когда, включая монитор, становилась Кураж! Почти богиней, удачливой как никто, играющей на грани фола и всегда побеждающей. Не зря же её приметил Хельд-Андрей. И если ей повезёт, то и она сможет зарабатывать деньги, не выходя из квартиры в далёком и блестящем Ганновере.

...Инга вернулась из университета раньше обычного. По дороге забежала в маркет купить сосисок, колу и пару шоколадок. Перед игрой они с Андреем обычно вместе ужинают, обсуждают события дня, а после – каждый за свой лэптоп. Честно говоря, такой ход событий начал её утомлять. Ложились под утро, из-за чего на лекциях хотелось спать. Выходные пропадали, потому что игра продолжалась сутки напролёт. Денег стало не хватать. Запасы, которые она заработала за последние каникулы, – растаяли, а новых не предвиделось. В ресторане, где она подрабатывала, самые «чаевые дни» выпадали на субботу и воскресенье. А она их просыпала или просиживала за монитором.

- Жаль, но с игрой надо бы подвязывать, нет больше сил. - думала она. - Контрольные валятся на голову, и реферат не закончен.

Её мысли прервал звонок Андреевого мобильника. Забытый хозяином, он лежал в прихожей на тумбочке перед зеркалом.

Инга взяла пухлой рукой трубку. Это была СМСка. «Пришла из парикмахерской, причёска – уёт! Тебе бы понравилась, любимый»

Инга перечитала текст. «Любимый»... Интересно, кому это ещё он любимый? Недолго думая, набрала номер отправителя. После часовой беседы выяснила всё, что следовало: и про СМСки, и про переписку по «аське». Её оппонентку совершенно не волновало, что они с Андреем живут три года, что собирались пожениться. «Если ты его любишь – борись за него!» - и повесила трубку.

Ладно, Инга будет бороться, но как? Подумав несколько минут, она стёрла все телефоны из Андреевого мобильника, - это раз. Включила свой лэптоп, связалась с Ружем, музыкантом из Киева, и рассказала ему ситуацию. Он посоветовал обратиться в Совет Высших, которые назначали предводителей кланов и подбирали команды. Нажаловавшись в Совет, Инга добилась того, что Кураж на время заблокировали, а Хельда сделали рядовым, назначив предводителем Октава. На какое-то время дорога к игре для Андрея и Анны была перекрыта. На это ушло у Инги часа два. Последним ударом – вывести из компьютерной памяти Андрея адрес его виртуальной пассии. Но это уже позже. Сбегав в китайскую забегаловку напротив и принеся оттуда всевозможных блюд,

приняв ванну и надев прозрачный пеньюар, Инга приготовилась бороться.

Когда объект борьбы пришёл домой, ему сразу что-то не понравилось: то ли полуоголая Инга в постели, то ли еда на столе. Всё было как-то неестественно.

- Что случилось? - спросил он хмуро.

- Ничего. Проходи к столу, ужинать будем. Я свечи зажгу, - вставая с кровати, промурлыкала бывшая возлюбленная. В этом полупрозрачном наряде она выглядела ещё толще, чем обычно. За три года их совместного проживания она превратилась из крепкой молодой девушки в толстенную тёtkу.

- Сама виновата, - подумал Андрей. - Лопает, как свинья... - И покачал головой.

Этот кивок Инга приняла за согласие. Она забегала по комнате, выключая свет и зажигая свечи.

– Давай устроим праздник, - предложила она, - мы так давно не устраивали друг другу праздников.

- С какой радости? Нет, я не против, но скоро игра. Давай быстро покушаем, уберём со стола и установим лаптопы.

При слове «игра» Инга почувствовала, как острая игла кольнула её в сердце. Она предложила Андрею пойти в душ, поесть и не спешить с игрой. Но тот только злился, отказался от ужина, заявив, что ему китайская мешаница уже поперёк горла. И что если она не уберёт сейчас же со стола все эти объедки, он их вышвырнет в окно.

Вот тогда-то настала очередь Инги: она выдала на-гора всю правду: и про мобилку, и СМСки, и про то, что его, сволочь продажную, навсегда исключили из клана, и про отсутствие денег и неумение заработать. Она говорила и говорила. Пока Андрей с перекошенным от злости лицом искал мобильник, пока убеждался в отсутствии всех телефонных номеров, пока устанавливал свой лэптоп, пока пытался войти в игру, голос Инги словно сверлил мозги. Хельд не различал слов, которые неслись от синего пеньюара, он только понимал, что никогда, никогда больше не увидит Кураж. Никогда не услышит её голос. Никогда не станет предводителем их клана... Никогда, никогда, никогда... - звучало у него в ушах. И виновата в этом жаба, бегающая по квартире и визжащая про всякие глупости. Он подошёл к ней и изо всех сил толкнул на кровать. Она завизжала громко и пронзительно. Чтобы убрать невыносимый звук, Хельд схватив подушку, накрыл лицо и сел сверху, придавив своими коленями её руки. Сначала ноги-шупальцы метались в разные стороны, тело извивалось, затем толчки стали намного слабее и вдруг из-под тела начала расплзаться желтоватая вонючая лужа.

- Надо же, как с Крювреком.

С этой мыслью Хельд подошёл к компьютеру. Он набрал код Властелина и долго с ним объяснялся. Он молил о последней игре-прощании. Но в этот момент в комнату ворвались полицейские. Они одели на трясущегося студента наручники, другие колдовали возле тела на кровати...

В далёком городке ждала звонка маленькая женщина с раскосыми чёрными глазами и печаль-

ной улыбкой. Её убрали из клана и отстранили от игры. Она ждала, когда ей позвонит её Хельд, её герой из далёкого блестящего города Ганновер, где деньги зарабатываются, не выходя из дома. Кураж понимала, что совершила ошибку, из-за которой пострадала сама и её возлюбленный. Конечно,

через некоторое время она изменит имя, интернетный адрес и начнёт новую игру. Но это будет позже, а сейчас, хоть бы ещё разок получить СМС «Я бы тебе подарил весь мир...» Или разочек услышать его голос: «Аня, Анечка, Аннушка...»

От редактора. Дорогие читатели, мне кажется, что с этим рассказом Елены Перельманн хорошо рифмуется следующий стих

Виктор Фет (США)

ЖЛЮК

Es gibt keine Weg zum Glück. Glücklichsein ist der Weg.
(Gautama Buddha)

Истекает мрачный век,
есть у века кайне вег,
нет у века больше тайн,
ноу вэй цум глюклихзайн,
перекрыты все пути,
надо ворона найти.

Лошадь моет красный конник,
заварю себе лимонник,
кот залез на подоконник,
вот и ворон тут как тут:
черти ворона несут.

Велком, велком, мистер ворон,
нам известен с давних пор он,
мы продолжим старый спор:
я читал в живом журнале,
как на прошлом биеннале
ты молол ученый вздор,
вредный и ненужный вздор.

Каркни, ворон, из Эдгара,
мастер черного пиара,
каркни с нами заодно,
что планета перегрета,
что предвидится комета,
что забвенье ждет поэта,

все мы видели в кино;
знаешь, ворон, вам, пернатым,
вроде бы не виноватым,
тоже сгинуть суждено;
вот такое, брат, кино.

Говори же, ворон-птаха;
по тебе не плачет плаха,
так скажи, ради аллаха,
что погубит этот свет?
Каркнул ворон: “Интернет!”

Из-за дымовой завесы
не спеша выходят бесы,
огнемет наперевес,
прикрывающий прогресс.

Где же этот самый ворон?
Глянь, присел на монитор он
и уставился в упор,
и глядит без разговора,
как мелькает духов свора,
и без карканья, без ора,
вечно смотрит с этих пор,
смотрит ворон в монитор.

12 февраля 2010, Хантингтон

Поэзия

Василий Черецкий (Франция)

Эмигрантская

Мою печаль навеял край родимый,
Я её как счастье берегу.
И каждый раз, когда грустит гармошка,
Про тебя не вспомнить не могу.

Ну, давай, браток, работай!
Не надейся на меня.
У тебя жена да дети,
У меня гармонь одна.
Ой, остался в старом прошлом я одной ногой,
А пытался вновь подняться — падаю другой.

А есть ли в этом мире радость,
Чтоб я забыл отравленные дни,
А ты играй, зажги, моя гармошка,
Жизнь — потухшие огни.

Ну, давай, браток, работай!
Не надейся на меня.
У тебя жена да дети,
У меня гармонь одна.
Ой, остался в старом прошлом я одной ногой,
А пытался вновь подняться — падаю другой.

Текст к песне. 1997г.

Через тысячи дорог

Через тысячи дорог, через расставания
Прикасаюсь я к тебе через расстояния.
В телефонной темноте прикасаюсь к голосу,
Каждым нервом на руке помню твои волосы.

Растворяюсь без остатка в твоём голосе манящем
И живу теперь я прошлым, за твоей мечтой летящим.

Каждой капелькой души в храме глаз твоих
Прикасаюсь к алтарю — он для нас двоих.
В бесконечность ухожу спутанными мыслями,
Из несбыточных надежд путь к тебе я выстелю.

Растворяюсь без остатка в твоём запахе пьянящем,
И живу теперь я прошлым, за твоей мечтой летящим.

В соавторстве с Натальей Заленской.
Текст к песне. 1998г.

Седьмое море

Седьмое море прохожу,
Ещё я парень молодой —
Всего лишь только 35,
А волосы припорошило время.

А сколько горести испил,
А сколько женщин милых встретил,
Но лучше, чем в стране родной,
Я в шумном мире не приметил.

Какой моя судьба была?
Тосты я поднимал за братство!
А вот теперь за ордена —
Ребятам тем всего лишь 20.

А сколько старых деревень!
Душистым хлебом там не пахнут пашни!?
Там мир рекламой глупой стал,
А вместо вальса рэп на свадьбах.

P.S.

Эй, молодой! И пусть на этом свете деньги правят бал,
А я без денег счастлив был, и море мне ласкало пятки.

Текст к песне. 2006г.

Прости

Прости, родная, ты не виновата,
Не дарит осень радость для тебя,
Ни упоенье встреч, ни золото заката,
Ни озорную дробь дождя.

И почему в глазах твоих усталость?
Любовной страсти больше не найдёшь,
Ты с ней давным-давно уже рассталась
И разучилась ты любить всерьёз.

Прошли грозой минуты упоенья,
Полынью веет пасмурная ночь.
Теперь запомни: в этой жизни серой
Я для тебя всего лишь гость.

Теперь пора для сожалений
И бесполезной суеты.
Погибли те минуты умиленияй
И первый поцелуй любви.

Душа моя тобою не болеет,
Избита шалостью других капризов, -
Она теперь душонка серой мыши,
Летучей, спящей головою вниз.

1993г.

Баллада о буре

Где я, кто я? – В полночи месяц спрошу.
В тёмный город раненым зверем вхожу.
Воет, ноет буря чёрной вдовой.
Молод, весел – это уже не со мной.

Ближе к дому, снова я в юность вернусь.
В старый омут – ревности сладкой напьюсь.
Морось улиц ветра плевками в лицо,
Где-то скоро будет родное крыльцо.

Знаю точно – радость слепа,
И у счастья жизнь коротка.
И за всех, кого любил и кого я бросил,
Отмолила их дождём золотая осень.

Знать бы, где бы соломку стелить,
Да у счастья взаймы попросить.
И за всех, кого люблю,
Сердцу кто дороже,
Под берёзками прошу:
“Помоги им, Боже!”

Две песни в одной. 2009г.

Что такое воля?

Ночь змеёй вползает в душу, сердце ядом наполняет.
Не трави, тоска, мне разум, мысли к дому улетают.
Думы в край родной, как стаи птиц,
которых я не видел,
Птиц, которых не касался ни с натуры, ни в романах.

Что-то часто стало сниться: дни в неволе умирают,
Птицей в море с головою, рифы крылья обломают.
Боль, как соль, на раны ляжет, чёрной смерти
танец спляшет.
Вновь очнуться порываюсь,
на чужбине просыпаюсь.

Как сердцу тяжело! Знаю, что такое воля!
То, когда на Родине своей, всё остальное горе.
Как сердцу нелегко! Знаю, что такое клятвы!
То, когда с любимою своей, а на чужбине вряд ли.

Может быть, и эти строки не напрасно в ряд ложатся.
Всё, что было с нами раньше,
– остаётся вспоминать.
Только понял, что разлука – это всё, что я имею,
Пустоту в душе согрея, остаётся только ждать.

Текст к песне. 1999-2000 г.

Ольга Серейская (Россия)

* * *

В ночи, в тиши, у старого ручья
чужой любви, чужих прикосновений,
ты штопаешь прорехи бытия
суровой ниткой прожитых мгновений,

и скучно думаешь, что ты из тех солдат,
которые не слишком ценят знамя,
но предавать им боги не велят,
а, впрочем, тех не назовешь богами, —

язычество порядочных людей,
кумиры разночинцев — да, и все же
есть что-то в них — ты хочешь быть похожим,
и честь забыть портреты не дают...

И завтра, может быть, тебя убьют.

* * *

Мы встретимся в отечестве, друзья,
в котором и поссориться нельзя,
пока я вежливо прошу меня простить
за то, что не умею я любить
большие величины.
Что мне не дотянуться до погон,
не разглядеть, кто барин, а кто вор,
чтоб честь отдать по чину.
И все мне кажется, что есть одно родство
не по народу или по границе,
а по той боли, взятой на себя,
которую и выдержать нельзя,
но отказаться значит — откупиться.

* * *

Не жаль утраченных иллюзий,
но жаль истраченных минут,
как горсть жемчужин благородных,
их пред тобою понесут.

талант, завернутый в тряпицу
не примет у тебя Господь
и, строго запретив лениться,
вновь отошлет судьбу полоть.

Всем китам, с благодарностью за приют

Трудно быть бабе пророчицей
и инстинкт мешает, и стыд,
да и как-то не хочется
воздух менять на тюрьму,
кит спасает на времена,
но не вечен и этот кит,
огоньком молитвы только разгонишь тьму,
он на радостях выплюнет —
мол, живи, страдай, век учись —
из китова чрева снова на Божий свет,
новорожденный пророк попадает в жизнь,
и бредет в Ниневию, и песок засыпает след...

Иона

У кита в животе
темно, и тепло, и страх отступает —
все-таки лучше, чем лечь на дно...

ты не можешь понять —
тебя наказали или спасли
в тысяча первый раз от тебя самого?
Записать для потомков,
что лучше благодарить?
Но потомков этих
надо еще наплодить,
выучить на сапожников, пастухов...
Только не делай из них пророков, Боже...

А, впрочем, тебя не уговоришь...
Где-то в сумке карта пустыни,
подмоченная водой...

Боже, Боже, есть ли время, когда ты спиши,
чтобы мне хотя бы пот утереть рукой...

* * *

На плечо слово белое тихо садится,
слово белое словно наивная птица,
и крылом припадая к щеке, тихо просит -
приюти меня, детка,
уносит, уносит...

Этот ветер неряшливый, жадный, криклиwyй,
он уносит меня за вечерним приливом,
я боюсь никогда, никогда не вернуться,
помоги мне очнуться, рвануться, проснуться...

Побелев, как бумага, стою на вершине,
белый парус мелькает в затопленной долине,
я боюсь никогда, никогда не вернуться,
помоги мне очнуться...

Одиссей

Одиссей привязан, корабль плывет,
Одиссей подпевает, слуга гребет,
чтобы проскочить кривой поворот,
смотрит Одиссею в открытый рот,
думает – хорошо, что я не поэт,
не приходится портить слух,
слушать бред.

Интересно, как там его жена,
вот таких, наверно, годами ждут,
пока он тут...

Отвязав Одиссея, черепком
воду вычерпывает со дна,
переодевает продрогшего в шерстяной хитон,
собирает сущняк, разводит огонь...
Одиссей говорит – знаешь, ты в чем-то прав,
но ведь хочется знать даже то,
что лучше не знать...
А слуга отвечает – я не спорю, мой господин,
только правды от них не дождется,
и не стоило подпевать...
Хорошо, что вас есть, кому привязать...
Давайте спать.

Монастырская гостиница

Застелены постели,
заязаны платки,
и за окном метели,
мелькают огоньки.

все молчаливо – сестры
и стены, и крыльцо,
где как-то очень остро
морозит снег лицо.

и воздух как в больнице,
и сам ты как больной,
а свет вечерний длится,
переходя в иной.

* * *

Философ сел на камень у ворот.
Из дома раздавался женский визг.
Привычный к визгу, как иные к пенью,
он все-таки потер висок – устал.
Одна кричит, не закрывая рта,
другой уже готовит чашу с ядом,
но если бы их не было –
кого прощать ему?
Поэтому – пусть будут.
Философ говорил с самим собой,
но было что-то в этом разговоре от диалога –
кто-то отвечал... Откуда – изнутри?
Бог знает... Но если знает – это значит – есть.

* * *

Поздно жить,
но не поздно сказать пару слов,
недопетый мотив
все же лучше вранья,
вот последняя лодка –
собирайся! – готов? –
не готов? – надо ехать,
пересилив себя.
Все же лучше признать, что ошибся не Бог,
а ты сам – благородней тогда и светлей,
полюбить виноватых – таких же, как ты,
и остаться в полку незаметных людей.

* * *

Поэзия, отрезанная от древа жизни,
пирует на собственной тризне,
приглашает витиеватым жестом,
нужным гостям уступает место.

А когда расходятся гости,
она приходит к дереву и тихонько просит,
Боже, пусти меня обратно,
мне от себя тошно, от них отвратно,
я хочу быть маленькой твоей дочкой,
просто мне страшно поставить точку.

Дерево молчит, шелестит ветвями,
солнце прячется за листвою,
понимаешь, говорит поэзия,
я хочу быть с тобою,
но только такой, какой уже стала...

Дерево шепчет – ты знаешь выход,
ты не можешь вернуться в детство,
проданных слов ты не воротишь,
а своих у тебя не осталось.

Возьми свой старый халатик и палку,
иди, иди вокруг света,
каждому встречному поклонись в ноги,
только помолчи, помолчи, ради Бога.

И поэзия встала, перекрестилась,
помолилась, как умела, своими словами,
и пошла в долину на утешенье
простакам бессловесным.

И когда у них в сердце играет веселье —
это заблудшей поэзии строки,
это невыразимая радость,
это воробышко счастье,
детские сны, стариковская память,
все это стало ее уделом.

И тогда она вернется к дереву жизни,
и расцветет на нем, только нужно решиться,
решиться...
И найдутся слова о радости и надежде,
Каких никто и не слыхивал прежде.

* * *

Свет в августе,
свет в декабре,
свет в облаках,
свет в глубине,

свет со дна человеческого зрачка,
свет в зрачке вороненка — стальной,
упрямый, веселый,

весь свет в огромном окне
независимой новостройки на берегу города,
за которым круглые силосные башни
высятся как романтические замки,
а синий горизонт за полями подобен морю,

свет от фары машины,
повисшей на краю пропасти,

свет от маленькой деревянной церкви
за мостом, вокруг которой прозрачные березы
и пионы весной,

свет первой любви,
требовательный свет раскаяния,
тихий свет прощения,
робкий свет упования,

свет с твоих страниц, старая книга,
не пройденная по школьной программе

единый ли это свет,
он ли освещает путь,
этим ли путем нам идти ?

* * *

О чем писать, когда гудят стволы,
и шелестит листва, не затихая,
все скажут за тебя горящие сады,
они не умолкают,

и в отблесках,
багряных и пурпурных,
ты черпаешь тот чистый звук,
который ты готов принять из первых рук.

ДЕТСКОЕ

Свет в окошке,
хлеб в лукошке,
свечка в оловянной плошке.

И звезда над самым домом
светит всем своим знакомым.

«Спать пора» — пропел кузнецик,
улыбнулся человечек.
Так и спит всю ночь с улыбкой,
луч звезды качает зыбку.

* * *

Что ты хочешь спросить —
как открыть этот мир,
незаштопанный тонкой иглою?
Светят дыры в твоем одеянии, ты
свою радость не сделал судьбою.
Так иди же к тому, что тебя узнает,
словно мать, по походке и взгляду,
и спроси у Владыки,
что делать с рабом,
что сыновью нарушил присягу?

Горная сказка

Вот новая тропинка в гору,
и юноша бредет с котомкой,
несет в котомке три желанья.
Шары цветные к ним привяжет,
и выпустит их на свободу —
чего желать, когда в долине
его невеста ждет и лошадь.

Вот старая тропинка в гору,
по ней бредет старик печальный,
несет в котомке три обиды.
Каких? Я сразу не отвечу...
Сейчас он, как вчерашний мальчик,
обиды горькие отпустит
и полетят его обиды
как стая птиц неговорливых
в страну, где ждут их три желанья.

Так вот они, его обиды —
невеста вышла за другого,
давно лошадка околела,
а в доме — в доме чужеземцы...

Но воздух горный чист и ясен,
и каждый камень на тропинке
поет о юности ушедшей,
поет о старости прекрасной,
и глупо, глупо им не вторить.

Владимир Сергеев
(Франция)

Под жужжанье кофейной машины

* * *

Под жужжанье кофейной машины,
Под бокалов стеклянный треск
О любви мечтают мужчины.
В их глазах и сумрак, и блеск.

Сквозь табачные клубы дыма
Вспоминается дивный сад.
В нем далекая и любимая,
Что была много лет назад.

Неужели душа иссохла?
До конца разве пройден путь?
Дождь покрыл запотевшие окна.
Этой ночью опять не уснуть...

* * *

Я болен тобою, Париж.
Твоим голубым перламутром.
Подарком туманного утра -
Пастелью фронтонов и крыш.

Я сладостно болен тобой,
Когда под лучом предзакатным
Прекрасен ты обликом статным,
А ночью — иглой золотой.

Вдали от родных колоколен,
Тобой, равнодушным, я болен?
Казалось, что болен тобой,
Но больше я болен Москвой.

Париж, 2009 г.

Эльмара Фаустова
(Россия)

Алостальгия в Париже

Дроздовке Ираиде Тимченко

Мы чужие в Париже,
Пугающим нас грандиозностью.
Только вдруг
Всё становится ближе
С пронзающей сердце тревожностью:
Здесь, на кладбище Сент-Женевьев де Буа
Фамилия выбита мамы — и кровно моя.
Живыми родные восходят
Из грозного прошлого тьмы —
Печально историей слиты
С Парижем
Россия — все мы.

От редактора. В первом номере журнала «Русский хор» на с.72 мы предложили читателям вопросы, на которые пока никто не ответил. Но для подвижки процесса я привожу ответ на первый вопрос, только имя изобретателя из Одессы: Тимченко Иосиф Александрович. Его правнучка живет в Монпелье. Как стало ясно из разговора с автором данного стиха, Ираида Тимченко, которой посвящен стих, девочкой эмигрировавшая с армией генерала Дроздова из Новороссийска во Францию, — родственница Эльмаре Фаустовой. Поскольку семьи тогда были многодетные, вполне возможно, что она является родственницей одессита Тимченко.

Марк Луцкий
(Израиль)

из цикла «Знаменитые французы»

Франсуа Вийон
(французская баллада)

На протяжении веков
Неразрешимая загадка:
- Авторитет среди воров!
- Талант! Балладная тетрадка!
Да, с биографией накладка ...
- Преступен он со всех сторон!
- Какая у поэта хватка!
Так кто ты, Франсуа Вийон?

- Всегда свободен от оков,
Литературная лошадка!
- Он – предводитель драчунов!
- Ему всегда жилось несладко ...
- Какой любитель беспорядка!
- Он презирал любой канон,
Но попадал всегда в «десятку»!
Так кто ты, Франсуа Вийон?

- Умел он наживать врагов,
Но светит нам его лампадка!
- Носитель всяческих грехов!
Могила где? И где оградка?
- Создал он поле, а не грядку,
По праву славой окружен!
- Чтил уголовные повадки!
Так кто ты, Франсуа Вийон?

Да, жизнь твоя прошла не гладко,
Ты разочарован и окружен,
Но отдан миру без остатка ...
Так кто ты, Франсуа Вийон?

Воспоминанье о Дюма

Ручей казался старой Сеной,
Над ней – замшелые дома,
И в каждом доме непременно
Был замусоленный Дюма.

Здесь по дворам интриги плыли ...
О, Ришелье! Хитрющий лис!
В дровяниках в засадах были
Атос, Портос и Арамис.

Здесь Нинка, местная миледи,
Была властителем сердец,
Здесь возмущенные соседи:
- Да вы уйметесь, наконец?

Здесь часовой вдвоём с дворнягой
Не покидал гаражных крыш.
Гасконец молодой со шпагой
Здесь завоёвывал Париж.

Здесь фехтовал в запале рьяном
И за друзей шагал на смерть ...
Кто не был в детстве Д'Артаньяном,
Того лишь можно пожалеть!

Азбука Брайля

Шесть точечных волшебных бугорков,
И оживает мир литературный –
Здесь Мопассан и Байрон, и Лесков,
И музыка – шопеновы ноктюрны.

И звуки, и слова несутся вдаль,
И глаз увидел золотые ветви.
И это все придумал добрый Брайль,
Незрячий педагог двадцатилетний.
Он не свернул с проложенной тропы,
Шагал вперед, и он не мог иначе.

Бывает, что и зрячие — слепы,
А вот у Брайля и слепые — зрячи.

Ария герцога в физике

Луи де Брайль был герцогских кровей,
Но ввёл в науку именные волны
Они — его великий апогей,
Заслуги Брайля в физике огромны.

Нам говорят: «Всё могут короли!»
И впрямь — дела монархов бесподобны!
Но, между прочим, доказал Луи:
- И герцоги на кое-что способны!

Памяти Сент-Экзюпери

В Лионском заливе Средиземного моря, близ Марселя найдены останки самолёта Антуана де Сент-Экзюпери, не вернувшегося на свой аэропорт 31 июля 1944г. (Из газет, апрель 2004)

Новости разносят почтари,
Заголовки по аршину давши:
- Антуана Сент-Экзюпери
Не считайте без вести пропавшим!
Выдал тайну море-океан,
Есть на дне останки самолёта.
Шел в маршрут писатель Антуан
Трассою французского пилота.

Гуманизм, не знающий границ,
Сердцеведа воевать заставил.
Маленький добрейший милый Принц
Правила не знал — «играть без правил».
Направленье выдал местный штаб,
И полёт к Марселю снова длится,
Но нашелся наглый «баобаб»,
Неучтённый сердобольным Принцем.

Шесть десятков миновало лет
Записям последнего блокнота.
Нет пилота. Но выходят в свет
Книги — продолжение полёта.

14.04.2004

Король стола (английский сонет о французском салате)

Посвящаю памяти Люсьена Оливье (1838 – 1883)

Ты мне являешься во сне,
Твоё предназначенье свято,
Салат салатов — оливье,
Наиважнейший из салатов.

Рождён ты на земле московской
В трактире русском «Эрмитаж».
Тебя вкушали Гиляровский,
Куприн — под водочный литраж.

Собрав большие дивиденды,
Ты на столы победно влез.
Порой менял ингредиенты,
Но не менялся майонез!

Тобой надёжно взятый в плен,
Пою хвалу тебе, Люсьен!

Мансарда Модильяни

Молодой Модильяни,
Ни сантима в кармане,
Постоянно в капкане,
Презирает уют.
Проживает в мансарде,
День и ночь в «авангарде»,
Но за все «авангарды»
Ни гроша не дают.

Молодой Модильяни,
Островок в океане,
Дремлют стрелы в колчане,
Не уходят в полет.
Нет в окне занавески
И знакомой Франчески,
И художника резко
Жажда творчества жжет.

Молодой Модильяни
Пребывает в нирване,
Пыль на старом диване,
Неухоженный вид.
Здесь в мундире картофель,
Хлеб и жиденъкий кофе,
Но ахматовский профиль
На мольберте стоит.

Илья Короп
(Россия)

ВЫСОЦКОМУ

Ты выбрал смерть, но ты остался жить
Словами песен, что хрюпел надрывно.
Ты не нашёл спасения в вине
И не нашёл прибежища в любви.
Словно струна, порвалась твоя нить,
Словно костёр, сгорели твои крылья:
Ты не желал покоя на земле —
Никто не смог тебя остановить.

Ты не искал проторенных путей,
И свою роль сыграл без компромиссов.
Ты самого себя загнал за грань,
Откуда нет возврата в мир живых.

Твою звезду сокрыла ночи тень,
Не дав тебе спасительного смысла,
Но ты, конечно, оказался прав,
Что не склонил покорно головы.

Ты стал героем — не важна цена.
Ты не был свят и делал всё сверх меры.
Но лишь в одном тебя не упрекнуть,
Что ты ни разу не скривил душой.
И до сих пор кричит твоя струна,
Словами песен, обжигая нервы —
Ты прожил жизнь, и даже не одну,
А всё, что выбрал, до конца прошёл.

Маша Малахова-Фурнье (Франция)

По немой бесконечности дня
Пробегусь я страданьем своим...
Где ты ждешь и взываешь меня?
Где согреешь желаньем своим?
На твой берег сойду я мечтой,
Бесконечной волной в облаках.
Знал ли радость ту кто-нибудь в мире?
Знают Яхве, Господь и Аллах!
Мне для верности нужен твой взгляд.
Твердой поступью будут шаги.
Златой россыпью на островах
Будут речи твои и мои.
Знаешь, радостно вместе летать:
Мы, как эльфы в просторах страны,
Будем в сладком вине кружиться,
Словно пчелы на грани весны.
Сладострастью научишь меня
В горьком опыте сокрушеных рук,
В грустном опыте расставанья,
В паутине бессмысленных мук...
Где-то встретились мы однажды,
Где-то встретимся навсегда,
Пусть гулагом промчатся года,
Пусть не вечен жестокий их круг,
Я сегодня с тобой не расстанусь.
Синий сокол, мой херувим,
Может, где-то, когда-то опять ты
Будешь мною любим...
В поднебесье взорвется ракета
Моей запредельной мечты.
В этом мире все мы как дети,
В этом мире все мы – цветы!
Радугой по горизонту,
Интернетом в пустой голове,
В одиночестве прыгают люди,
Как лягушки в мутной воде...
2003 г.

Посещение Покрова на Нерли

Горький запах Земли
я в свою бесконечность приму,
Гулкий топот копыт
от неё перельётся в траву.
В полынь превратится то,
что в сердце давно берегу,
И воронией стаей промчится
Время-птица в осеннем дыму.
*Июль 1998
(На «Золотом Кольце»)*

Ностальгические по Парижу

Париж, Солнце, Соседний столик;
Клошар с похмелья смотрит небрито,
Там кто-то плачет, там кто-то стонет,
Там кто-то просит печально грошик,
Иду мимо, ничем не тронут...

Осенний холод
Пронзает нервы,
Ещё я молод
В твоих объятьях,
Неверный город!

Ещё кипит шальная кровь,
Ещё глотаю каштанный воздух,
Спеша на встречу с тобою вновь,
Ещё наполнены бокалы
Твоих гостиных, твоих кулуаров
И серп и молот твоих бульваров
Сжимают крепко пространство снов...

Ноябрь 1997

* * *

Небо спустилось за линией крыши.
Время-пройдоха промчалось в тумане
Снежною бабочкой вьётся камыш.

День растворился в печальном дурмане.

Сосны согреты дыханием лыж,
Птицы смеются над скрытым желаньем,
Там, где зима нам готовит кукиш

И холодит наши чувства сознанье.

Сонной походкой ночь спешит на свиданье
С Бабой-Ягой, что колдует гаданье,
С месяцем пьяным... Только серая мышь
Трезво грызёт лабиринт мирозданья.

Ноябрь 1998

**К стихотворению Вл. Маяковского
«Светить и никаких гвоздей!»**

Когда мороз по коже несётся,
Через немытое оконце,
Сквозь грязь и слякоть
Увидеть Солнце!

Через проклятье слёз и бездну скорби,
Невскрытых вен - Увидеть Солнце!

В аду отчаянья, во мраке скуки,
Где сердце стонет от разлуки
Увидеть Солнце!

Сквозь паутину серых будней,
Где чёрт завоет и Бог не спасётся
Увидеть Солнце!

Поймать тот луч, им опереться
В промозглой стуже - выпить до донца
Веру, Надежду, Любовь и Солнце!

Декабрь 1998

Возвращение

Город из туманов и дождей
Узнаю по лужам под окном.
Дай ты мне напиться молоком,
Влажным молоком твоих ночек!

Я к тебе ещё не раз вернусь,
В грусть твоих усталых фонарей,
И по мостовым твоим пройдусь,
Заблудившись в юности моей...

2.03.92 (в Питере)

У канала Сен Мартен

Время несётся с
Поразительной чёткостью,
Мелкими точками унося
То, что было твоим.

Время несётся с
Неразгаданной лёгкостью,
В пыль обращая
Неразрешимость проблем.

Оно растворяет
Своими тик-таками
Мертвеннность взгляда,
Порочность тоски.

Время даёт
Невозможность отгадывать
Запах твоей
Гробовой доски...

8.05.92

* * *

Приятно быть одной в толпе
В тени осенних жёлтых листвьев
Приятно думать о весне
Без сожаления и корысти...
И среди детских голосов
Сидеть спокойно, безучастно
И радость жизни принимать,
Хотя ты к ней и непричастен.

27.09.92

Дьявольское и божественное - всегда рядом.
Церковь, например, святое место, а также
место встречи всех чертей и наших соблазнов. Ибо
лукавый борется за самые чистые души.

Предапокалиптические

Сын божеский, где ты?
И кто тебя заметит?
И за кого прольёшь кровь ты,
Там, где нет рассвета
В потемневших душах...
И разбиты мосты
Междя я и ты...
Ждёт тебя сытый Запад,
И с упрёком восточной слезы,
Появясь в пошловатом уюте
В виде скорбно горящей звезды,
Сын божеский, где ты?
Как увидеть мне след твой,
Распознать лик твой
Средь спокойно усопшей толпы.
Неужели я так и не встречу,
Не увижу волшебную тень?
Там, где небо над крышей повисло
И короче становится день?

Декабрь 1992

В основе всего опять вижу удивительную
бесконечность никем не проницаемого одиночества. Только взгляд Господний может проникнуть за эту глухую бетонную даль человеческого одиночества.

8.05.93

Не является ли промыслом дьявола то, что в России много отчаявшихся, потерявших надежду людей?

И не является ли знаком господним то, что при всём этом есть святые, удивительно чистые люди?

14.05.93

В России надо быть глупым и умным одновременно: глупым, чтобы не страдать от всеобщей тупости, умным - чтобы ею же пользоваться. Не быть в России сумасшедшим невозможно.

март 1995

* * *

Снег идёт, немая грусть
Раскаяньем пусть
Украсит нам путь.

Снег идёт и чужие шаги
На снегу не видны,
Белой нитью судьбы
Нам снежинки даны.

Снег идёт, и так радостно-грустно
Взор уходит за крыши домов
и холмов,

И старинной мелодией
Небо падает в русло
Белой памяти и бесчисленных слов.

День, прошу! Растворись во мне!
Дай мне Россию!
Дай мне детство! Родину!
Дай мне Любовь!

Откровением падают
озорные лединки,
Обнажая прожилки
неувиденных снов...

апрель 1999

Ностальгические или отрицание отрицания

Надоели эти речи,
Эти чистые вагоны,
Эти сытые улыбки,
Всё - paroles et paroles.

Надоела куртуазность,
Трёхгривовая учтивость,
Переполненные лавки
Для народного оргазма.

А хотелось бы – метели,
Бесконечного пространства,
Запорошенные ели
Чтоб стояли у оконца,

Чтоб крутился бесконечно
Вихрь мыслей новых, славных,
Чтоб оттаявшее сердце
Вдруг возникло из тумана.

В Ст.Петербурге в вагоне электрички 19.08.95

Мы странным образом бежим от самих себя, от подобных себе.

Эмиграция не является ли подобным видом бегства? Есть люди, для которых быть «своим» среди чужих лучше, чем быть «чужим» среди своих.

апрель 97

Открытие

Не бросайся под поезд, Анна,
Ещё не слишком поздно;
Уже не слишком рано;
И пусть не заросла твоя рана
И боль не отпустила,
Не убивайся, что видела звёзды
И не такая, как остальные...
Несмотря на их роковые угрозы,
Ты давно уже всем простила.
Их морали невечная сила,
Никогда не поймёт твои слёзы;
Она бьёт тебя так постыло...
Анна, вспомни, ты ведь живая!
Не бросайся под поезд, Анна,
Ты любила и ещё будешь любимою!

январь 2006

* * *

Желаю я не тех искусственных улыбок,
Приклеенных к лицу, как к подлецу;
А тихого звучания нежных скрипок
В морозный вечер, в сильную пургу.
Желаю я огня спонтанной встречи
В холодном лабиринте Бытия;
Где бы зажглись нетающие свечи
Надежды, крепкой Веры и тепла...

Желаю не торжественных приёмов,
А радостных пирамидок tête-à-tête,
Где бы любви божественные струны
Сыграли нам возвышенный куплет.
Желаю искреннего счастья
В мороз ли, холод или летний зной
И чтобы сердце пело и в ненастье,
Как птицы нам щебечут лишь весной.
Желаю бодрости, здоровья духа
И твёрдой поступи в ночи,
Чтобы унынья подлая старуха
Сидела бы устало на печи...
Желаю много грядущим,
Того, чего желаю себе сам:
Найти себя в круговороте
Суетных лет, сердечных ран.
Спасти себя на повороте
Судьбы – гремящий океан
Заговорить и превратить
В живую творческую нить!

декабрь 2005

* * *

Я знаю — «счастья нет,
А есть покой и воля».
И эта длинная дорога
Молитвы у живого Бога
О неземной любви.
И эта странная тревога
О том, что небо позади
И что осталось так немного
Живых со плахой во крови.

Июль 2006

* * *

Войти в душу мира
Не так уж просто:
Мы все кумиры своих грёз.
Розы мира над нами
Шепчут свои вопросы,
А мы не знаем,
Что им ответить всерьёз...
Розы мира нас вопрошают
О бесконечной любви,
Розы мира нас забывают,
Как монах о плоти...
Плачьте те, кто смиренны,
Плачьте те, кто велики,
Сегодня правит вселенной
Грех и те, кому по пути.

Октябрь 2006

Об эмиграции или внутреннее ощущение воина

Искала я себя в далёкой стороне,
Где дух мой говорил на разных языках...
Душа моя металась, как ранимый птах;
Молила о любви, кричала в вышине.

Я воином брела по вспаханной Земле
И щит моих побед держал меня в руках!
Я память растворю в измученной воде,
Я птицей огненной зажгусь на небесах.

Пусть где-то там закатом отзовусь,
Протяжным эхом золотого Дня...
Пусть кто-то вспомнит, что ещё жива
Душа поэта, как нетленный прах!

Сентябрь 2007

Открытие

Вдруг поняла я,
Что уж столько лет
Я прожила бессмысленно, случайно...
И что давно меня уж нет
В лукавом запахе французских сигарет.
И так искусственны улыбки, и смешны
Все ритуалы западной страны!

Ноябрь 2007

Удивительные совпадения

**Лидия
Девушкина-Соммэ**

Предисловие к рубрике

Рассказами Г.Прашкевича и Г.Сычевой мы открываем новую рубрику в нашем журнале – «Удивительные совпадения». Собственно, инициатором этого направления является Г.Ю.Сычева, написавшая уже книгу с подобным названием, где собраны совпадения, произошедшие с нею в течение реальной жизни. Часть рассказов переведена самим автором на французский язык и будет представлена в двухязычных номерах нашего журнала. В этой рубрике мы будем обращать внимание читателя на самые разные совпадения: от очевидных и случайных до самых таинственных.

Источник совпадений может находиться в области архетипов, которые, по определению К.Г.Юнга, суть психические первообразы, скрытые в глубине нашего сознания, это корни, опущенные в мир, системы установок, являющиеся одновременно и образами, и эмоциями. Все самые мощные концепции и представления человечества сводятся к рядам архетипов: религиозных, научных, философских, морально-этических. Исследуя случаи необыкновенных совпадений, синхронностей, которые сопровождают процессы создания мифов (архетипы являются мифопорождающими основами творчества), Юнг пришел к выводу, что архетипы должны каким-то образом влиять на наш физический мир. Юнг представляет их как связующее звено между материей и психикой, в этом качестве он называл их «психоидами». Таким путем человек связывается с космосом и со всем человечеством, и с ныне живущим, и с прошлыми поколениями.

Архетип обнаруживает себя в виде очень разных символов: в сновидениях, в психических расстройствах, в научном и художественном творчестве. В голове конкретного человека архетип представляет собой некое не осознаваемое в начале содержание, оно меняется по мере его осознания и восприятия, оно трансформируется под влиянием того индивидуального сознания, на поверхность которого он прилепился. Архетип сам по себе, вне конкретных форм, является образом, недоступным непосредственному созерцанию. Для литераторов эта часть концепции Юнга, на мой взгляд, наиболее важна. Юнг трактует бессознательную часть психики как творческое начало в человеке. Архетип просто заселяется в душу художника или писателя, и творческий процесс

выступает прежде всего как оживление архетипа. Поэтому, по Юнгу, возможен экстравертированный и интровертированный творческий процесс. Мы в нашем журнале будем развивать эту тематику и приглашаем читателей и авторов в ней поучаствовать. В случае экстравертированного творческого процесса писатель – это регистрирующий объект (не субъект), а художественное, скажем, литературное произведение есть некое живое существо, которое пользуется автором как своим рупором. Аналогично этому, когда художник рисует, он является объектом действующих в нем бессознательных сил. Интровертированная установка в творчестве прямо противоположна, здесь объект творчества полностью подчинен субъекту творчества. А вот возможен ли чистый тип интровертов и экстравертов в творчестве, вопрос адресуется читателю на засыпку.

В профессиональной и личной жизни мне самой нередко приходилось сталкиваться с совпадениями. Например, уже в качестве редактора: в портфеле журнала лежат произведения 2 авторов из одного французского города, абсолютно незнакомых друг с другом (первый, правда, из этого города давно уехал), с похожей внешностью и во многом очень сходной судьбой, несмотря на большую разницу в возрасте.

Если вспомнить мою профессиональную деятельность, то совпадений было немало, подчас трагикомических: например, в одном из вузов, где я читала лекции, в последний день занятий перед началом летней сессии в аудиторию пришли два моих студента с подбитыми до умопомрачения носами, оба в марлевых повязках. Эти двое юношей не отличались хулиганским поведением, более того, были отличниками и претендентами на экзамен-автомат, который им и пришлось поставить уже из откровенного сочувствия. В ночь перед занятием они были в отдаленных друг от друга концах Новосибирска, оба повстречали каких-то весьма сомнительных типов наркоманского вида, требующих у них денег... Ребятам пришлось лишиться на долгое время не только обоняния, но и определенной суммы денег, в обоих случаях примерно равной.

Немало поражают наш читательский разум совпадения в мире литературы... Фредерик Бегбедер в книге «Лучшие книги 20-го века, последняя

опись перед распродажей» в номере 40 (вся книга делится на номера), посвященном Томасу Манну, его «Волшебной горе», где описаны два самоубийства, не считая третьего, которое по сути представляет уход главного героя, больного туберкулезом, на войну, меланхолично пишет: «Хочу напомнить, что обе сестры Томаса Манна, так же как и двое его сыновей, Клаус и Михаэль, покончили жизнь самоубийством. Да и мне самому как-то не по себе» (еще бы не быть как-то не по себе, если писатель своим словом кодирует нам наше поведение, и тот же Бегбедер!).

Вдова Пастернака Зинаида Николаевна Пастернак умерла от той же болезни, что и сам Пастернак, - от рака легкого (оба супруга, впрочем, курили), точно так же была в сознании до последней минуты и поражала ухаживающий за ней персонал героическим терпением, как в свое время перед смертью ее нобеленосный супруг. Их сын Леонид Пастернак умер в 1976 г., 38 лет от роду, в возрасте доктора Живаго, и почти так же, как док-

тор: в жаркий летний день, стоя в пробке, за рулем собственной машины, внезапно, от сердечного приступа. «Это случилось на Манежной площади. «Все сбылось», - это ведь и территориально недалеко от Никитской, по которой ехал в трамвае умирающий Юрий Живаго».¹

Презрев скромность, поделюсь также рядом иных совпадений. В 2005 г. я стала счастливой бабушкой, у меня родился внук Денис. Родился он 26 апреля – в день годовщины аварии на Чернобыльской АЭС, за год до этого в этот же день родился его кузен. По возрасту я уже могла быть бабушкой, но никто еще никогда не обращался ко мне как к бабушке. Когда я перед поездкой в Москву к новорожденному стала набирать в корзину нашего французского супермаркета «Интермарш» покупки, ко мне вдруг подбежал незнакомый французский малыш и взял меня за руку, произнеся только одно слово «mamie» (бабушка).

(Окончание истории под названием «Дениска» в следующем номере).

Геннадий Прашкевич

Из записок писателя

Вот одна из бесчисленных историй Виктора Петровича Астафьева, рассказанных им сентябрьским вечером 1972 года на борту теплохода, спускавшегося вниз по Оби.

Выпив и несколько пригорюнясь, как это умел делать только он, Виктор Петрович вспомнил о своей первой поездке за границу, в ГДР. До этого Виктор Петрович никуда не выезжал. Как он сам пояснил, стеснялся. Вот приеду, говорил он, косясь на замерших слушателей, а там что-то говорить надо. Или, еще хуже, спущусь в какой-нибудь ресторан, а за столиком сидит немец. Ну, такой, как я. Глаз косит, ключица выбита. И не дай Бог, выбита тоже на Днепре.

Тем не менее, Виктора Петровича уговорили.

Руководителем писательской группы назначили В. Ардаматского.

Как только поезд пересек государственную границу и миновал Бялу Подляскую, В. Ардаматский превратился в классика советской литературы и начал командовать: «Витька, за водкой! Витька, за закусью!» Короче, когда поезд пришел в Берлин, Ардаматского и Астафьева поселили в разных отелях. С горя Виктор Петрович спустился в бар, заказал стаканчик шнапса, сделал глоток, поднял огорченные глаза и замер. Перед ним, прямо как в его собственных жалобах, сидел немец. Один глаз косил, ключица выбита и, вполне возможно, на Днепре. Немец тоже глянул на Астафьева, какглядят в зеркало. Отражение ему не понравилось. Чтобы чем-то занять себя, немец потянулся вил-

кой к последней горошине, оставшейся в его тарелке из-под салата, подцепил ее и понес ко рту.

Промасленная горошина упала.

Немец снова подцепил горошину, понес ее ко рту и снова не удержал на вилке.

Это почему-то обрадовало Виктора Петровича. Вот били мы вас, и всегда будем бить, несколько даже заносчиво подумал он, имея в виду скорее не немцев, а некоторых классиков русской советской литературы.

А немец понес горошину ко рту, и она снова упала. Он вилкой подцепил горошину, она снова упала.

И так несколько раз, отчего настроение у Виктора Петровича значительно улучшилось. Он выпил еще один стаканчик шнапса, и окончательно утвердился в той мысли, что били мы вас и бить будем.

А немец меж тем сделал глоток пива, настороженно покосился на Астафьева, взял в левую руку нож, прижал им к вилке злосчастную горошину и съел ее.

Сказав это, Виктор Петрович чуть не заплакал.

Он горестно уронил голову на руки, в огромных глазах стояла неугасимая обида.

«И тогда я понял, - буквально зарыдал он, - что когда-нибудь они нас победят».

¹ Дмитрий Быков. Борис Пастернак. М.:Молодая гвардия, 2007, с.878.

Галина Сычева

Праздник Преображения

«Бог троицу любит»
Русская пословица

Сегодня 19 августа 1991 г., день, когда православная церковь отмечает праздник Преображения господня*.

Утром мама встала очень рано и уехала в Зеленоград, отдаленный район Москвы, где она работала в научном институте последние 20 лет в качестве научного консультанта. Сегодня она едет туда в последний раз, потому что их лаборатория закрывается в результате перестройки. Несмотря на то, что маме 79 лет, она очень энергичная и часто говорит, что не чувствует своего возраста. Она работает с 17-ти лет, начав с лаборантки на химическом заводе. Впоследствии, сделав научную карьеру, она стала доктором химических наук. Она очень любит свою работу и не представляет жизни на пенсии. Она также ветеран партии, но в последнее время, прочтя в прессе множество публикаций, разоблачающих коммунизм как режим, убивший миллионы людей ради утопии, она разочаровалась в коммунистической доктрине.

Не успела она уехать, как по радио сообщили сенсационную новость о том, что президент М. Горбачёв, в настоящее время находящийся на своей даче в Крыму, внезапно заболел и больше не может руководить страной, поэтому группа министров взяла власть в свои руки. Это известие меня ошеломило. Я несколько не верю в болезнь Горбачёва, я понимаю, что это государственный переворот, который подготовили и осуществили его многочисленные политические противники.

Из Зеленограда мама вернулась взволнованная. Она рассказывает, что видела много танков на улицах и повсюду говорят о государственном

перевороте. Это историческое событие едва не затмило два других, которые только что произошли в нашей семье: мама не только ушла с работы, но и вышла из партии, активным членом которой она была в течение 42-х лет.

Через три дня президенту России Б. Ельцину удалось освободить М. Горбачёва из плена в Форосе и арестовать всех участников государственного переворота. М. Горбачёв вернулся к власти, но он потерял авторитет, которым пользовался раньше, и все понимают, что скоро он будет вынужден уйти в отставку. Через некоторое время СССР распался на несколько самостоятельных государств и перестал существовать. Потеряв страну, М. Горбачёв уступает место Б. Ельцину, который становится главой государства.

Государственный переворот стал началом тотальных перемен в России. Отказавшись от коммунистической доктрины, Б. Ельцин совершенно преобразил нашу страну. Наша семья также преобразилась в результате этих 3-х событий. Эти три преображения произошли в один день, а именно в праздник Преображения господня.

Не правда ли, это удивительное и загадочное совпадение!

*В тот день Иисус возвел трех апостолов - Петра, Иакова и Иоанна - на гору Фавор и преобразился. Его лицо просияло, его одежды стали ослепительно белыми. Два ветхозаветных пророка - Моисей и Илия - явились Господу на горе и беседовали с Ним, а глас Бога Отца из светлого облака, осенившего гору, свидетельствовал о Божестве Христа: «Сей есть Сын мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение». Евангелие от Матфея (17,5)

От редактора. Автор передал свои ощущения, датированные 1991 г. По происшествии многих лет другому литератору может вспомниться только боль от распада родной страны.

Валерий Лебединский

Издаться я не мог в Москве,
Так на тебе: поддался в Таллинн!
Я не был глух, я внял молве,
Но план наивный был провален.

Дрожал в агонии Союз,
Саднила боль его распада.

Я был влеком одной из Муз,
Мне так немного было надо.

Увы, забыл, что я чужой,
Там нас и так любили в меру.
Но все ж израненной душой
Держусь за ветхую химеру.

О, шаткий остов – путь пера,
В ночи приснившиеся дали...
Я зол, и память недобра
За то, что книгу не издали.

© Москва. Изд-во «Муза творчества». Альманах «Муза» № 14, 2009 г.

Графиня де Сегюр

Хлеб и лошади

Перевод Александры Фийоль-Алексеевой.

Из книги «Несчастья Софи».

(Comtesse de Segur. Les malheurs de Sophie. Carterman, Paris. 1949).

Софи очень любила покушать.

Мама ей объясняла, что много есть вредно для здоровья. Мама запрещала дочери кушать между завтраком, обедом и ужином. Но Софи, которая постоянно хотела есть, хватала все, что попадалось под руку.

Мадам Рен каждый день после завтрака ходила в конюшню, чтобы проследить за кормлением лошадей господина Рена, а их у него была целая сотня. Софи всегда сопровождала маму с корзинкой, полной хлеба. Она клала хлеб в каждое стойло, в которое входила. Мама строго запрещала Софи есть этот хлеб, потому что он был черный, грубой выпечки.

Заканчивался поход в конюшню посещением пони. У Софи был свой пони, которого ей подарил папа: это была маленькая черная, чуть больше маленького ослика, лошадка. Девочка разрешалось самой давать хлеб пони. Часто она кормила пони прямо из рук.

Однажды Софи почувствовала себя особенно голодной, поэтому зажала кусок хлеба в ручке так, чтобы пони укусил с одной стороны, а вторая половинка осталась ей.

Софи протянула хлеб лошадке, но та вместе с кончиком хлеба ухватила и палец Софи, сильно его укусив. Софи не решилась даже закричать. От боли девочка выронила хлеб на землю. Тогда лошадь отпустила палец Софи и ухватила с земли упавший хлеб.

Палец Софи очень сильно кровоточил, кровь капала на землю. Софи вытащила из кармана носовой платок, обернула его вокруг пальца, сильно зажав его, это немного остановило кровь, но платок испачкался весь. Софи спрятала руку под фартук, чтобы скрыть все от мамы. Но, когда все сели за стол обедать, Софи пришлось показать раненую руку. Кровь еще шла, и Софи испачкала скатерть. На ложке и на стакане виднелись красные пятна. Мама заметила это.

-Что с твоей рукой, Софи? - спросила она. — Скатерть в крови возле твоей тарелки.

Софи ничего не ответила.

-Разве ты не слышала моего вопроса? Откуда кровь на скатерти?

-Мамочка...это мой палец...

-Что же случилось с твоим пальцем?

-Это еще утром. Мой пони меня укусил.

-Как это пони? Да он у тебя как ягненок, как он мог тебя укусить.

-Это когда я давала ему хлеб, мамочка.

-Ты ему давала хлеб на открытой ладошке, как я тебе советовала, или нет?

-Нет, мамочка, я держала хлеб пальцами.

-Какая же ты глупая девочка! Больше не будешь сама кормить пони, я это буду делать сама.

Софи молчала, но думала о том, что всегда держала корзинку с хлебом сама и могла отщипнуть хлебца себе, а вот теперь у нее не будет такой возможности. Бывали уже случаи, когда они с мамой подходили к последней лошадке, а хлеба в корзинке уже не было. Конюх уверял, что клал в корзинку необходимое количество кусков. Мама показывала пустую корзинку, а при этом выразительно поглядывала на дочь, еще не успевшую проглотить украденный у лошадей кусок хлеба. А лошадь ждала свою порцию и нетерпеливо била копытом, сопровождая это легким ржанием, как будто прося есть.

-Бедная лошадка! Она останется голодной. А вы, маленькая обжора, вновь ослушались меня, а ведь прекрасно знаете, что я запрещаю вам есть хлеб, предназначенный для лошадей. Итак, вы вновь заслужили наказание. Отправляйтесь опять в свою комнату, больше вы не будете ходить со мной в конюшню. А раз уж вы так сильно любите хлеб, то будете есть на обед суп с хлебом и больше ничего.

Софи грустно опустила голову и медленно поплелась в свою комнату.

-Ну, что опять случилось? - спросила няня. - Что опять натворили? Какую глупость вы опять сделали?

-Ничего особенного, я только съела хлеб, и одной лошади не хватило куска, - ответила, плача, Софи. — Я подумала, что мама ничего не заметит. А теперь у меня на обед будет только суп и сухой хлеб, - заплакала она еще громче.

Няня посмотрела на нее с жалостью и вздохнула. Она всегда немного баловала девочку. Няня

считала, что мадам Реан слишком строга с ребенком, и всегда старалась смягчить наказание. Так было и на этот раз. Когда слуга принес суп, хлеб и стакан воды - все, что составляло обед бедной Софи, няня, усмехнувшись, открыла свой маленький шкафчик и достала оттуда кусочек сыра и баночку варенья.

- Ешь сначала суп с хлебом и сыр, а потом - варенье.

И, видя, что Софи колеблется, ослушаться ей маму или нет, няня добавила:

- Мама вам прислала суп и хлеб, а остальное она есть не запрещала.

- Но когда меня мама спросит, давали ли мне что-нибудь к хлебу, нужно будет сказать, и тогда...

- В этом случае вы скажете, что я вам дала сыр и варенье, которые я приказала вам съесть, а объясняться с вашей мамой буду я сама. Тогда я ей скажу, что просто сухой хлеб мог повредить вашему здоровью и что даже заключенным в тюрьме дают не только хлеб, а и еще что-нибудь.

Няня делала очень плохо, советую Софи не слушать маму. Но Софи была такая маленькая и... она очень любила сыр.

И все же больше всего она любила делать все наперекор всем.

От редактора. Предлагаю читателям включиться в дискуссию относительно методов воспитания ребенка, пропагандируемых графиней де Сегюр. Ее роль в литературе неоспорима, не случайно ей посвящена статья в нашем первом номере. Более того: многие советские школьники, познакомившись с книгами графини де Сегюр, благодаря именно этим книгам стали изучать французский язык. Однако с позиций сегодняшнего дня те методы обращения с ребенком, которые практикует мадам Реан, вызывают у меня большие сомнения и даже протест. Наказание следует сразу за провинностью, поселяя в ребенке чувство смутной вины и отсюда желание делать все наперекор. Наказание сводится к лишению ребенка права делать простейшие трудовые действия (кормить пони в данном случае), а ведь приучение ребенка к физическому труду – одно из вопиющих белых пятен педагогики. Дважды на протяжении корот-

кого рассказа девочке с легкостью сообщают, что она глупа. Внушающая сила слова огромна, не только по отношению ко взрослому, но и к ребенку тем более! Если ребенок все время хочет кушать, в том числе и грубый черный хлеб, то это указание на то, что ему не хватает каких-то минеральных веществ (или, может быть, у него глисты). Как известно, мадам де Сегюр была ревностной католичкой. Православные и католические подходы к воспитанию детей существенно различаются. Католики вообще гораздо более низкого мнения о человеке. Итак, имеем по крайней мере 5 вопросов для дискуссии.

Далее мы помещаем стих, который переведен с русского на французский. Мне кажется, что он носит настолько программный характер, что его было бы полезно почитать всем современным политическим деятелям.

Е. ЗОЛОТУХИНА (Россия)

СВЕТЛЕЙШИЕ КНЯЗЬЯ

Есть на Руси светлейшие князья,
Что платят дань изменчивости жизни.
Пирут чернь на тризне по Отчизне,
С портретов предки смотрят нам в глаза...
Есть на Руси светлейшие князья...
Нас словно взрывы оглушают вести,
Иконы нынче плачут с нами вместе,
И злые тени мечутся скользя...
Есть на Руси светлейшие князья!
Есть на Руси светлейшие князья,
Что в годы смут встают незримой ратью.
Сменяется проклятье благодатью,
Когда сердцами открывается стезя...
Есть на Руси светлейшие князья!
Они не продают за злато чести,
Закон любви на месте кровной мести,
Князьям терять достоинство нельзя...
Есть на Руси светлейшие князья!
И луч надежды в воскрешены роды,
Так снова солнце светит с небосвода,
Когда утихнет сильная гроза...
Есть на Руси светлейшие князья!

1999 г.

E. ZOLOTOUKHINA

LES PRINCES SÉRÉNISSIMES

Les princes séénissimes existent en Russie
Payant leurs tributs aux grandes tempêtes fatales.
La populace banquète sur les pierres tombales,
Et nos aïeux regardent nos soucis...
Les princes séénissimes existent en Russie...
Mais les nouvelles explosent pour abasourdir,
Et les icônes en pleurent sans rien dire,
Les ombres des malheurs se glissent par ici...
Les princes séénissimes existent en Russie!
Les princes séénissimes existent en Russie
Comme les héros dans les maudites années.
La grâce revient dans l'âme fatiguée
Lorsque le cœur trouve son sentier précis...
Les princes séénissimes existent en Russie!
Ils accomplissent toujours le devoir d'honneur,
Et leur dignité n'a pas de prix mais une valeur,
Pas de vengeance, l'amour règne ici...
Les princes séénissimes existent en Russie!
La renaissance de nos familles défautes,
C'est le soleil au lieu de grande tempête,
C'est l'espérance, l'amour et la foi aussi...
Les princes séénissimes existent en Russie!
Перевод Любови Маричевой (Россия), 1999

Урок французского

Данный раздел будет всегда присутствовать в русскоязычной версии журнала. Акцент в нем делается на подлинных французских текстах, что позволяет углубить знания французского всем изучающим французский язык.

Paul Verlaine (1841-1896)

Impression de printemps

Il est des jours – avez-vous remarqué
Où l'on se sent léger qu'un oiseau,
Plus jeune qu'un enfant, c'est vrai! plus gai
Que la même gaiété d'un damoiseau

L'on se souvient sans bien se rappeler ...
Evidemment l'on rêve, et non, pourtant.
L'on semble nager et l'on croirait voler.
On aime ardemment sans amour cépendant

Tant est léger le coeur sous le ciel clair
Et tant l'on va, sûr de soi, plein de foi
Dans les autres, que l'on trompe avec l'air
D'être plutôt trompé gentiment, soi.

La vie est bonne et l'on voudrait mourir,
Bien que n'ayant pas peur du lendement,
Un désir indécis s'en vient fleurir,
Dirait-on, au coeur plus et moins qu'humain.

Hélas! faut-il que meure ce bonheur?
Meurent plutôt la vie et son tourment!
Ô dieux cléments, gardez – moi du malice
D'à jamais perdre un moment si charmant.

Перевод: Ирина Белая

Весенние ощущения

Бываю дни - живется налегке,
Паришь, как птица – песни петь пора!
Душа - младенца младше, а в строке
Игривее, чем щеголя игра.

И память, и забвенье - наяву
Иль в облаке мечты? Как ни зови -
Брожу и брежу, таю и плыву,
Сгораю от любви, но без любви ...

Мне час - как миг, мне каждый встречный - друг,
Стихи кидаю к ясным небесам,
Восторгом обманул бы всех вокруг,
С наивностью обманываюсь сам.

И завтра не боюсь - отныне, впредь
И навсегда - желанья пью до дна
Из кубка грез. Согласен умереть,
Но жажду счастья утолив сполна!

О, боги милосердные! Лета
Летят... Храните свет в душе моей!
Пусть жизнь прервется раньше, чем мечта
И сладкий миг очарованья ей!

Перевод сделан в 2009 году

Виктор Фет (США)

РЕКА

Всё, что ни есть на белом свете —
огонь на солнце, лёд в комете,
пещер невидимая тьма —
всё к нашей жизни равнодушно,
в то время как она сама
собой, меандрами реки
извилистой, течёт послушно,
и каждый день её изучен
у этих гипсовых излучин,
где все события легки.
И целый мир собрался здесь
в единый фокус, в эту взвесь
ещё не меркнувшего сна,
топографического пира,
и версия иного мира
уже не так удалена.
Сквозь эту ткань иной пловец,
и солнц, и истины ловец,
взьмет остатки наших снов
в свою ладью, как горсть жемчужин,
там каждый вдох и выдох нов,
и каждый всплеск и отблеск нужен;
там счёт идет на доли шага,
там крепче ньютонова тяга,
а берега моей реки
непредставимо далеки.

В ПОЛУСНЕ

Я вижу явственно, что в мире нет
и не было ни выбора, ни толка,
но ненадежно пригнана защелка,
и различим за ставнями рассвет.

В углу торчит неубранная елка,
я сочиняю умственный сонет,
а в телевизоре опять портрет
очередного фюрера унд фолка.

Зарыться снова в сон — но полусна
ткань расторможена, размягчена;
и гаснут очертания кристалла,

где виделись и замок, и река,
где записи исходные листала
тогда еще усердная рука.

НОВЫЙ ПРОЕКТ ДОКТОРА КУЛАКОВА

Есть у меня харизма,
я свой в любой стране;
марксизма-ленинизма
давно не надо мне.

В женевских штолнях ЦЕРНа
я обитать готов,
где пролита цистерна
постдоковских потов,

где физики не шутят,
а изменяют мир,
где черти воду мутят
в пределах черных дыр,

где возле русла Роны
подземною трубой
адронов эскадроны
летят в последний бой.

Есть у меня частица,
открытая в Перми:
ее не знал Капица,
ее не знал Ферми.

Ее хранил Минатом
в советские годы,
я заплатил ребятам
и взял ее сюда.

В труде благоговейном
я радостно солью
Эйнштейна с Франкенштейном
в единую струю.

Пущу мою частицу,
послушную рабу,
летучую, как птицу,
в швейцарскую трубу!

Лети, моя частица,
продли блаженный миг!
Пусть в водах отразится
сердитый Божий лик.

По подземельям ЦЕРНа
пройдет святая дрожь —

ни Цюриха, ни Берна
на карте не найдешь.

Гуд бай, дымы отечеств!
я вглядываюсь в даль,
грядущих человечеств
мне, может быть, и жаль,

но свет Большого Взрыва
влечет меня сильней
прощального призыва
береговых огней.

А может быть, не стоит
испытывать судьбу?
Пускай безумцы строят
ненужную трубу.

Пока не все открыты
частицы и поля,
пока еще с орбиты
не стронулась Земля,

пока моя частица
в кармане у меня,
пускай еще продлится
очарованье дня,

где, солнем осиян
над пеленой тумана,
вздымается Монблан
над гладью Лак-Лемана.

2008-2010

НАСЛЕДИЕ

Архив сознания перебирая,
я часто обнаруживаю в нем
знак или два, застрявшие у края,
горсть жестких букв, оплавленных огнем;
оплыvшей глинописи древний след,
девонское житье и меловое —
смотри: его наследие живое,
насвистывая, вылезло на свет!
И каждый скрупул жизни, каждый гран
ее течет в избытке предложений,
в пределах проницаемых мембран:
как не увлечься нежностью движений
в такой скупой конкретности, в такой
простой копировальной мастерской?
Но нету места в этом экипаже
для наших формул или наших фраз:
наследственность не видит нас и даже,
я думаю, не ощущает нас —
ни другом-гением, ни чуждым игом;
мы с ними счет ведем по разным книгам,
учитывая разницу, гордясь
приобретенным, внеприродным бытом,
пока еще поддерживая связь
с глухонемым исходным алфавитом.

2010

Юридическая рубрика

В этом номере мы продолжаем разговор о том, каковы права и обязанности супругов во Франции. И что происходит при их невыполнении.

На вопрос отвечает частно практикующий юрист Наталья Бокова (Франция).

Наталья С. Бокова

Юрист, выпускник Московской Государственной Юридической Академии, факультета семейного права Университета Жан Мулен Лион 3 и факультета предпринимательского права Университета Пьер Мендес-Франс Гренобль 2.

Специализируясь на кафедре Международного Частного Права МГЮА, с особой тщательностью изучала семейные отношения в международном формате и продолжила на факультете семейного права Университета Лион 3, в настоящее время предоставляет юридические услуги для физических и юридических лиц в области российского права, международного частного права, французского семейного и предпринимательского права на русском и французском языках.

Вы можете задать интересующие Вас вопросы по электронной почте: bokova@sajfr.com
Skype: **Natalia S. Bokova**
Тел. **09 52 39 05 50** или по телефонам редакции.
Сайт в интернете: www.sajfr.com

Права и обязанности супругов во Франции

Личные имущественные и неимущественные права и обязанности франко-российских супружеских пар регулируются законом совместного местожительства (при разном гражданстве супругов). Поскольку в большинстве случаев местом жительства супруги, один из которых имеет французское гражданство, а другой - иное, выбирают Францию, то их отношения регулируются французским правом.

Права и обязанности супружеских пар, проживающих во Франции, регулируются, в первую очередь, базовыми принципами, установленными Гражданским кодексом. Например, супруги обязываются быть друг другу верными, оказывать моральную и материальную поддержку, пропорционально своим возможностям обеспечивать ведение совместного хозяйства, проживать совместно (обращаю на это внимание читателя, просто так уходить

из семьи нельзя, уход должен быть оформлен через адвоката), заботиться о своих детях, совместно выбирать место жительства. Супруги в браке сохраняют права, установленные Гражданским кодексом и иными нормативными актами. Каждый из супружеских пар вправе открыть без уведомления другого счёт в банке на своё имя, свободен в выборе профессии, может единолично представлять интересы семьи во взаимоотношениях с третьими лицами, владеть, пользоваться, распоряжаться своим личным имуществом.

При нарушении супружеских обязанностей и препятствиях в реализации прав другого наступает гражданская или уголовная ответственность. Например, неисполнение обязанности по содержанию может грозить тюремным заключением и штрафом в денежном эквиваленте.

От редактора . Наталья Бокова выпустила в свет книгу на русском языке, которая может быть очень полезна людям, интересующимся семейным законодательством России и Франции.

КУПОН – ЗАКАЗ книги на русском языке

Особенности франко-российского брака: от заключения до расторжения

отправьте по адресу:

Mme BOKOVA Natalia
73260 Doucy-Combolouviere

Ваше Ф.И.О.: .....

.....
Адрес отпрахи
заказа:.....

.....
e-mail : ..... Телефон : .....

Цена : количество книг..... x 15[^] + 3[^] (frais de port)*

ИТОГО : ..... ^

Чек на имя Mme BOKOVA Natalia (www.sajfr.com/tel.06 48 999 254) РХ

* при заказе трёх и более книг отправка бесплатная

ОСОБЕННОСТИ ФРАНКО-РОССИЙСКОГО БРАКА: ОТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДО РАСТОРЖЕНИЯ
ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО с полезными ссылками, адресами, телефонами

Настоящая книга в доступной для массового читателя форме даёт ответы на вопросы, возникающие у граждан Франции и России, желающих заключить брак между собой, уже заключивших или желающих его расторгнуть.

Цель данной книги – познакомить читателя с основными правовыми понятиями о российско-французских семейных отношениях, складывающихся на территориях России и/или Франции.

Практическое руководство будет интересно и русскоговорящим гражданам стран СНГ, желающим заключить брак с французскими гражданами.

Новые книги

Lev Tolstoï « L'école de la vie »

Наряду с книгой Н.Боковой мы хотели бы отрекламировать другую только что вышедшую во Франции книгу, подготовленную членом нашей редакционной коллегии **Александрий Фийоль.**

В ознаменование столетия со дня смерти Льва Толстого (1910-2010) переведены детские истории Льва Толстого на французский язык. Описание этой книги мы даем на французском языке, поскольку она подготовлена полностью на французском.

En commémoration du centenaire de la mort de Lev Tolstoï (1910-2010), André et Alexandre Filhol ont traduit et publié pour la première fois en France **les histoires enfantines de Lev Tolstoï « L'école de la vie »** avec un bon sens éducatif. Le livre est bien illustré, correspond pour l'âge de 4-10 ans. On pourrait acquérir ce livre dans notre magasin russe ou au librairie Sauramps .

Bon du commandement du livre enfantin de Lev Tolstoï « L'école de la vie »

à faire parvenir avec votre chèque
à Mme Filhol Alexandre, 34260 Le Bousquet d'Orb

Nom.....	Prenom.....
Adresse complète:	
.....	
e-mail	Tel .....

Montant de la commande :

Nombre de livres souhaité :
15 euros x Nb exemplaires + 3 euros (frais de port).
Total livres (S)+port ..... euro.

Merci d'établir votre chèque à l'ordre
de Mme Filhol Alexandra

Елена Перельманн «10 дней свободы»

Далее мне как редактору особо хотелось бы отрекламировать книгу автора нашего журнала плюс по совместительству собкора по Германии Елены Перельманн «10 дней свободы». Хотя автор определяет свою книгу как детектив, мне кажется, границы жанры этой книги более широкие. Но сначала укажем формальные признаки книги.

191 страница, мягкий переплёт
Серия «ДВД» - детектив в дорогу
Крупный, удобный для чтения шрифт.

Социально-психологический и туристический детектив (это я пытаюсь все-таки определить границы жанра, но чувствую, что нет полного попадания в яблочко) Елены Перельманн «10 дней свободы» не только развлекает, хотя он полон весёлых ситуаций и комических происшествий, он ещё и рассказывает о судьбах нынешних эмигрантов (в основном женщин), по тем или иным причинам попавшим в Европу. Несмотря на различные характеры, их объединяет желание хоть на сколько дней почувствовать себя свободными от повседневных забот и волнений.

Но никто не представляет, какие перипетии выпадут на туристическом маршруте, столь тщательно разработанном главной героиней. Им предстоит столкнуться с очень жёсткой криминальной ситуацией, где замешаны воедино и кража бриллиантов, убийство и любовь.

Многие из описанных историй, приведенных в этой книге, – реальные события, и только некоторые – выдумка автора. Вам предстоит самим решать, что есть правда, а что – вымысел.

Зато все туристические достопримечательности показаны с экскурсионной точностью. Недаром автор имеет большой опыт гида-экскурсовода! А как литератор Елена Перельманн по ходу действия подчеркивает, что правила поведения в некоторых городах являются незыблёмы законом, за нарушение которого можно получить наказание. Поэтому, если вы отправляетесь в Италию или Швейцарию, подобное произведение можно использовать ещё и как краткий туристический справочник.

Вы можете приобрести эту книгу, списавшись с автором по его электронной почте:
perelena@web.de

Цена книги вместе с пересылкой **6,50 евро.**

Православные церкви в департаменте Эро

Сообщаем Вам о приходе Св Елены и Святого Креста (Метрополия Русской Зарубежной церкви в Западной Европе, приход подчиняется администрации в Париже 12, rue Daru, 75008 Paris). Адрес прихода **Paroisse Sainte Helene et la Sainte Croix, 8, rue Thérèse, 34090 Montpellier**. Руководитель прихода **René Fouilleul**, замечательный в своем роде священник, в профессиональном отношении педагог по трудным подросткам.

Контактный телефон: 04 67 81 93 46

Напоминаем также адрес Румынской православной церкви, о которой мы писали в первом номере журнала: приют католиков-иезуитов **Notre Dame de Lourdes rue de la Garenne, Montpellier, prêtre Mihai Terrier.**

Dame de Lourdes **rue de la Garenne, Montpellier, prêtre Mihai Terrier.**

Контактный телефон: 04 90 82 29 63.

Мы не сообщаем здесь расписания служб, просим только иметь в виду, что воскресные службы в румынской церкви проходят во второе и четвертое воскресенье месяца, субботние службы в первую и третью субботу месяца, а в приходе Св Елены воскресные службы проводятся в первое и третье воскресенье месяца. Для желающих посещать православную церковь каждую неделю это очень существенно.

По субботам начало служб в 18 часов, по воскресеньям в 10 часов.

Редактор благодарит за помощь и за моральную поддержку при подготовке данного номера журнала:

Никиту Патрахина (Москва)
Владимира Алексеева (Париж)
Сергея Тихомирова (Вена)
Наталью Шурину-Стремитину (Вена)
Маргариту Эстальриш (Монпелье)
Виолетту Реймонд (Монпелье)
Нелю Лазорчак (Монпелье)
Владимира и Аллу Сергеевых (Париж)
Геннадия Прашкевича (Новосибирск)
Наталью Баранову (Новосибирск)
Галину Сычеву (Москва)
Ларису Флер (Лион)
Наталью Бокову (Лион)

Редакционная коллегия журнала:

Татьяна Вьюгина (главный редактор),
Александра Фийоль-Алексеева (зам. главного
редактора).

Представители журнала:

в Москве - Сычева Галина Юрьевна
в Новосибирске - Баранова Наталья Владимировна

в Вене - Шурина-Стремитина Наталья Львовна
По всем вопросам, адресованным представителям журнала, и по прочим вопросам, обращаться по электронной почте редакции:
tversh@yahoo.com

Ориентировочная цена сдвоенного номера (без почтовых расходов) 10 евро. Если Вы захотите подписаться на 4 ближайших номера, то цена каждого номера будет уменьшена. Вопросы о цене предлагаем решить по электронной почте.

Если у Вас случайно оказался лишний экземпляр нашего журнала, то большая просьба не выбрасывать, а написать нам по электронному адресу, мы лишний экземпляр заберем у Вас.

При перепечатке и цитировании ссылка на наш журнал обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей и очерков.